

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24,
издательство «Вече».
Телефоны: 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Филиал в Нижнем Новгороде
«Вече—НН»
тел. (8312) 64-93-67, 64-97-18.
Филиал в Новосибирске
ООО «Опткнига—Сибирь»
тел. (3832) 10-18-70
Филиал в Казани
ООО «Вече-Казань»
тел. (3832)10-18-70

С лучшими книгами издательства «Вече»
можно познакомиться на сайте
www.100top.ru

МЕСТО И ВРЕМЯ

Приступая к рассказу о хеттах и том районе мира, где они жили, любой исследователь оказывается в затруднительном положении: трудно говорить о народе, которого давно уже нет на планете, а на его месте уже на протяжении тысячелетий живут совершенно другие люди...

В истории цивилизации такое случалось со многими этносами. Давно нет на земле этрусков и готов, лигуров и древних египтян, ацтеков и гуанчей Канарских островов. Они исчезли по разным причинам и в разное время, однако жива их культура и память о них вечна. Оказалось, что в таком же положении сегодня и хетты, хотя еще столетие назад об этом народе и его империи на земле не знал никто. И причиной тому были условия, в которых этот народ развивался. В то время как в Египте и Двуречье создавались могучие централизованные державы, просуществовавшие, несмотря на временные периоды ослабления и распада, целые тысячелетия, в Малой Азии, а точнее Анатолии (именно здесь развивались интересующие нас события) сложилось совсем другое положение.

Природные условия этого обширного полуострова, омываемого с трех сторон столь любимыми нашими туристами морями — Черным, Мраморным, Эгейским и Средиземным и пересеченного горными цепями, не способствовали, прямо скажем, процессу слияния племен и народностей. Крупных речных долин тут не было. Самая большая река — Галис (современный Кызыл-Ирмак), впадающая в Черное море, не могла идти даже в отдаленное сравнение с Нилом или Евфратом.

Рельеф местности — плоскогорья и горные хребты — не позволял создать единую ирригационную систему, хотя небольшие каналы и рыли — главным образом для орошения садов и огоро-

Хеттский воин, часть рельефа из Каркемиша

дов. Преобладающую роль играло скотоводство, в особенности коневодство, чему способствовало обилие степных пространств, пригодных для пастбищ. Большое значение имело также, как ни

странно, пчеловодство. Горы были покрыты густыми лесами, и недра их, в особенности Таврского хребта, были богаты металлами — серебром, медью, свинцом, железом.

Народ, живший здесь, представлял собой целый конгломерат разноязычных племен и за несколько веков существования империи достиг невиданного могущества. Ее границы простерлись с запада на восток от Эгейского моря до Евфрата и даже до Тигра, а с севера на юг — от Черного до Средиземного морей, по суше же доходили до Сирии.

В этой книге мы расскажем о том, как загадочные земли хеттов мало-помалу приоткрывали свои сокровища ученым, как загадочный и таинственный народ понемногу являл себя современному миру.

Сегодняшние путешественники и туристы могут взглянуть на наследие хеттов во время своих странствий и отдыха по Турции. Правда, главные центры их цивилизации — Хатгуса, Пурусханд, Самуха, Куссар — расположены довольно далеко от Анталии и других привычных мест скопления отдыхающих со всего мира — в Центральной Анатолии. Однако с помощью местных турагентств и представительств Министерства туризма республики в отдельных городах можно заказать поездки на те или иные городища и места раскопок и, посмотрев на то, что осталось, воочию убедиться в былом величии хеттской цивилизации.

Часть первая ПО СЛЕДАМ ХЕТТОВ

1. Все начинается с Библии

Царь отправился в путь. Все вещи собраны. Дворец и храмы заперты. Царь «закрыл» свой столичный град и отбыл в неизвестном направлении. До сих пор никто не знает куда. Так — пропажей царя и двора — кончилась многовековая история Хеттской державы. В смутное древнее время — в пору переселения «народов моря» — Хеттская держава была вмиг упразднена. Она растворилась в небытии. Великих властителей Востока ждали тридцать веков забвения.

Уже «отец истории» Геродот (между прочим, уроженец Малой Азии), равно как и последующие греческие и римские историки, ничего не знали о «стране хеттов», хотя несколькими столетиями ранее она диктовала свою волю фараону Рамсесу II. Египет остался неизменной темой традиционной историографии. Его достойные противники — хетты — канули в Лету.

В Ветхом Завете хетты упомянуты несколько раз. Так, в Книге Бытия сказано, что пророк Авраам, поселившись на юге Палестины, встретил здесь хеттов. «...и говорил сынам Хетовым... я у вас пришлец и поселенец» (Быт. 23, 3—4). Хетты отнеслись к нему радушно, а после смерти жены «...достались Аврааму поле от сынов Хетовых поле и пещера, которая на нем...» (Быт. 23, 20). Это поле находилось вблизи Хеврона (Ханаана) — одного из древнейших городов Палестины. Недаром библейские словари, выпущенные в начале прошлого века, сообщали: «Хеттеи — народ ханаанский».

Когда по прошествии нескольких веков сыны Израилевы вслед за Моисеем устремились в Палестину, хетты все еще жили там: «Амалик живет на южной части земли, Хеттеи, Иевусеи и Аморреи живут на горе...» (Чис. 13, 30).

В отличие от многих других скульптур этот сфинкс избежал разрушения при уничтожении храма в Айн-Даре

Пожалуй, самым известным среди библейских хеттов был «Урия Хеттеянин» (2 Цар 11, 3), ведь это его жену, Вирсавию, возжелал царь Давид. Урия погиб при осаде города, а вслед за ним исчезли с библейских страниц и хетты.

Если читатели Библии и задумывались о том, кто они были, сыновья и дочери «Хетовы», то быстро находили ответ. Мало ли подобных племен — моавитян, аммонитян, мадианитян — упомянуто на страницах священной книги? Все они исчезли без следа, растворились в прошлом, как рисунки, прочерченные по песку пус-

тыни. Одним из этих малых племен — безликих, словно песчинки, — наверное, были хетты.

Разве что один библейский стих удивлял комментаторов. В Четвертой книге царств говорится об осаде сирийцами (арамеями) израильской крепости Самарии. В одну из ночей у стен города «...послышался стук колесниц и ржание коней, шум войска большого» (7, 6). Слышавшие это сирийцы сказали в страхе: «...верно нанял против нас царь Израильский царей Хеттейских и Египетских, чтобы пойти на нас» (7, 6). Страх охватил их, и побежали они.

Неужели грозная армия сирийцев могла испугаться жалкого племени хеттов? И почему хеттов помянули вровень с египтянами? Горстку кочевников и великое царство! И если хетты были так сильны, то где лежала их столица? Откуда под стены Самарии двинулись колесницы? Историки не могли ничего ответить, а археологи — ничего найти. Может быть, в текст вкралась ошибка безвестного переписчика?

В XIX веке удалось расшифровать египетские иероглифы. И вот среди прочитанных текстов оказались и те, где говорилось о «народе хеттов», об «ужасных хеттах». Оказывается, в начале XIII века Рамсес II даже сразился с хеттами и разбил их при сирийском городе Кадеше. На стене одного из египетских храмов обнаружили огромный рельеф, созданный в честь славной победы: могучий фараон и его воины истребляли длинноволосых людишек — тех самых хеттов, что умели веками жить, не оставляя следов. Наконец, на стене храма в Карнаке нашли текст мирного договора с хеттами. Вот и все. Хетты вновь растворились в «историческом тумане».

2. Где эта страна? В Сирии, Турции, Ливане?

В 1812 году молодой швейцарский путешественник Иоганн Буркхардт заметил в стене дома в сирийском городе Хамат (совр. Хама) базальтовую плиту, испещренную иероглифами, «никоим образом

не похожими на египетские». Он упомянул об этой истории в своем дневнике.

Пять лет спустя «шейх Ибрагим-ибн-Абдаллах» — под таким именем Буркхардт странствовал по Востоку — умер в Египте от лихорадки. «Мало кто из путешественников был одарен такой тонкой наблюдательностью, которая является природным даром и, как всякий талант, встречается очень редко», — такого восторженного отзыва он удостоился от ученых.

Когда Кембриджский университет, в котором учился Буркхардт, получил коллекцию путешественника — три с половиной сотни рукописей и его путевые дневники, — они вызвали такой интерес, что решено было опубликовать их. Так появилась книга под названием «Путешествия по Сирии и Святой земле». В ней описано было много диковин Востока, в том числе и «камень с множеством мелких фигурок и значков, которые выглядели как иероглифы», но эта заметка осталась незамеченной. Мало ли какие камни можно сыскать в далекой стране?!

Полвека спустя, в 1870 году, два американских путешественника, Джонсон и Джессап, побывавшие в Хамате, пригляделись к тому же камню и нашли еще несколько таких же, со странными письменами. Они попытались срисовать загадочные значки, но местные жители возмутились. Камни эти считались здесь священными, лечили от болезней, а чужеземцы хотят отнять у них врачующую силу. Незадачливых гостей прогнали.

Однако камни и впрямь были магическими. Они так и притягивали к себе людей пришлых. Годом позже в город приехал ирландский миссионер Уильям Райт. Он заручился поддержкой сирийского губернатора, и тот дал ему солдат. Не слушая ничьих возражений, солдаты попросту выломали камни из стены и отнесли их в ратушу. Райт скопировал надписи, а камни отправили в Археологический музей, открывшийся в Стамбуле.

В это же время в одной из мечетей Алеппо, в 160 километрах к северу от Хамата, отыскивали еще один камень с такими же письме-

нами — и, разумеется, тоже магический. Местные жители припрятали свой камень, когда увидели, что европейцы подбираются к их святыне. Но поздно, и здесь неведомые значки были срисованы!

Базальтовая стела VIII в. до н.э. изображает малолетнего писца с инструментами на коленях у матери

Вот только рисунки эти никто не мог разгадать. Правда, английский археолог Арчибальд Генри Сэйс обмолвился: «Уж не библейские ли это хетты оставили о себе память?»

Между тем в 1878 году экспедиция британских археологов приступила к раскопкам давно забытого города — Каркемиша. Этот город, лежавший на берегу Евфрата, упоминался в одной из ассирийских надписей (около 1100 г. до н.э.) как столица «страны Хатти». Может быть, в этой стране и жил народ хеттов?

При раскопках в Каркемише были найдены многочисленные надписи, напоминавшие те же письма, что видели на камнях в Хамате и Алеппо. Теперь ученые могли очертить границы страны хеттов. Их держава, очевидно, лежала в Сирии.

Вскоре последовали новые находки. Английский путешественник И. Дж. Дэвис сообщил, что видел в Южной Турции, в горах Таврского хребта, такие же надписи на скалах. Там же были рельефные изображения. Кто-то вспомнил, что такие же рельефы видели в северной части Таврского хребта, рядом с Анатолийским плоскогорьем. Что если и там жили хетты?

Сирия, Южная Турция... Неведомая страна хеттов росла. Не полководцы, а ученые и путешественники завоевывали для нее одну область за другой. В 1880 году вышла статья А. Сэйса «Хетты в Малой Азии». Автор предполагал, что хетты пришли в Сирию из горных районов Анатолии и что когда-то им принадлежала большая часть Малой Азии. То была, впрочем, лишь «фантазия в духе науки». Никаких серьезных доводов этот энтузиаст, прозванный «изобретателем хеттов», не привел. Никто не мог прочитать надписи, оставленные хеттами. Да и были ли эти надписи хеттскими?

В 1884 году уже знакомый нам Уильям Райт выпустил книгу под названием «Империя хеттов, с приложением расшифровки хеттских надписей, выполненной профессором А.Г. Сэйсом». Однако о подлинной расшифровке текстов пока не могло быть и речи.

3. Когда за дело берется жена феллаха

В 1887 году поиск хеттов принял неожиданный оборот. В тот год жена египетского феллаха (крестьянина) из деревни Телль-эль-Амарна случайно наткнулась на глиняные таблички с надписями. Односельчане узнали о том и тоже стали искать таблички, ведь их, говорят, можно было продать. Есть же чудачки, что покупают подобные безделицы. Уже в ближайший год на черном рынке Каира появилось около двухсот табличек. По египетским законам, их вывоз за границу был запрещен, но, как сообщал русский востоковед Бо-

Хеттский писец должен был знать не только минимум 500 значков, но и их многочисленные значения в зависимости от контекста

рис Тураев, «в Британский и Берлинский музеи и различные частные коллекции поступило 358 документов» из Амарны, начертанных в основном вавилонской клинописью. Впрочем, коллекция могла поступить и в Каирский музей, но его сотрудники посчитали таблички обычной подделкой.

Оказалось, что был найден архив фараона Эхнатона (Аменхотепа IV) (1419—1400), чья столица лежала в окрестности Телль-эль-Амарны. Здесь хранились донесения правителей сирийских, финикийских и палестинских городов, подчинявшихся Египту, а также переписка с царями крупнейших держав того времени — Вавилона, Ассирии, Митанни. Было там и письмо от царя хеттов — Суппилулиумы, написанное тоже на вавилонском (аккадском) языке.

На базальтовом рельефе — двое арамейских придворных IX в. до н.э., живших в одном из мелких городов-государств, образовавшихся после распада империи хеттов

Вот уж странная депеша! Этот безвестный царек мнил себя равным фараону. Он соизволял поздравить «брата своего» со вступлением на трон. Сам же он, как и народ хеттов, с обретением этого письма «официально» вступал в историю. Теперь в существовании хеттов уже не было сомнений. Известные египтянам, они стали известны науке.

Авторы некоторых других писем из Амарны тоже не молчали, а жаловались на угрозы хеттов, на походы их царей. Согласно их донесениям, армия хеттов вступала в Сирию, не оттаивалась, шла войной на Ливан... Хетты словно бросали

вызов фараону, а заодно всем историкам. Кажется, до этого из аналогов исторической науки была вытравлена память о грозном народе, который в конце II тысячелетия до нашей эры принялся завоевывать всю Переднюю Азию. Но где жил этот народ прежде? Где были его исконные владения? Неужели и теперь считать хеттов крохотным племенем, жившим в горах Палестины? И куда исчез этот народ?

Возможно, страну хеттов следовало искать к северу от Таврского хребта. Пока же внимание ученых привлекла еще одна находка. Среди архива Амарны были найдены две таблички на неизвестном языке. Незнакомом!

К концу XIX века языки народов древнего Востока уже не были загадкой для филологов. В принципе опытный ученый-ориенталист мог прочитать любой клинописный текст. Эти же письма выглядели странным набором знаков, который никак нельзя было истолковать. Ученые сумели лишь понять, что они были адресованы царю, правившему в некой «Арцаве». Предположительно, она находилась в Малой Азии. Для удобства решили называть этот неизвестный язык «арцавским».

Лет через десять после находки архива в Амарне интересное открытие сделали на севере Турции, близ деревни Богазкей. Там нашли несколько табличек с надписями на «арцавском» языке. Так знатоки истории Древнего Востока впервые обратили внимание на Анатолийское плоскогорье — для науки оно было белым пятном. Казалось, здесь нельзя было сыскать никаких древностей. О какой цивилизации здесь могла идти речь? Теперь же стало ясно, что и в этой глуши три с половиной тысячи лет назад жили люди, знавшие тот же язык, на котором читали письма за тысячи километров отсюда — в столице Египта. Почему бы не провести раскопки в Анатолии? Да вот и близ Богазкея имелись же какие-то подозрительные руины! Что за народ оставил эти обтесанные камни, сложил из них подобие стен?

4. Какие-то камни из Богазкея

В 1830 году француз Шарль Феликс-Мари Тексье (1802—1871), побывав близ деревни Богазкей, в 150 километрах от Анкары, осмотрел странные руины, оставленные здесь неведомыми племенами. Увиденное привело его в восторг. Когда-то здесь был «такой же великий город, как Афины в древности». Город окружали стены; на их вратах стояли каменные львы и был изображен сфинкс. Неподалеку, на скале, были высечены огромные рельефы и какие-то иероглифы.

Что за народ оставил их? История Древнего мира была полна белых пятен. Наверное, мы можем лишь описывать древние памятники, но тайну их никогда не разгадаем. В своей книге «Описание Малой Азии», выпущенной в 1839 году, Тексье воспроизвел некоторые изображения, найденные в Богазкее. Но кто объяснит их смысл? «Сперва я был склонен видеть в этих руинах храм Юпитера, — признавался путешественник, — но позднее мне пришлось отказаться от этой мысли... Эту постройку нельзя было отнести ни к одной из римских эпох; величественный и своеобразный характер руин привел меня в замешательство».

Помимо руин, Тексье отыскал скальное святилище Язылыкяя, вдоль стен которого застыли десятки высеченных в камне фигур, — очевидно, древних богов. Крылатые статуи молча взирали на путешественника; не мог одолеть их молчания и он.

К началу XX века о хеттах было известно, что когда-то они бросали вызов Вавилону и Ассирии, что они поддерживали отношения с фараонами и — если верить египтянам — были разбиты Рамсесом II при Кадеше. Впрочем, был ли разгром? Борис Тураев еще почти сто лет назад отмечал, что «битва при Кадеше не имела тех результатов, которых можно было ожидать от победы: вслед за ней мы видим восстание всей Сирии до самых границ Египта, а хеттов — в Дапуре, южнее Кадеша». Но где были их исконные владения? Где располагалась их столица? Откуда они пришли?

Аэрофотоснимок окрестностей Хаттусы показывает остатки Южной крепости

Другой дореволюционный российский историк Роберт Виппер в своей «Истории древнего мира» давал расхожий для того времени ответ: «Хетиты, утвердившиеся на высоком плоскогории Малой Азии, пришли из Туркестана и по своим обычаям, одежде и наружности напоминают современные нам среднеазиатские племена». Но так ли это? Возможно, новые хеттские письмена дадут ответ.

В 1903 году в поисках «арцавской» клинописи историк Хуго Винклер из Берлинского университета отправился в Ливан. Там, говорят, видели такие таблички.

Винклер был известным ученым-ориенталистом. Об этом говорит один лишь список его научных трудов. В 1889 году он выпустил двухтомник «Клинописные тексты Саргона», три года спустя — книгу «Клинописные тексты к истории Ветхого Завета»; он также перевел «Законы Хаммурапи» и написал двухтомную историю Израиля. Он был типичным кабинетным ученым, предпочитавшим вести раскопки на полках библиотек и разгребать не землю, а пыль, покрывшую книжные тома. Он был из тех ученых, что делают открытия на кончике пера; впрочем, чаще всего у них получаются лишь удачные компиляции.

Однако новость об «арцавских» письменах звучала так интригующе, что Винклер не удержался от «научной экспедиции», то бишь на свой страх и риск, в одиночку, поехал на землю древней Финикии. К тому времени его отношения с коллегами окончательно испортились. Никто не хотел признавать идею, овладевшую им, а она была так гениально проста! Винклер, все еще доцент, не профессор (вот они, происки врагов!), считал, что вся человеческая культура происходит... из Вавилона. Этот город был подлинной колыбелью человеческой цивилизации. Здесь были сделаны все изобретения, все открытия; здесь зародились все идеи, когда-либо осенявшие людей. Короче говоря, Винклер был решительным «панвавилонистом». Для него все цивилизации от Китая до Южной Америки были лишь бледными копиями великого Вавилона. Его коллеги посмеивались над ним, и он решил ненадолго сбежать из Германии.

В Ливане его ждала полная неудача. В досаде он вернулся в Берлин, где его ждало утешение: он был назначен экстраординарным профессором. С этого дня Винклер зарекся от участия в каких-либо раскопках. Ясно же, что он не приспособлен для этой работы!

Через несколько месяцев, когда неудача уже стала забываться, он неожиданно получил по почте подарок — табличку на «арцавском» языке, присланную из Стамбула. Ее отправителем был Макриди-бей, сотрудник местного Оттоманского музея. С ним Винклер познакомился во время недавней поездки.

Сборы длились недолго, и вот уже Винклер беседует в Стамбуле со своим корреспондентом. Оказывается, эту табличку нашли в деревне Богазкей, в Анатолии, а не в Сирии. Вместе с Макриди-беем Винклер поехал в эту отдаленную деревушку, лежавшую на высоте 1000 метров над уровнем моря. Он и представить себе не мог, в какую глушь попадет. Ориенталисту решительно ничего не нравилось на Востоке. Днем ему было слишком жарко, ночью — холодно. Он жалуется на клопов на постоянных дворах, на «ужасные лошади и седло». Ему кажется, что он попал в средневековую страну. «Как можно жить в этом диком краю?» — ворчал немецкий профессор, но съездил он не зря.

19 октября 1905 года Винклер в первый раз осмотрел руины, лежавшие невдалеке от деревни. Удивительно! Вот участок, огоро-

От древнего глиняного кувшина сохранился только фрагмент, изображающий башню

женный каменными стенами. Чуть дальше по склону взбираются циклопические стены, стоят огромные камни, ворота с каменными львами — целый город, покинутый город. Его стена в поперечнике достигала километра — по античным меркам, это был очень большой город.

Где же нашли эту табличку? Винклер расспрашивал крестьян. Они не могли взять в толк, о чем идет речь: эти же черепки попадаются всюду. Не мешкая, Винклер взялся за раскопки, а уже через три дня начались проливные дожди. Надо было срочно возвращаться в Анкару, иначе он мог на всю зиму застрять в этой глуши, где не было и сотни домов. Он покидал Богазкей. Ученого переполняла радость; он вез с собой тридцать четыре таблички с таинственными письменами. Небывалая удача!

Летом 1906 года Винклер поехал в Богазкей уже во главе небольшой экспедиции. Теперь у него были деньги для проведения раскопок. Его поддержали Германский археологический институт и Германское Восточное общество, директора музеев и банкиры. Вместе с ним вновь поехал и Макриди-бей. Целыми днями жители деревни рылись в земле. Герр профессор, как ребенок, вертел в руках сотни принесенных ему табличек, осматривал их, складывал лишь в ему ведомом порядке. Вот только прочитать не мог. Почти все надписи были сделаны на «арцавском» языке. Лишь кое-где попадался знакомый ему аккадский текст. Однажды ему принесли табличку, на которой было начертано:

«Договор Рамсеса, возлюбленного Амоном, великого царя страны Египетской, героя, с Хаттусили, великим царем, правителем страны хеттов, своим братом... Превосходный договор мира и братства, дающий мир... до вековечности». Из тьмы веков выступил могущественный правитель, диктовавший свою волю фараону, сражавшийся с ним и разделивший с ним почти весь известный тогда мир.

Это был звездный час Хуго Винклера. Он держал в руках документ важнейшей государственной важности — договор одного царя с другим. Во все времена подлинники подобных документов храни-

лись лишь в царских архивах, а они располагались всегда в столице страны. Значит, он открыл столицу державы, давно исчезнувшей с карты мира, — столицу страны хеттов. Так над домишками деревни Богазкей вознеслась тень великого города — Хаттусы.

Во время раскопок попадались и другие таблички на аккадском языке. Им хетты тоже пользовались в дипломатической переписке. По этим надписям ученые начали воссоставлять историю хеттского народа, совершенно неизвестную науке. Однако большая часть табличек, найденных Винклером — а их было тысяч десять, содержала надписи на «арцавском» языке. Что они могли означать?

5. Будущий маэстро умерших языков

Начало прошлого века было отмечено крупными археологическими открытиями во всех уголках мира. Англичанин Артур Эванс откопал царский дворец в Кноссе на Крите, где находился овеянный легендой и тайнами лабиринт Минотавра. Немец Роберт Кольдевей отрыл основание знаменитой Вавилонской башни и вавилонских оборонительных стен, которые античный мир считал вторым чудом света. Русские и советские археологи раскопали на территории Армении крепости и строения могучего государства древности Урарту. Английские и индийские археологи открыли древней-

Золотой брелок времен нового царства в виде божества в конической шапке имеет в высоту 3,9 см

шую культуру в бассейне реки Инд, города и памятники искусства в Мохенджо-Даро и Хараппе. Французы изучили монументальные документы ангорской культуры в Кхмере, англичане — развалины городищ и укрепленных золотых копей в Зимбабве (Родезия). Американские археологи обнаружили новые пирамиды в джунглях Юкатана (Мексика), надписи царицы Савской в южноаравийской пустыне и дворец Нестора в греческом городе Пилосе.

Наиболее сенсационной археологической находкой нашего века была гробница Тутанхамона, из которой открывшие ее англичане Говард Картер и лорд Карнарвон извлекли несколько центнеров сокровищ, и не только исторических, но и сокровищ из золота и драгоценных камней. Опись драгоценностей, украшавших мумию, заняла в сообщении Картера более тридцати машинописных страниц, а их стоимость превышала стоимость драгоценностей в короне британских королей. Но все же ни одна из этих находок не означала открытия истории целого народа, целой империи.

Биография человека, сделавшего эпохальное открытие, «была бы интересна, даже если бы она была неинтересной», — пишет биограф Грозного Войтех Замаровский. Но она похожа на большой роман, где волнующие главы, посвященные местам научных работ, перемежаются с приключениями во время странствий по пустыням, не менее интересными, чем приключения автомобилистов И. Ганзелки и Я. Зикмунда, и детективными ситуациями, при помощи которых держит в напряжении своих читателей Конан Дойл. Вдобавок роман насквозь драматичен, в нем есть и трагические ошибки — ошибки человека, который, вместо того чтобы почтить на лаврах, предпочитает искать, рискуя потерпеть неудачу.

Родился Бедржих Грозный 6 мая 1879 года в Лысой-над-Лабой, очаровательном городке, раскинувшемся среди образцово обработанных полей.

Семейная жизнь в приходе была идеально образцовой и гармоничной, ничто ее не омрачало, вспоминал он. Подчиненная строгому распорядку — от утренней молитвы до вечернего чтения вслух

Библии, — она протекала «в умеренном достатке»: провинциальному священнику, отцу пятерых детей, из которых Бедржих был самым старшим, приходилось туго.

Ничего обращающего на себя внимание не может зарегистрировать биограф в раннем детстве Грозного, ничего такого, что предвещало бы его будущую славу. Говорят, Шампольон в пятилетнем возрасте сам выучился читать, когда при помощи заученного наизусть «Отче наш» разобрал отдельные буквы в молитвеннике, принадлежавшем его матери. Грозного читать и писать обучил в местной евангелической однолетней школе учитель Фер. Говорят, Гротенд шести лет от роду решал ребусы, усвоив таким образом методику, которую он позднее с таким успехом применил при расшифровке клинописных надписей из Персеполя. Семилетний Шлиман заявил отцу, который рассказывал ему о пылающей Трое и ее исчезновении с лица земли: «Я Трою найду, когда вырасту!». Грозный слышал за вечерним столом библейские имена, которые впоследствии ему суждено было встретить на ассирийских и вавилонских таблицах, но думал он при этом о том же, о чем думали его братья и сестры. Короче говоря, он был самым обыкновенным ребенком.

Отец решил сделать его тоже священником. Бедржих Грозный беспрекословно ему подчинился. Путь к богословию лежал через гимназию, и отец не останавливался ни перед какими жертвами, чтобы дать Бедржиху возможность учиться в Праге.

1 сентября 1889 года Грозный переступил порог академической гимназии на набережной Сметаны, лучшего среднего учебного заведения Праги. 27 первоклассников вскоре убедились, что учитель Дртина — замечательный человек, а, следовательно, латынь — интересный предмет. Потом это мнение распространилось также на учителя Калоусека и греческий. И все же лишь немногих по-настоящему увлекло изучение мертвых языков, только один ученик написал: «Уроки латыни и греческого были скорее приятным развлечением, чем занятиями».

Каникулы в обществе отца — активная подготовка к будущей профессии. «Греческий, латынь — разумеется! Но не забывай, что основа изучения Библии — это еврейский и арамейский языки! А также история древнего Востока!» Бедржих Грозный об этом не забывает. В 8-м классе он самостоятельно изучает еврейский по грошовому немецкому учебнику. Успехи побуждают его год спустя заняться арабским. Он читает в оригинале «Историю» Геродота и обнаруживает, что она — в равной степени поэтическое и историческое произведение, к тому же удивительно всеобъемлющее: Греция, Египет, Персия, каждая страна в отдельности и все вместе.

Лишь поднявшись на крыльях общих знаний достаточно высоко для того, чтобы иметь широкий кругозор, он избирает дорогу, по которой намеревается идти. Пока она еще малоизвестна и для него недоступна, но в конце ее — то самое таинственное, что неизменно влечет! И вот эпизод — он рассказывал о нем не единожды, последний раз за несколько недель до смерти в стржешовицкой больнице, — в котором впервые проявился весь Грозный. В седьмом классе он пытается раздобыть учебник ассирийского языка. «Не было у меня в ту пору желания более страстного... И вдруг я увидел учебник в витрине магазина юридической книги на Конском рынке, нынешней Вацлавской площади. Почему юридической — не знаю, но стоил он два золотых! Прикидываю, что если два месяца ужинать одним хлебом и через день покупать по полсардельки... Нет, не получается! Отставлю и эти полсардельки. Опять не выходит! Это был самый горький момент за все время моих пражских занятий».

В феврале 1896 года, не достигнув еще и пятидесяти, внезапно умер отец. Для семьи это означало потерю кормильца и квартиры, так как в Лысую должен был приехать новый священник. Мать перебралась в Колин, туда же переехал и Бедржих, потому что даже при крайней скромности нельзя было рассчитывать на то, чтобы закончить гимназию в Праге.

Но нет худа без добра — мы имеем в виду не личные чувства Грозного, а его дальнейший жизненный путь. В колинской гимназии

преподавал учитель Юстин Вацлав Прашек, один из пионеров чешской ориенталистики, автор первой чешской истории древнего Востока и ряда работ, на которые долго опиралась научная литература и у нас и за границей. Эрудиция и педагогические способности Прашека вполне соответствовали университетскому уровню, но во времена Австро-Венгерской монархии кафедра ориенталистики была для Карлова университета слишком большой роскошью. И Прашек остался в провинциальной гимназии. Узнав, что новый ученик собирается по окончании гимназии поступить на богословский факультет и интересуется восточными языками, Прашек завалил его книгами и отдавал ему все свое свободное время. От него Бедржих Грозный усвоил не только азы ассирийского языка и аккадской клинописи, но и ту истину, что долг каждого научного работника — популяризировать результаты своих изысканий. Учитель, который оставляет ученика холодным, — плохой учитель. Прашек же был учителем превосходным.

В июле 1897 года Грозный с отличием сдал выпускные экзамены в колинской гимназии и, увлеченный ориенталистикой, уехал в Вену, чтобы поступить на евангелический богословский факультет (в Чехии такого не было), как того желал его отец.

— Кто читает историю древнего Востока?

— По этой специальности вот уже два года как никого нет.

— У кого я могу записаться для изучения ассирийского?

— Ассирийский здесь не преподают.

— А введение в ориенталистику?

— Святая простота, да ведь здесь же не наукой занимаются, а готовят священников! Идите на философский!

Бедржих заполнил 32 формуляра, необходимых для поступления на богословский факультет, чтобы потом явиться в деканат философского и проделать то же самое. Почему бы и не рискнуть заниматься сразу на двух факультетах? Если кое-кто толкует академическую свободу таким образом, что не посещает ни одной лекции, то почему бы ему не толковать ее как возможность слушать два цикла сразу? Но один из парадоксов университетского обуче-

ния состоял в том, что именно второе толкование было наказуемо. Грозный должен был сделать выбор. Известно, что он сделал правильный выбор, избрав ориенталистику, но его мать и все, кто желал ему добра, ломали руки перед смущенным Прашеком. Хлеб священнослужителя скуден, но это верный хлеб, тогда как ориенталистика — боже мой, разве может прокормить эта, одна из самых непрактичных наук!

При этом Грозному не повезло: несмотря на то что город на голубом Дунае каждому обещал исполнение всех его сокровенных желаний (по крайней мере, если верить словам известного вальса), в нем не нашлось ни одного профессора ассириологии! Другие об этом не сожалели, но... Выдающийся семитолог доктор Д.Г. Мюллер, на лекции которого по ассириологии Грозный записался, почти целиком посвятил свои занятия арабскому языку; ассирийский он читал по расписанию лишь один час в неделю, а практическим занятиям по нему отводил всего час в месяц. Грозному, таким образом, пришлось изучать ассирийский самостоятельно. Это относилось и к шумерскому языку — родоначальнику более поздних — вавилонского и ассирийского языков, с той только разницей, что шумерский не читался вообще. Тем активнее посещал он другие лекции, обращаясь за помощью к профессорам.

Когда много лет спустя кто-то спросил Грозного, как ему удалось овладеть дюжиной мертвых языков и полдюжиной живых, он ответил теми же словами, что и К.М. Чапек-ход молодому К. Чапеку на вопрос, как пишутся романы: «Сидя, молодой человек!»

В этих фантастических занятиях давно умершими языками — языками с самыми неожиданными грамматическими особенностями, различиями в лексике и синтаксическими каверзами, — пожалуй, самое удивительное то, что Грозный видел в них не цель, а средство, необходимое средство для правильного понимания литературных памятников, которые являлись ключом к политической, экономической и культурной истории древнего Востока. Этим он создавал лишь базу, исходный рубеж для дальнейших занятий.

«Я хотел помимо восточной филологии, которая была моей основной специальностью, посвятить себя также истории древнего Востока, которая притягивала меня с какой-то магической силой».

И с таким же терпением, терпением не страдальческим, а деятельным, несокрушимым, целеустремленным, он одновременно изучает палеографию, дипломатию, герменевтику (науку, изучающую толкование текста), археологию, историю народов Востока, «каждого в отдельности и всех вместе», изучает...

«Весьма скромно питаюсь», он заканчивает в полагающиеся четыре года свои занятия и 29 июля 1901 года получает диплом доктора философии.

Для большинства студентов с получением академического звания учеба оканчивается, для Грозного же — сказать «начинается» уже нельзя — она продолжается. Но продолжается на более высоком уровне. Он еще два года назад знал, в каком пойдет направлении, правда, при условии... Если остальные студенты рассматривают звание доктора как нечто такое, что позволяет им претендовать на пожизненную службу, почему бы ему на том же основании не попросить хотя бы о годичной стипендии?

Он обратился к профессору Мюллеру. Старый надворный советник любил своего ученика уже и в то время, когда читал его диссертационное сочинение «Южноарабские наскальные надписи», представлявшее собой не обычную компиляцию, а творческий разбор недавно найденных сабейских надписей, принял соответствующие меры. Господа в имперско-королевском министерстве по делам церкви и образования качали головами, ведь протее же он ставил долготу над буквой «ы» в своем имени!), но тем не менее сказали: посмотрим, что тут можно сделать.

Что именно — это вскоре увидел и Грозный. Уже через месяц — срок, в условиях Вены совершенно небывалый — он получил официальное уведомление о том, что ему назначается единовременное пособие в размере 250 золотых для дальнейшего углубления научных знаний.

А это означало — Берлин! «Так осенью 1901 года я уже сидел как ученик у ног Делицша».

Профессор Делицш принял венского стипендиата с радушием, присущим большим людям. Он улыбнулся, услышав признание, будто все, что Грозный до сих пор узнал, — всего навсего пробелы в его невежестве. «В сущности, все мы, ассириологи, самоучки», — заметил Делицш в утешение ученику. Высокий, худощавый, словно неуверенный в своих силах, молодой поэт, вечно повторяющий свое «мы», великий Делицш принял его в цех, в лоно этого самого «мы», которое не имело ничего общего с «плюральный маестатис»!

Затем Грозный представился профессорам Захану и Барту, двум крупнейшим немецким семитологам, повезло ему и с Винклером — прославленный ассириолог в то прохладное осеннее утро 1901 года был случайно в хорошем расположении духа.

Делицш спрашивает Грозного, над чем он хотел бы работать в его семинаре. Грозный просматривает список тем: «Объяснение храмовых текстов из...», «Анализ обрядов во время ежегодных торжеств в честь богов...» — и тут взгляд его соскальзывает на никем еще не разработанную, никем еще не тронутую тему. Он размышляет. Как-никак экономика — первооснова, люди сперва должны есть, одеваться, иметь жилище, а уж потом все остальное... А деньги в экономике — то же, что в...

— Если позволите, господин профессор, — «Деньги в древней Вавилонии»!

Эта небольшая по объему работа вышла потом в четвертом томе сборника ассириологических исследований Делицша, и оригинальность подхода к теме, и новые выводы сразу же привлекли к Грозному внимание ученого мира. И что было особенно характерно для того времени, имя чешского ученого приходит в Чехию — хотя и для узкого круга специалистов — через Берлин.

Однако следует дополнить излишне скромную характеристику значения этой работы, данную выше. Скромную, потому что автором ее был сам Грозный. Труд чешского ученого выдержал испыта-

ние в процессе полувекового прогресса науки, и мировая специальная литература ссылается на него по сей день!

Но деньги — еще не все, даже в древней Вавилонии. За ними стоит труд, и в древней Вавилонии — прежде всего труд сельскохозяйственный. Десятки веков назад этот край представлял собой цветущий сад, изборожденный тысячами каналов искусственного орошения, и своим зерном, как и другими плодами земли, кормил миллионы людей. Население одного лишь города Вавилона, по самым немногочисленным сведениям древности, превышало население всей Месопотамии конца XIX века нашей эры. Эта безлюдная пыльная пустыня с одинокими холмами, нанесенными ветром над развалинами некогда славных городов, была краем, куда библейская традиция не без оснований помещала рай. Что послужило причиной страшного превращения? Войны, завоеватели — безусловно. Но не было ли виной всему разорение сельского хозяйства, ликвидация условий для обновления человеческой жизни, которая пускает ростки даже после самого страшного военного смерча? И Грозный снова доискивается первопричины. Он изучает месопотамское сельское хозяйство, важнейшую отрасль тогдашней экономики, предоставляя вавилонянам, ассирийцам и их предшественникам в междуречье Евфрата и Тигра — шумерам возможность самим рассказать о нем. Так возник труд, который после 12 лет накопления материала получил название «Злаки в древней Вавилонии».

Тогда, в 1901 году, в Берлине Грозный находился еще в самом начале пути, который привел его к этой большой работе, на той стадии, когда ученый еще только ищет, собирает и оценивает материал, не зная, как его использует и сможет ли использовать вообще.

6. Первая поездка на Восток

В начале XX века, так же как и сегодня, весьма важно было закрепиться на хорошем месте, а уж успехи в научной деятельности могли прийти позднее. Грозный покидал немецкую столицу, абсо-

лютно не имея представления, на что он будет жить. Зарплаты не хватало даже на еду. Прямо скажем, знаниями он обладал значительными, но как применить их в первых десятилетиях XX века?

Во всей Европе имелось несколько мест, где он мог заняться востоковедением, где были библиотеки со специальной литературой и музейные коллекции памятников материальной культуры. В Австро-Венгрии таким местом была Вена. Но есть ли шанс получить там работу?

Он получил ее. Не без труда и после настойчивого вмешательства своих бывших профессоров. Он стал практикантом венской университетской библиотеки и был доволен, что получил доступ ко всем книгам, что все новинки проходили через его руки. «Чудное место, — пишет он в сентябре 1902 года Ю.В. Прашкеку, — хотя я пока без жалованья, но зато вечерами свободен».

Целых 16 лет прослужил Бедржих Грозный в венской университетской библиотеке. В первый год он не получал жалованья. Он никогда не рассказывал, на что жил в это время и какова приблизительно была калорийность его ежедневного рациона. После всех мытарств он был занесен в список состоявших на жалованье и продвигался по служебной лестнице обычным черепашьям шагом государственных служащих по разряду просвещения. В 1909 году он получил наконец штатное место и звание библиотекаря, после чего отважился на женитьбу. Барышня Власта Прохазкова очень скоро поняла, что жизнь с этим «несколько непрактичным» человеком не всегда легка; однако их сорокатрехлетнее супружество показало, что у великих людей необязательно должны быть невыносимые жены, что это скорее предрассудок, чем статистически доказанный факт.

Начало карьеры Грозного было не из удачных. От неоплачиваемого практиканта требовали, чтобы он вел себя тише воды, ниже травы и при каждом случае выражал восторг по поводу того, что он вообще существует. Но Грозный проявил «неслыханную дерзость» — в конце 1903 года он подал прошение о внеочередном отпуске с целью научной экспедиции в Святую землю». Надворный

советник Хаас, директор библиотеки, ипохондрик, который никогда не улыбался и даже похоронные обряды считал за увеселение, просьбу с вышеприведенной мотивировкой отклонил и в наказание перевел Грозного в абонемент. Это были страшные всех «галеры»: сотрудники не покладая рук таскали там корзины с книгами, которые они перед тем, как выдать читателям, должны были быстро просмотреть и зарегистрировать. «Работа каменщиков на строительстве Вавилонской башни вряд ли была более спешной и изнурительной». Грозный выдержал и это, а потом пришло «указание свыше».

За этим указанием стоял профессор Э. Селлин, семитолог и знаток Библии, у которого Грозный еще на богословском факультете занимался еврейским языком. В 1903 году он возвратился из успешной экспедиции в Палестину, где на горе Таанак нашел помимо прочего четыре клинописные таблицы. Он вспомнил о своем ученике и поручил ему расшифровать их. Грозный успешно справился с этой задачей, он перевел таблицы, истолковал и прокомментировал их, опубликовав потом всю работу в «Сообщениях Венской академии наук». Теперь ему предстояло сопровождать Селлина в новой палестинской экспедиции в качестве ассириолога, чтобы непосредственно на месте раскопок переводить клинописные тексты, найти которые они надеялись.

«Горя желанием узнать эти для нас, европейцев, загадочные края», он собрался в дорогу. Упаковал ассириологическую литературу, в которой, как ему казалось, он будет нуждаться, и не без колебаний распаковал ее снова, вынув все книги, «за исключением нескольких совершенно необходимых»; нужно было освободить место для предметов личного пользования, которые ему посоветовал прихватить с собой Селлин. Наконец наступил день, когда Грозный со своим профессором сели в вагон первого класса Восточного экспресса, и тот помчал их на юго-восток.

Среди восточного великолепия, которым так и брызжет Стамбул», он отыскал Османский музей; Грозный пришел в восторг от

его коллекций и дал себе слово во что бы то ни стало вернуться сюда еще раз. Свое намерение он осуществит лишь десять лет спустя, но это относится уже к другой главе.

«Утром мы переправились на парходике из Галаты на азиатский берег Стамбула, в квартал под названием «Хайдар-паша». Затем долго ехали вдоль моря по очень живописной местности... На прибрежных склонах расположены виллы стамбульских богачей, окруженные прекрасными садами и парками... Плодородная, заботливо возделанная земля, черешневые, абрикосовые, тутовые деревья, кое-где обширные поля мака... Потом ландшафт приобретает совершенно иной характер, поля и сады уступают место просторным пастбищам, необработанной, порою каменистой земле, а кое-где и болотам. Мы проезжаем типично малоазиатскую местность, которая большей частью представляет собой пустынную степь без поселений и почти без всяких следов человеческой деятельности. Лишь местами пасутся одинокие стада ангорских коз или овец, да кое-где немного оживляют однообразный ландшафт аисты, бродящие в вязкой трясине и взмахивающие своими могучими крыльями».

Это цитата из более поздней работы Бедржиха Грозного, так как о своем первом путешествии он не оставил никаких записей, во всяком случае таких, которые давали бы читателю возможность наглядно представить места, по которым он проезжал, и то, какими глазами он на них смотрел. А из личной переписки и опубликованных статей видно, что наряду с природой он замечал и «крайнюю примитивность жизни» населения тех мест и низкий уровень всей тамошней жизни, которая «во многом напоминает наше европейское средневековье». Это относится как к Турции, так и к Сирии, Палестине и Египту.

Путешествие очень обогатило Грозного: ученый, который до сих пор узнавал Восток лишь по письменным документам в сумерках кабинета, впервые увидел его воочию при ярком солнечном свете. Кроме того, он прямо на местности познакомился с техникой и ме-

тодами археологической работы, что 20 лет спустя очень ему пригодилось. Но это опять-таки уже другая глава. Здесь же скажем только, что новые раскопки Селлина на горе Таанак были успешны, хотя и не привели к перевороту в науке. Здесь, как и ожидалось, были найдены клинописные тексты, которые Грозный перевел и тоже издал в «Сообщениях Венской академии наук». Когда этот труд увидел свет, Грозный по-прежнему работал на старом месте в библиотеке и в свободные вечера готовил вступительную лекцию, которую он прочел в Венском университете в октябре 1905 года «как приват-доцент семитских языков с собственным взглядом на изучение клинописных текстов».

7. Университетский профессор и мысли о будущем

Через некоторое время после того как Грозный получил звание приват-доцента, профессор Голл вознамерился перевести его в Пражский университет. Профессор Голл был знаком с Грозным, правда, заочно, по его труду о деньгах в древнем Вавилоне. Но даже этому аристократу среди чешских профессоров и депутату Венского парламента не удалось добиться создания в Карловом университете кафедры востоковедения или истории древних веков. И Грозный остается в австрийской столице.

Он работает в библиотеке (дни напролет), трудится над «Злаками» (в свободные вечера), читает лекции в университете (бесплатно) и пишет статьи в немецкие ассириологические журналы (тоже бесплатно). Это статьи по филологии, хронологии древних вавилонских династий, анализ ассирио-вавилонских мифов и переводы текстов так называемого обелиска Маништусу, одного из древнейших юридических документов мира. Вавилонский царь Маништусу правил с 2335 по 2321 год до нашей эры, то есть примерно за полтысячелетия до первого в истории великого кодификатора бы-

Печать царя
Таркумувуса

товавших правовых норм Хаммурапи. Это был кровавый завоеватель, и следует обратить внимание на то, как характеризует его захватнические походы Грозный: «Он переправляется на судах через Персидский залив и разбивает мощную коалицию 32 царей, захватывая иранские серебряные рудники и каменоломни, где добывался дорогостоящий камень. Тут-то и проступает экономическая подоплека шумеро-аккадских завоевательных походов: нехватка всех видов сырья на наносных равнинах Вавилонии».

Не распыляется ли Грозный, занимаясь этими различными и не связанными друг с другом проблемами? Только на первый взгляд. В действительности же каждая из этих статей представляет собой уже готовый отшлифованный камень для большой мозаики, план которой существует пока лишь в голове творца. Уже в то время молодой ученый ставит перед собой смелую, грандиозную цель: написать «Древнейшую историю Передней Азии», задуманную им как широкое полотно, где могла бы быть прослежена история экономики, политики и культуры древних народов, не только каждого в отдельности, но и всех вместе в их взаимосвязях! В пору своей доцентуры он выпустил лишь первый том, то есть проделал подготовительную работу для этого большого синтетического труда. Грозный никогда не терял из виду конечной цели, упорно накапливал материал и лишь 40 лет спустя отважился приняться за свой капитальный труд, будучи, как он говорил, «лучше подготовленным».

Было что-то роковое в том, что все эти годы упорного труда и научных достижений изобиловали неудачами, разочарованиями и ударами, причиной которых не всегда было неумение Грозного устраивать свои личные дела.

Даже по прошествии 14 лет службы, будучи 6 лет женатым и отцом двух дочерей, он получал меньшее жалованье, чем холостой служащий венского газового завода, живший по соседству с ним в Гринцинге. Надежды на пражскую профессию не сбылись. Прошло два года, прежде чем ему предложили хотя бы пластырь на эту рану: милостиво произвели в «экстраординарного профессора со служебными обязанностями» — титул хотя и длинный, но имевший еще продолжение: «без права на оклад».

И все же жить Грозный в ту пору, когда ему присвоили звание, стал значительно лучше. Он получил жилье, питание и одежду за счет университета.

8. Перед новым путешествием в Турцию

Будучи, как сейчас говорится, «в теме», Грозный был постоянно в курсе всех новых открытий на древнем Востоке. И разумеется, ожидал, что после находок в Богазкее за решение хеттской загадки примется прежде всего сам доктор Винклер. Когда же не последовало никаких попыток расшифровать таблицы, он решил обратиться к Вайднеру в Берлин, к Белю в Гронинген и даже к самому великому Винклеру. Шла весна 1910 года, и именно эта дата стала временем, когда имя чешского ученого навсегда соединилось в востоковедении с названием забытого и вновь открытого древнего народа.

Полученные ответы его удовлетворили: оба ученых уже работают над проблемой, трудится над ней и профессор Вебер. Винклер же ответил сердечным письмом и предложил Грозному сотрудничество. А это что-нибудь да значило! Но Грозный видел, что хеттская клинопись в надежных руках, и полностью отдался своей работе «Злаки в древней Вавилонии».

Большой труд закончен, напечатан, поступил в продажу, но о дешифровке хеттских клинописных текстов никаких вестей. Зато появляется нечто иное.

Это было письмо от Германского восточного общества. Поскольку со смертью Винклера «надежда на то, что высокочтимый первооткрыватель сам издаст столь важные для познания древней истории всей Передней Азии тексты, была утрачена... наше Общество оказалось перед необходимостью издать в автографическом виде и в транскрипции все доступные нам клинописные тексты из Богазкея». В связи с этим Общество вежливо осведомлялось, не пожелал ли бы господин приват-доцент д-р Грозный сотрудничать в этом издании. Подписал письмо заместитель председателя Германского восточного общества, статс-секретарь имперского Министерства финансов Макс фон Тильман.

Грозный охотно согласился. В феврале 1914 года он получает официальный, юридически оформленный договор на издание хеттских надписей, а также информацию о положении дел: в Берлине находится лишь часть Богазкейского архива, основная масса текстов, исчисляемая примерно 20 тысячами фрагментов, хранится в Оттоманском музее в Стамбуле... Еще при жизни Г. Винклера было поручено Э.Ф. Вайднеру скопировать берлинские тексты, а в январе 1914 года господин д-р Фигулла выехал в Стамбул, чтобы посмотреть тамошние тексты и по возможности скопировать их. Зависит целиком от доброй воли господина доцента д-ра Грозного, когда он пожелает присоединиться к вышеупомянутому д-ру Фигулле и отправиться в Стамбул...

Все это было очень заманчиво: снова увидеть волшебный город над Золотым Рогом и осуществить публикацию наследия Винклера! Но только это отнюдь не целиком зависело от доброй воли господина доцента! Хотя председатель Германского восточного общества был по профессии финансист, он как-то упустил из виду вопрос оплаты поездки Грозного.

Понадобилось два месяца, прежде чем необходимые средства были выделены из бюджета Министерства по делам церкви и просвещения.

9 апреля 1914 года Грозный приезжает в Стамбул и в расчете на долгое пребывание привозит с собой жену. Он решает жить не в Европе и снимает маленькую квартиру в Моде — на азиатском берегу этого города, расположенного на двух континентах. Затем он изо дня в день переправляется на каюке — небольшой лодке — из Азии в Европу, на другую сторону, и в Оттоманском музее переписывает вместе с Фигуллой надписи. По вечерам он возвращается, заплывает на километр в море — ничто так не помогает работнику умственного труда оставаться в форме, как плавание, и уже дома, после зарядки, переписывает тексты латиницей.

9. Неразгадываемых языков нет

Хеттский язык — как он необычен, сколь не похож ни на один из восточных! И хотя прочитать его можно без труда — ведь тексты выполнены образцовой аккадской клинописью, среди огромного множества таблиц нет ни единой билингвы, не за что зацепиться!

Гуляя с женой по живописным улочкам европейского и азиатского Стамбула, одинаково красивым и наяву и на открытках, но невыносимым для того, кто приехал из чистенького городка на Лабее и живет здесь продолжительное время. Восхищаясь архитектурой храма св. Софии или сокрушаясь по поводу безвкусной мешанины венского барокко и коринфских колонн, поддерживающих арку ворот Дольма-Бакче; слушая ученых коллег из музея, превозносящих свободную жизнь в Турции после устранения Абдул-Хамида; стоя на галерее башни Леандра и вспоминая стихи Мюссе и Байрона; поглощая за ужином вареники с абрикосами, Грозный не переставал размышлять о тайне хеттского языка.

Незнакомые слова незнакомого языка не дают ему покоя, они перекатываются в нем и громыхают, как сорвавшееся с места орудие в трюме «Клеймора» из романа Гюго «Девяносто третий год», который как раз читает госпожа Грозная.

Рельефное
изображение бога
на Царских воротах
в Хаттусе

— Этот язык можно объяснить, только исходя из него самого, — отвечает он на вопрос, слышал ли он, что произошло в Сараяе. — Но как?

Однако престарелый монарх подписал манифест «Моим народам», и Грозный уразумел — началась война, и жена должна вернуться домой,

— Неужели ты думаешь, что в моем положении я могу одна ехать в переполненных поездах?

Будущий отец взглянул на нее:

— Что ж, поедем вместе, только я перепишу еще несколько таблиц, штук двести, от силы триста.

В конце августа он получил предписание от консульства немедленно вернуться. Он тщательно упаковал свои тетради. С таким количеством материала уже можно кое-что сделать. «Нет неразгадываемых языков, есть лишь неразгаданные...»

Четыре дня и три ночи ему потом казалось, что колеса экспресса неумолчно твердят: с чего начать? с чего начать? С чего начал Шампольон? С чего начал Гротефенд? С чего начал Роулинсон? А с чего начать мне?

10. Как объяснить язык,
исходя из него самого?

Главная для Шампольона, Гротефенда и Роулинсона была расшифровка неведомого письма. После того как они в основном пре-

одолели этот барьер и приступили к дешифровке языка, на котором были начертаны тексты, перед ними оказалась задача куда более простая, чем перед Грозным, когда он оказался лицом к лицу с хеттской загадкой.

Вспомним, что Шампольон располагал дословным греческим переводом иероглифической надписи, а у Роулинсона было много зацепок в виде имен собственных и географических названий, взаимосвязь которых угадывалась без труда, что позволило выявить следующие слова и их перевод. Вавилонские и эламские надписи на Бехистунской скале поддавались переводу на основе древнеперсидского варианта. Для их расшифровки, как и при чтении ассирийских и шумерских текстов, в распоряжении исследователей были словари и грамматики ниневийской школы писцов. Все это нисколько не умаляет заслуг этих ученых, но у Грозного ничего подобного не было. Никаких билингв, которые позволили бы ему применить метод Шампольона, никаких опорных точек и словарей, которые допускали бы возможность действовать подобно Роулинсону. Не мог он опереться и на частичные открытия других ученых — их просто не было.

Перед ним стояла задача — объяснить незнакомый язык, исходя из него самого. Речь тут шла не о пресловутом решении уравнения с двумя неизвестными. Скорее другое выражение характеризует его положение: «создавать на пустом месте». Метода для этого не существовало. «Если нет метода, его нужно создать!»

Спустя ровно 30 лет с того дня, как он нашел окончательный ответ на жгучее «С чего начать?», с которым в конце августа 1914 года уезжал из Стамбула, Грозный дал интервью редактору пражского журнала «Новы Ориент» (журнал вышел в январе 1946 года). В этом интервью он объяснил свой метод.

«Мой рабочий метод в общем прост, как колумбово яйцо... Прежде всего и главным образом все зависит от большого упорства, я бы сказал даже упрямства, с которым я подхожу к каждой научной проблеме. Я считаю, по крайней мере в отношении своей области — филологии и истории древнего Востока, — что неразрешим-

мых научных проблем нет. Каждая, пусть самая загадочная восточная надпись или текст должна иметь свой простой смысл, которого всегда можно в конце концов доискаться. Я не отступаю, пока наконец не доберусь до этого смысла. Я читаю надпись сто, двести, триста раз подряд, пытаюсь найти малейший намек, ту самую опорную точку, опершись на которую, подобно Архимеду, можно было бы выявить хотя бы общий смысл текста.

При таком изучении мне очень помогает то обстоятельство — прошу не считать нескромностью эту констатацию простого факта, как и вообще этот разговор о моем методе, — что уже в молодости, в гимназические и студенческие годы, а также в пору дальнейших занятий я познакомился со всеми языками и разновидностями письма древнего Востока. Правда, в разной степени, поскольку изучение одной только клинописи требует в наши дни всей человеческой жизни. Тем не менее каждым из этих языков я овладел настолько, что разбираюсь в их элементах и в случае необходимости могу быстро в них ориентироваться.

За всю свою жизнь я прочитал бесконечное количество древневосточных текстов и настолько усвоил их интонацию, их содержание и вообще дух древнего Востока, что, вероятно, с легкостью мог бы сам писать подобные тексты. Подготовленный таким образом, я принимаю за каждый загадочный древневосточный документ с твердой решимостью не приносить туда ничего от себя, полностью ему подчиниться, я бы сказал, поддаться ему, полностью с ним отождествиться, рассматривать его как некий независимый текстовый индивидуум, в образ мыслей которого я должен безоговорочно и целиком вжиться. Это слепое, почти мистическое отношение к древневосточным текстам очень помогает мне при их толковании. Когда имеешь возможность сравнивать детали древневосточного материала, нетрудно потом найти даже в самом загадочном восточном тексте какую-нибудь зацепку, слово или имя, или какой-нибудь знак, который заставит отозваться в памяти, может быть, и очень далекие, но уже знакомые языки, тексты, письма. Потом, как правило, хватает

малейшего намека, чтобы определить круг тем данной надписи, а затем, выясняя деталь за деталью, установить смысл всей надписи. Мне всегда это немного напоминает проявление фотографической пластинки. Пройдет довольно много времени, прежде чем перед вами появится крохотная точка — первый признак изображения. Потом все явственнее и явственнее проступают его контуры, пока оно не проступит целиком во всех своих подробностях...

Правда, в нашем деле имеет значение не только доскональное знакомство с научным материалом, но и известные комбинаторные способности, игра воображения, интуиция, ясновидение. Мои научные противники иногда упрекают меня за буйство фантазии и дерзкие гипотезы, за «романтизм». Но они не учитывают, что, с другой стороны, мою фантазию очень укрощает свойственная мне критичность. Хочу подчеркнуть, что я вовсе не цепляюсь за свои гипотезы. Я с радостью и большим удовлетворением жертвую своими самыми прекрасными гипотезами, как только дальнейшее изучение приводит меня к подлинно научной истине. Только к ней и стремлюсь я в моих работах».

Теперь, когда мы составили общее представление о методе Грозного, взглянем на то, как действовал он, расшифровывая хеттские письма.

Шествие хеттских богов в Язылыкае

11. Начать с... окончания!

Весьма редко ученый приходит к решению своей загадки сразу и не часто в науке прямой путь является наикратчайшим. Бывает даже наоборот. Иногда то, что принимают за окольный путь, в конце концов становится прямой дорогой к победе.

Образ действий Грозного дает блестящий пример научной осмотрительности и методичности, а также смелости и того «упорства, даже упрямства», без которых еще никто не достиг чего-либо значительного. Первые шаги после визита вежливости руководителям Оттоманского музея привели Грозного к экспозиции, вернее, в подвал, где он намеревался получить представление о количестве материала, который ему надлежало обработать. Фрагментов и целых таблиц из Богазкейского архива насчитывалось около 20 тысяч. Это поразительное увеличение их числа объяснялось не столько новыми находками, сколько способом их транспортировки — в товарных вагонах для обычных грузов.

Выяснив количество таблиц, Грозный поставил перед собой следуюшую задачу: возможно точнее определить место, где они были найдены, чтобы получить хотя бы самое общее представление о характере надписей. Если, скажем, они найдены в каком-нибудь храме, то можно предположить, что это религиозные тексты; если на каком-нибудь складе, то, возможно, речь идет о хозяйственных записях.

Учитывая характер археологических методов, которыми велись раскопки в Богазкее, приходилось рассчитывать главным образом на память Макриды.

Второй задачей было классифицировать таблицы по месту их нахождения и возможным взаимосвязям.

Современный исследователь, узнав, в каком состоянии находится материал, пожалуй, упаковал бы свои чемоданы и вернулся в командировавший его университет, чтобы организовать комиссию экспертов и выработать с ней долгосрочный план работ. Грозный же отправился в ближайший канцелярский магазин, купил не-

сколько ученических тетрадей и решил не терять ни минуты. «Я принялся за эту работу без всякого предубеждения, не имея ни малейшего понятия о том, к каким результатам она приведет».

Таблицы, которые ему предстояло обработать, были привезены главным образом из трех мест: во-первых, с западного склона Бююккале, из городского акрополя, в основном из развалин находившегося там большого дворца, их раскопали в 1906—1907 годах, частично — в 1912 году (группа А); во-вторых, из нескольких комнат восточного крыла крупнейшего строения в Богазкее, которые О. Пухштейн принял первоначально за храм; Э. Майер позднее определил, что это царский дворец; таблицы были найдены там в 1907 году (группа Б); в-третьих, со склона между акрополем и этим дворцом, где их нашли в 1906—1907 и 1912 годах (группа В).

Грозный сосредоточился прежде всего на группе Б (Фигулла — на А), в которую входили крупнейшие и наиболее сохранившиеся таблицы.

«Осмотр и очистка фрагментов, поиски и склеивание относящихся друг к другу кусков было делом нелегким и отнимало много времени, — пишет он в «Предварительном сообщении», — но результаты этой работы — реставрированная таким образом таблица — щедро вознаграждали исследователя за приложенные усилия».

Затем вместе с Фигуллой он начал снимать копии с реставрированных таблиц. Многие из них нельзя было прочитать полностью: недоставало части текста или до неузнаваемости были стерты знаки. Проблему разночтения знаков оба ученых разрешали, насколько это было возможно, тут же, на месте и в дружеском согласии. А когда звонок извещал о закрытии музея, Грозный возвращался домой, в Азию, чтобы продолжить работу.

В первую очередь он переписывал слова с таблиц латинскими буквами и выявленные словесные фонды расписывал потом на отдельные карточки из картона. Карточки он располагал в алфавитном порядке, а затем систематизированные таким образом слова заносил в словарь — в первый словарь хеттского языка, словарь,

где наличествовала пока лишь левая половина, но зато справа оставалось свободное место, потому что оптимизм Грозного был безграничен. «Нет неразгадываемых языков!»

Много раз боролся он с искушением написать на правой стороне разгаданное выражение, ведь хеттское *harmī* звучит так же, как *hamī* в древнеиндийском, где это слово означает «есть»; *daai* напоминает славянское «дай, давай» или латинское *daŕe* («давать»); хеттское *raŕa* звучит в точности как греческое *raŕa*, что означает «прочь»... «Обдумай первую строку, начало важно!» — повторяет он вместе с Фаустом, стоявшим перед подобной, но во много раз более легкой проблемой при переводе Библии с еврейского языка. Грозный боролся с искушением потому, что, во-первых, значение слов невозможно разгадать изолированно, вне связи с контекстом, и во-вторых, эти одинаково звучащие слова относятся к индоевропейским языкам, а откуда мог взяться индоевропейский язык в сердце Малой Азии три тысячелетия назад?!

Итак, Грозный оставляет пустой правую сторону своего словаря и чувствует, что необходимо продолжать поиски. Может быть, попробовать пойти в противоположном направлении?..

В противоположном направлении? Именно! И он начинает составлять словарь незнакомых слов *a tergo*, по окончаниям.

Можно себе представить, что это была за работа... Но на той стадии это был единственный способ найти свою точку опоры, разгадать грамматические формы неизвестного языка. Пусть Грозный и не знал, какое понятие скрывается за тем или иным словом, пусть он не знал, какое слово является существительным, какое — глаголом, какое — местоимением, но ведь для того он и проделывал все это, чтобы узнать! Тогда на берегах Мраморного моря эта работа не привела ни к чему. Сотни карточек были исписаны такими группами слов: *i-ya-mi*, *i-ya-si*, *i-ya-zi*, *i-ya-u-e-ni*, *i-ya-at-te-ni*, *i-ya-an-zi*. Но однажды в Вене он разместил их в нужном порядке и вывел спряжение хеттского глагола *iuaŕwaag* в настоящем времени, зная уже, что он означает «делать».

И у этого глагола были те же самые окончания, что и у древнеиндийского *uamī* («есть») или греческого *tithemī* («класть»)!

Меньше чем через год после возвращения в Вену Грозный понял, что нелегкий путь через словари *a tergo* вел прямо к цели. Правда, тогда в Стамбуле он не мог этого предполагать. Хаос клинописных знаков был еще более необозрим, чем кривые улочки в районе порта, где невозможно ориентироваться даже по шпилю Галатской башни, если вас и отделяет от нее не более ста шагов.

Тогда он стал искать иной путь, более простой. Он нашел его в идеограммах, как мы уже говорили, в клинописных знаках, означающих целые слова, целые понятия, а иногда и имена собственные. Эти идеограммы, по крайней мере их большинство, были характерны для всех видов аккадской клинописи, которая в основном позаимствовала их еще из шумерского письма. Каждую идеограмму вавилоняне читали по-своему, ассирийцы — по-своему, хетты — тоже по-своему, но знак был один. О том, как такие знаки-идеограммы произносились в хеттском языке, Грозный тогда еще ничего не знал, но совершенно безошибочно определил их значение. Подобно тому как человек, не владеющий ни одним из иностранных языков, отлично понимает, что значит, например, «1963» во французском, немецком, английском или каком-либо другом тексте, хотя и не знает, что французы пишут это так: *mille neuf cent soixante-trois* (а произносят примерно «мийнефса суасан труа»); немцы — *neunzehnhundertdreiundsechzig* и т.д. Больше того, этот человек поймет такое число и в тексте, написанном не латинскими буквами, а например кириллицей.

Переписывая хеттские таблицы, Грозный увидел, что «таких идеограмм, слава богу, много». Хотя у них и были совершенно непонятные окончания, тем не менее... Он нашел идеограммы для царя (шумерское *LUGAL*), для человека (шумерское *LU*), для города (шумерское *URU*) и другие. К сожалению, пока вне контекста, который вызвал бы в нем какой-либо отклик.

Однако он верил, что ему удастся связать их контекстом, что счастье ему улыбнется — счастье, которое нужно завоевать, что ему поможет случай — случай, который подвергается лишь подготовленным. Он вновь и вновь исследует тексты в своих стамбульских тетрадах, «сто, двести, триста раз...»

И великий день наконец пришел.

12. «Решение хеттской проблемы»?

Озарение, если оно, конечно, приходит, наступает неожиданно. В конце лета 1915 года взгляд ученого задержался на фразе: *nuṃ -an e-iz-az-at-te-ni wa-a-tar-ma e-ku-ut-te-n (i?)*

Из всего этого он понял лишь одно «слово»: клинописный знак, который на аккадском языке приносился как NINDA и означал (вернее мог означать) «хлеб».

Когда он потом переписал эту фразу в упрощенном виде и клинописную идеограмму для «хлеба» заменил словом NINDA, получилось следующее:

nu NINDA-an ezateni wadar-ma ekuteni

А теперь дадим Грозному возможность самому изложить ход своих мыслей, обратимся к уже упоминавшемуся «предварительному сообщению», название которого гласило: «Решение хеттской проблемы».

«Сначала в этом предложении мне было известно значение лишь идеограммы, то есть словесного знака NINDA, который в клинописи означает «хлеб». В -an я установил на основании других мест окончание хеттского четвертого падежа единственного числа мужского рода. В предложении, где речь шла о хлебе, можно было также предполагать наличие эквивалента для «есть». Это следовало и из сравнения группы *e-iz-za-at-te-ni* с латинским *edo*, древневерхненемецким *ezzan*, немецким *essen* и т.д., означающими «есть». Другие места делали возможным предположение, что *te-ni* является окончанием второго лица глагола множествен-

ного числа настоящего времени действительного залога, имеющим также значение будущего времени. Таким образом, *e-iz-za-at-te-ni*, которое читается как *ezzateni*, означает «едите». Само собой напрашивалось сравнение хеттского *nu* с древнеиндийским *nu*, греческим *nu*, древневерхненемецким *nu*, немецким *nu*, чешским *nuṃ* («ныне», «теперь»). После этого нетрудно было заметить, что следующее предложение *wa-a-tar-ma e-ku-ut-te-n(?)* параллельно первому, только что разъясненному. И *wa-a-tar*, параллель к NINDA-an, «хлебу», могло скорей всего означать тоже какую-то незамысловатую пищу. Тотчас возникала аналогия с английским *water*, древнесаксонским *watar*, немецким *Wasser* и т.д., которые означают «вода».

Из этого следовало тождество: хеттское *wa-a-tar* — «вода».

E-ku-ut-te-n(i?) опять-таки могло означать глагол второго лица множественного числа настоящего времени. А раз в качестве объекта предполагалась «вода», то в силу параллели с первым предложением было весьма вероятно, что *ekuteni* означает «пьете». Привлечение похожих и родственных по значению слов из других индоевропейских языков повлекло за собой сравнение хеттского *eku* — «пить» с латинским *aqua* — «вода» (ср. нововверхненемецкое *Ache*). Параллель *e-iz-za-at-te-ni* и *e-ku-ut-te-ni* с *edo* и *aqua* была подкреплена также другими местами, где стоят рядом *a-da-an-na* и *a-ku-wa-an-na*, что, по-видимому, означает «есть (и) пить». *A-da-an-na* мы сравниваем прежде всего с древнеиндийским *adanam* («еда», «корм»), а *a-ku-wa-an-na* — с латинским *aqua* («вода»). Хеттское окончание *ma*, вероятно, должно иметь значение «потом» и его можно сравнить с греческим *men, ma*. Перевод приведенной выше фразы будет, следовательно, таков (при этом контекст требует будущего времени): «Сейчас хлеб будете есть, воду потом будете пить».

Фраза действительно означала это. Хетты заговорили!

За первой фразой последовали другие.

Ничто не окрыляет так, как успех. С жаром принялся Грозный за фразу, которая привлекала его несколькими идеограммами. Он прочитал ее: «Когда люди городов земли Египетской услышали об уничтожении города Амка на (этой) земле, их охватил страх». Затем он принял во внимание угрозу его величества: «А если что непотребное содеете против меня, то и я, ваше солнце, зло причину вам!» И словарь Грозного быстро обогащается самыми обиходными словами: «война», «калека», «завоевание», «пленение», «угроза», «пленные»... «Когда же этот лексикон будет выражать лишь исторические категории, когда же войны исчезнут, как чума, как кровавая месть, как дуэли?!»

Пацифист в форме рядового солдата готовится к решающему наступлению. Он готовится к нему по всем правилам военной стратегии: расшифровывает донесения хеттских военачальников, читает секретную корреспонденцию хеттских дипломатов, а затем штурмует последние укрепления, ограждающие последние тайны хеттского языка. Он берет их приступом во имя науки, во имя человечества. Одновременно с открытием тайны Хеттского царства Грозный приподнимает завесу и над его общественным устройством. К своему величайшему изумлению, он обнаруживает, что хеттские

Табарка, [царь] Хатти

Пудухени, царица Хатти

Хеттские иероглифические и клинописные печати

правители в отличие от всех известных правителей древнего Востока были не абсолютными монархами, а чем-то вроде конституционных монархов, как говорит он, модернизируя исторические категории. Кроме них существовал «государственный совет», тулия, а также «народное собрание», п а н к у с. Но больше всего удивило Грозного своей гуманностью хеттское законодательство.

Уже первые статьи хеттского свода законов показывали, что это совершенно особое законодательство во всей истории древнего Востока. В то время как египетские, еврейские, ассирийские, вавилонские своды законов отличались величайшей свирепостью (скажем, более двух третей законов о наказании из кодекса Хаммурапи стереотипно повторяют: «...тот будет умерщвлен», а принцип «око за око, зуб за зуб» соблюдается здесь буквально), меры наказания в хеттском законодательном праве, по крайней мере для свободного населения, были чрезвычайно мягки. И уже совсем по-современному хеттское право различает, совершено ли преступление умышленно или нет: например, убийство, «умерщвление человека», совершенное преднамеренно, карается вдвое строже, чем убийство, в котором повинна лишь рука обвиняемого.

Грозный продвигался вперед, преодолевая труднейшие и каверзнейшие препятствия.

Сколько всего должен знать хеттолог, чтобы только прочесть хеттский текст, не говоря уже о переводе! Приходилось ли когда-нибудь Шерлоку Холмсу разрешать подобные головоломки?! То был обычный и к тому же прекрасно сохранившийся хеттский текст, который Грозный дешифровал и перевел уже в начале своего славного пути.

13. Откуда пришли сюда индоевропейцы?

Но хетты продолжали задавать загадки. И главная была еще впереди — на поверку хеттский оказался индоевропейским языком!

А это влекло за собой другую проблему: значит, и народ был индоевропейским...

Однако откуда же он пришел в Малую Азию и как создал особые политический уклад, законодательство, культуру еще во времена до Гомера и задолго до микенской Греции? Никто пока не знает.

Поразительное открытие Грозного, разумеется, не было результатом случайного озарения. Напомним, что подобную идею высказал еще в 1902 году И.А. Кнудтсон, но впоследствии под давлением критики со стороны всех филологов и историков он отказался от нее. Когда Грозный принимался за дешифровку хеттского языка, он разделял общепринятую во всем ученом мире точку зрения, что хеттский язык — семитский. Ведь и участвовать в работе по изданию наследия Винклера его пригласили как семитолога. Грозный разделял эту точку зрения, но — и это главное — не делал на нее ставки. Без всяких предрассудков ученый продолжал работать, и, когда убедился, что факты не укладываются в общепризнанную теорию, он пришел к выводу, что, кажется, эта теория несостоятельна.

При этом теория о семитском происхождении хеттов строилась не на песке. Одним из сильнейших аргументов был физический облик хеттов. Он предстал перед нами, запечатленный в реалистических рельефах на стенах карнакского Рамессеума (около 1250 г. до н.э.), на гробнице фараона Харемхеба (около 1310 г. до н.э.), а также в многочисленных скульптурных изображениях, найденных на местах раскопок хеттских памятников в Малой Азии. Для хеттов характерны крупный загнутый книзу нос и скошенный лоб; их расовый тип абсолютно не индоевропейский, а ярко выраженный семито-армянский.

Однако вскоре этот аргумент был опрокинут документами, касающимися политического и военного уклада хеттов. Опрокинут исключительно просто и решительно, но об этом позднее.

К мысли, что хеттский язык относится к группе индоевропейских языков, Грозный впервые пришел, составляя свои словари на

К югу от Хаттусы среди скал было устроено святилище, на снимке видно одно из помещений — культовая площадка с изображением божества, а может быть, и верховного правителя

основе окончаний. Сперва хеттские окончания показались ему невероятными, но потом он разгадал слово *wadar* («вода») и вывел схему его склонения, и тут он увидел, что в мире науки нет ничего невероятного.

Первый и четвертый падежи хеттского слова «вода» совпадают — *wadar*. Однако во втором падеже вопреки ожиданиям семитологов появляется форма не *wadagas*, а *wedenas*. Третий и шестой падежи — *wedeni*, седьмой — *wedenit*. «Удивительное склонение, — констатирует он, — в нем происходит чередование суффикса *g* с суффиксом *n* — явление, с которым мы встречаемся и в других индоевропейских языках».

Подобное родство с индоевропейскими языками Грозный выявляет потом и в спряжении глаголов, и в склонении местоимений. И, наконец, особенно наглядно оно дает себя знать в лексике. В «Древнейшей истории Передней Азии, Индии и Крита» автор приводит ряд примеров, доказывающих индоевропейский характер хеттского языка, в чем может убедиться даже тот, кто не является по профессии филологом-востоковедом, а имеет лишь классическое школьное образование.

Множество примеров, число которых можно легко умножить, доказывают, что хеттский язык — язык индоевропейский и по характеру некоторых своих звуков относится к западноиндоевропейской группе языков «кентум».

К группе «кентум» принадлежат языки, в которых числительное 100 произносится с коренным «к», например греческий, латинский и романские языки, кельтский и все германские. Другая группа называется «сатем», потому что числительное 100 произносится через «с»; сюда относятся все языки славянские, балтийские, иранские, индийские, а также армянский и албанский. Точнее, хеттский язык занимает промежуточное место между языками кентум и сатем.

И Грозный еще точнее определяет место хеттов в семье индоевропейских народов. Хеттский язык непосредственно примыкает

к итало-кельтским языкам, прежде всего к латинскому, и является также родственным славянским языкам.

Значит, у нас обнаружили дальние родственники?

14. Сюрпризы

Богазкейского архива

В Богазкейском архиве сохранились немногочисленные тексты на неведомом языке, который был абсолютно не похож на индоевропейский хеттский и который вопреки этому называли в древности *hattili* «по-хеттски», то есть «языком города Хатти», иначе — хаттийским языком, или хеттским! В религиозных текстах, написанных на индоевропейском хеттском языке, мы повсюду наталкиваемся на иноязычные литии, молитвы и заклинания, о которых там говорится, что они — на языке *hattili*, то есть на хаттийском языке. Следовательно, мы можем констатировать, что во время хеттских богослужений некоторые песнопения звучали на хаттийском языке. Но в отдельных литургических текстах хаттийские литии переведены на индоевропейский хеттский язык.

Этот незнакомый язык, открытый Грозным при чтении хеттских текстов, был, по-видимому, более древним языком, которым пользовались во время богослужений, так же как католики различных на-

Миниатюрная фигурка бога Грозы. Когда-то он держал в руке топор или дубинку.

Датируется XIV в. до н.э.

циональностей — латынью. В этом отношении все было ясно и тем не менее...

Что это был за язык и какой народ говорил на нем?

Был ли он уже давно мертв, или еще жил одновременно с хеттским?

Структура этого языка показывает, что он не являлся ни индоевропейским, ни семитским. К какой же группе он в таком случае принадлежал?

Ответы на эти вопросы приблизительны; весьма вероятно, что это был язык коренного населения Хеттского царства; возможно, что в период расцвета государства хеттов он был уже мертв; не исключено, что он был родствен северовостокавказским языкам.

Но это уже вопросы второстепенные. Поскольку этот богослужбный язык назывался хаттийским, или хеттским, то как же тогда назывался тот индоевропейский язык, который мы называем хеттским? Или на каком языке говорили хетты?

Предоставим слово Бедржиху Грозному:

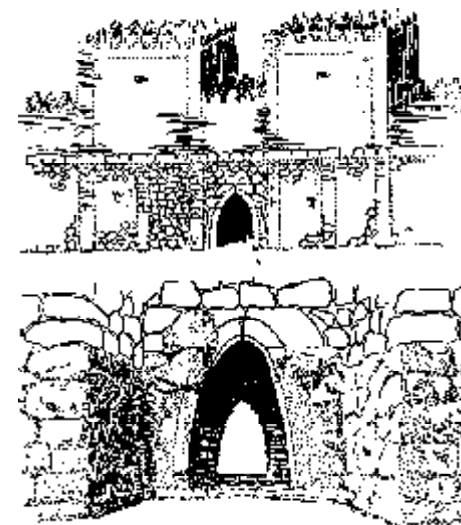
«Так пришли к парадоксальному выводу, что хаттийским, или хеттским, языком следует, по сути дела, называть тот более древний, не индоевропейский малоазиатский язык, а индоевропейский хеттский язык, язык первооснователей Хеттской империи, назывался, вероятно, иначе.

В одном хеттском тексте этот язык обозначается словом *nasili*, в котором я сначала усмотрел притяжательное местоимение 1-го лица множественного числа, подобное латинскому *nos*, то есть «наш» в смысле — «в нашем языке», «по-нашему»... Правильное объяснение названию индоевропейского хеттского языка *nasili* я дал позднее, обратив внимание на одну старинную хеттскую надпись, автором которой был хеттский царь Анниташ XVIII (?) века до Р. Хр. Этот царь вскоре после вторжения индоевропейских хеттов в Малую Азию объединил отдельные малоазиатские царства или княжества в единую могущественную империю. Одновременно он перенес свою резиденцию из города Кушшар в город Нешаш, вероят-

но, позднейшую Ниссу, которую он великолепно отстроил. Нешаш явилась первой столицей империи, созданной индоевропейскими хеттами. Учитывая эти обстоятельства, можно предположить, что, подобно тому как название языка *hattili* произошло от города Хатти, язык индоевропейских завоевателей был назван по имени города Нешаш — *nasili* — «по-несийски», то есть языком несийским (чередование гласных а-е в хеттском языке довольно распространено). Это предположение подтвердилось другой надписью, в которой индоевропейский хеттский язык назван *nesummi* — «по-несийски», что еще явственнее связано с названием города Нешаш.

Итак, нешиты, или неситы, — вот подлинное название индоевропейских хеттов».

Швейцарский филолог Эмиль Форрер в 1919 году высказал предположение, что этот язык правильнее называть канесским, по имени города Канес, и предложил употреблять не «хетты», «хеттский язык», а «канесане», «канесский язык», но это предложение было отвергнуто научным миром. Древнеевропейские, египетские, вавилонские и «новевропейские» наименования *Chatti*, *Heth*, *Het* (из которых потом возникло немецкое *Hethiter*, английское и французское *Hittites* и т.д.) уже слишком прижились, чтобы можно было что-то изменить. Кроме того, название, предло-

Царские ворота в Хаттмусе

женное Форрером, само по себе спорно. Сейчас ученые всего мира, за малым исключением, признают, что установленное Грозным имя хеттов верно или, по крайней мере, весьма правдоподобно. Однако решено оставить традиционное название — хетты, за сохранение которого ратовал и сам Грозный.

Ни к чему создавать искусственные осложнения путем замены одного названия для хеттского языка другим. Достаточно тех хлопот, которые доставляет нам Богазкейский архив. Ведь кроме упоминавшихся, там нашлись тексты еще на нескольких языках, о которых также дошли сведения со времен Хеттского царства.

Прежде всего это лувийский язык поработанных крестьян, по всей видимости, индоевропейского происхождения. Затем — хурритский, сейчас уже достаточно изученный неиндоевропейский, вероятно, родственник языку населения Урарту, древней Армении. И, наконец, палайский, видимо, индоевропейский, на котором говорили жители города и области Пала. Если прибавить к этому еще вавилонский язык как язык дипломатии и ассирийский как деловой язык ассирийских купцов (а также древних колонистов), то можно говорить о «Восьми языках Богазкейского архива» — так назвал свою работу, вышедшую в 1919 году, Форрер.

Однако пора уже выбраться из этого лингвистического столпотворения. Хетты остаются для нас хеттами, хотя сами они называли себя неситами; и говоря об их языке, мы употребляем название хеттский, а не несийский. А коренных жителей Хеттского царства, язык которых употреблялся впоследствии лишь при богослужениях, мы называем хаттийцами, или, что еще точнее, протохеттами.

15. «Скромное» сообщение о победе

Свое первое сообщение о дешифровке хеттского языка Грозный сделал 24 ноября, выступив в Берлинском обществе по изучению Передней Азии; вскоре после этого, 16 декабря 1915 года, он

повторил ту же лекцию в Венском археологическом обществе. Одновременно с предварительным сообщением, вышедшим на немецком языке, Грозный написал небольшую статью для «Вестника чешской Академии наук, литературы и искусства», которая увидела свет перед самым Рождеством 1915 года. Статья называлась «Открытие нового индоевропейского языка».

Настоящую серьезную монографию он выпустил в 1917 году в лейпцигском издательстве Гинрихса. Судя по предисловию, Грозный закончил ее в сентябре 1916 года. Название монографии — «Язык хеттов, его структура и принадлежность к семье индоевропейских языков». «Грозный на 246 страницах представил здесь поистине самую полную дешифровку мертвого языка изо всех когда-либо предлагавшихся, — написал К.В. Керам в 1955 году. — Здесь почти отсутствовали гипотезы, это уже не было нащупыванием пути, тут предлагались результаты».

Одним из первых, кто пришел к Грозному с поздравлениями, был Эрнст Вайднер. Его чувства так же понятны, как и чувства Скотта, который после длительного похода через ледовую пустыню Антарктиды увидел на полюсе флаг Амундсена. При этом Вайднер полагал, что своим открытием Грозный обязан прежде все-

Женщина с зеркалом или богиня? Рельеф из Зинджирли

го счастливому случаю: тому, что он имел возможность работать непосредственно в Стамбуле и что его начальником впоследствии был ленивый австрийский обер-лейтенант, тогда как он, Вайднер, с первого дня войны терпел от муштры узколобых прусских ефрейторов. Однако справедливости ради следует сказать, что концепция хеттского языка, предложенная Вайднером, в основе своей была ошибочной и что одна из первых надписей, которые дешифровал Грозный, находилась не в Стамбуле, а еще в 1907 году была опубликована и, следовательно, доступна для всех. Но, несмотря на то что оба этих ученых спорили между собой, следует в интересах исторической правды отметить, что именно Вайднер назвал 24 ноября 1915 года, когда Грозный прочитал свою берлинскую лекцию, «подлинным днем рождения хеттологии».

Немецкая наука встретила открытия Грозного с огромным воодушевлением. Его предварительное сообщение на 33 страницах вышло сразу с двумя предисловиями. «Хеттская проблема решена!» — с нескрываемой радостью восклицал в первом из них Отто Вебер. А Эдурд Майер, в то время крупнейший историк древнего Востока, написал в другом: «Ни одно открытие из тех, которые расширяют и углубляют наши познания в древнейшей истории и культуре человечества, не может сравниться по своему значению и грандиозности с теми, о которых сообщает тут господин профессор Грозный!»

Но дело не ограничилось одними восторгами, столь редкими в устах сухих ученых типа Вайднера, Вебера и Майера. Раздались и голоса сомнения, появились противники.

Это было естественно. Сомнения — это автоматически срабатывающий аварийный тормоз, которым наука оснащается в собственных интересах и который для нее столь же необходим, как и критика. Дешифровка хеттского языка, выполненная Грозным, и включение хеттов в семью индоевропейских народов были столь же удивительным, сколь и далекоидущим открытием, и величайшая осторожность в его признании была вполне уместна.

Но, как это часто бывает, наряду с теми, кто выступил с деловой критикой, объявились и противники, которые избрали своей мишенью не существо вопроса, а личность автора: насколько сомнительна принадлежность хеттского языка к индоевропейским, настолько же сомнительна компетенция семитолога Грозного в данных вопросах. На все это, словно заключая дискуссию, Грозный ответил в своей лекции 14 марта 1931 года на проходившем тогда крупнейшем форуме мировой ориенталистики в Сорбонне. Ряд упреков он признал, к другим отнесся иронически: «Один из авторитетов, оспаривая мой метод, доказывал, что wadar не может означать «вода», поскольку в хеттском языке первый слог этого слова долгий, а в индоевропейском это совершенно исключено. А посему вся теория профессора Грозного абсурдна!»

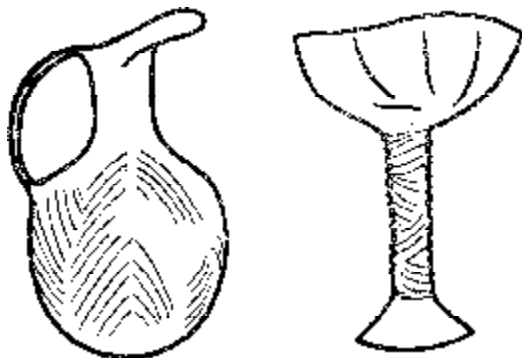
Что еще к этому прибавить? Разве то, что и после опубликования «Языка хеттов» Грозный продолжал свои изыскания и благодаря коллективным усилиям целого ряда филологов — специалистов по древнему Востоку, хеттский клинописный язык был дешифрован до мельчайших подробностей со всеми необходимыми уточнениями и доработками. А также, может быть, еще и то, что в 1948 году, оглядываясь назад, на грандиозное дело своей жизни, Бедржих Грозный мог с удовлетворением заявлять: «После девяти лет самой придирчивой проверки всех моих доказательств и признания их справедливыми моя дешифровка хеттского языка и моя теория о его индоевропейском происхождении постепенно сделались достоянием науки, и никто в этом уже не сомневался».

16. К темным уголкам истории

В разгар Первой мировой войны Грозного назначили ординарным профессором кафедры изучения клинописи и истории древнего Востока. Должность эта была предоставлена ему в Пражском университете.

С этого времени наука стала для него основным делом.

Впервые войдя в свой новый рабочий кабинет на философском факультете Карлова университета (кабинет этот помещался в малопригодном доходном доме на Велеславиновой улице), Грозный задумчиво оглядел книжные полки. Его работа началась с решения проблем, о которых он ранее не имел ни малейшего представления. Грозный значительно лучше разбирался в формулах вавилонских астрологов, чем в формулярах, которые ему нужно было заполнить, чтобы получить средства для создания кабинета клинописи. Когда ему удалось справиться с этим, он обнаружил, что, согласно бюджетной разрядке, в его распоряжении на все про все пять тысяч крон. Такой суммы не хватило бы даже на годовую подписку на специальные журналы и пополнение уже существующей библиотеки. Бюрократия столкнулась с ученым самой непрактичной научной специальности, какую себе только можно представить... и все же ученый победил! (Позднее он объяснил суть своей тактики, основной принцип которой был весьма прост: «Только не поддаваться!») Поразителен организаторский талант, благода-

Золотые сосуды из Аладжа-Хююка, первая половина II тыс. до н.э.

ря которому за несколько лет он создал свой кабинет; немалые заслуги принадлежат ему и в деле основания пражского Восточного института (1922 г.), центра ориенталистических исследований, вскоре получившего международное признание.

«Для ученого нет оправданий, если он ничего не публикует. Ссылки на недостаток времени не более чем отговорки». Несмотря на изматывающую организационную работу, ему удается издать в 1919—1921 годах «Клинописные тексты из Богдазкея» (на немецком языке), а в 1922 году — перевод «Хеттских законов» (на французском языке). Кроме того, он читает лекции в университете и пишет популярные статьи для ежедневной прессы — ведь наука существует не только для ученых, народ имеет право знать ее достижения.

Мир видит в Грозном филолога, специализирующегося по древнему Востоку, сам же он считает себя историком. Историком, намеревающимся исследовать самые темные и дальние уголки в прошлом Востока, вплоть до истоков человеческого рода. И тут, конечно, нельзя было обойтись без археологических исследований. Уже в 1920 году Грозный формулирует «Новые задачи археологии Востока», притом вполне конкретно, имея в виду возможный и необходимый вклад в нее чехословацкой науки. «Проблема хеттского языка разрешена, — говорит он в 1924 году, — сейчас мы уже можем в основных чертах переводить и понимать хеттские надписи. Но именно содержание этих надписей ставит перед нами новые вопросы,

Химера из Каркемиша, IX в. до н.э.

которые тоже требуют ответа. Хеттские надписи познакомили нас с рядом новых государств и народов, местонахождение которых в Малой Азии, Сирии и Месопотамии необходимо установить. Мы узнаем также новые языки, и каждый из них — новая проблема.

Для решения этих проблем нужны новые экспедиции на Восток и дальнейшие археологические раскопки, которые дали бы новый материал. С 1905 года, когда мы вместе с профессором Селлином вели раскопки в Таанаке в Палестине, я мечтал, что когда-нибудь и чехи предпримут подобные раскопки на Востоке...»

17. Новое путешествие на Восток

Чтобы начать копать на Востоке, нужны, как минимум, два условия: деньги и разрешение, а уж потом вам позволят нарушить многовековой сон одного из сотен холмов, разбросанных по землям Месопотамии, Сирии или Турции... И перед вами, возможно, появятся развалины некогда цветущего города. Какого — древнего или раннехристианского — это другой вопрос.

Бедржих Грозный в 1915 г.

Грозный, разумеется, не собирался вести раскопки «абы где» и «абы как». «Я намерен способствовать выяснению некоторых проблем, возникших в результате решения хеттского вопроса или, по крайней мере, тесно связанных с ним». Своего давнего знакомого Халил-бея, который, несмотря на все совершившиеся в Турции перемены, остался директором Стамбульского музея, Грозный попросил выхлопотать для него разрешение на раскопки в Богазкее. Но в отве-

Охота на львов, IX—X вв. до н.э.

те говорилось, что ввиду особой научной важности этого объекта там, к сожалению, предполагает вести раскопки само турецкое правительство.

«После этого я попросил правительство в Анкаре дать мне разрешение на раскопку двух холмов, расположенных неподалеку от современного города Кайсери в Малой Азии и явно таящих в себе развалины древних поселений». Уже с 80-х годов XIX столетия на кайсерийских базарах торговцы предлагали иностранцам клинописные таблички, относившиеся к III тысячелетию до нашей эры и найденные в местах, которые коренные жители хранили в строгой тайне. «Было важно с помощью систематических раскопок прежде всего установить местонахождение этих табличек. Речь идет о разгадке важной проблемы древнейшей истории Малой Азии».

«Второе ходатайство о разрешении раскопок я подал сирийско-французскому правительству в Бейруте. И здесь я тоже выбрал два холма. Первый из них находится за рекой Иордан, близ деревни Шех-Саад, к югу от Дамаска и к востоку от Тивериадского озера. Там уже давно нашли на поверхности статую в хеттском стиле и выветрившуюся египетскую надпись, в которой упоминался фараон Рамсес II... В той местности еще никогда не велись раскопки. Было важно установить, какая культура процветала в древности в этой плодородной стране?»

Ходатайства были удовлетворены. Теперь дело было в деньгах. Грозный обращается с просьбой о помощи прежде всего к господину министру финансов и Национальному собранию: «...какой-нибудь грош найдется и для столь, казалось бы, непрактичных вещей». Он пишет торговым, банковским и промышленным кругам. Ищет «карнеги и рокфеллеров нашей науки» (совершенно забывая, каким образом подобные люди приобретают свои деньги, и наивно видя лишь их стипендиальные взносы и пожертвования). Прибегает к модным в ту пору аргументам («...даже культурно отсталая Австро-Венгрия вела раскопки на Востоке сразу в двух местах»). Результат действительно заслуживал удивления: «В течение полутора лет удалось собрать около 500 тысяч чехословацких крон, — пишет Грозный 6 апреля 1924 года в газете «Народни листы». — «Я счастлив, что могу сообщить о первой такого рода экспедиции, которая наконец будет предпринята под чехословацким флагом».

Упомянутую выше, на первый взгляд, крупную сумму он сравнивает с гораздо более внушительными средствами, отпущенными другим экспедициям, высчитывает расходы на снаряжение и оплату наемных рабочих и заверяет общественность в том, что проявит величайшую экономность, — «члены экспедиции, вероятно, будут жить в палатках? И в заключение добавляет: «Кампания этого года может означать лишь начало. Если уж мы вправе претендовать на приоритет в археологическом исследовании бывших

Хеттской и Митаннийской империй, необходимо создать условия для того, чтобы эти исследования продолжались несколько лет...»

18. Сандалии с железными гвоздями и обломки статуй

В дорогу отправились вдвоем — Бедржих Грозный и архитектор Ярослав Цукр, ассистент Чешского политехнического института, который должен был осуществлять техническое руководство раскопками, чертить ситуационные планы и по просьбе д-ра Обенбергера, директора Национального музея в Праге, собрать для этномологического отделения музея новые виды жуков.

В Бейруте их встретил французский генерал Вейган, в свое время находившийся на военно-дипломатической службе в Праге, и в духе тогдашних чехословацко-французских отношений обещал оказать им всестороннюю помощь; как выяснилось позднее, они ни разу не испытали в ней нужды. После проверки багажа (все снаряжение, включая раскладные кровати и обеденные приборы, они везли из Праги) члены экспедиции надели красные фески и отправились в «ветхозаветную страну Бассан». На автомобиле, в радиаторе которого вода нагрелась до кипения, они перебрались через каменистую пустыню и «пристали к берегу» возле селения Шех-Саад. За ним возвышался холм с полуразрушенным храмом, посвященным Иову, которому по библейскому сказанию как раз в этих местах Господь послал невыносимые для человека испытания. Но это был всего-навсего раннехристианский храм, и Грозного он несколько не интересовал. Зато его волновали слои более древних культур, скрытые под этим холмом. И он разбил здесь палатку.

В пору экспедиции Грозного существовал неписанный закон, по которому началом всех работ являлось посещение старосты ближайшей к месту раскопок деревни. Хотя маленькие подарки и не были обязательными, но и в этих широтах люди гораздо

больше любят получить что-нибудь, чем не получить ничего; стеклянные украшения из Яблонца издавна пользовались здесь доброй славой, особенно у дам, господа отдавали предпочтение карманным фонарикам, вечным карандашам и револьверам (которые, однако, дарить не рекомендовалось). Другим параграфом этого закона было долготерпение; археолог должен был ждать, пока к делу перейдет сам хозяин. После этого, как правило, можно было надеяться на обещание, что необходимое количество рабочих будет в том месте и в то время, где и когда уважаемый франк пожелает. Тут наш археолог мог с выгодой для себя заметить, что он не француз, не англичанин, не американец, а приехал из страны, откуда привозят сюда фески и издания Корана. И поскольку он не дал старосте повода сомневаться относительно вознаграждения за посредничество, то мог быть уверен, что все будет в порядке.

Сами же работы начинались в те годы — так же, впрочем, как и сейчас, — с инструктажа рабочих и сообщения о величине премии за каждую находку. Если Цукр и считал, что рабочий не должен получать премию за то, что входит в его прямые обязанности и за что, собственно, ему и платят, то лишь по неосведомленности в местных обычаях. Первоначально эти премии были вознаграждением, выдававшимся за каждую находку, чтобы землекопы не утаивали найденные мелкие предметы, и потому сумма вознаграждения примерно соответствовала цене древностей на черном рынке; позднее премии стали традицией, нарушать которую было нецелесообразно. Грозный знал все это еще из университетских лекций и из опыта предшествующих экспедиций.

«Мы начали раскопки 4 апреля этого года, — сообщает он в газете «Народни листы» 8 июня 1924 года, — как раз в том месте, где стоял хеттский лев (то есть «статуя в хеттском стиле», о которой он знал еще перед отъездом в Сирию). Не вызывает сомнений, что он стоял у входа в какое-то важное здание, может быть, резиденцию князя этого города... Здание это мы тоже нашли».

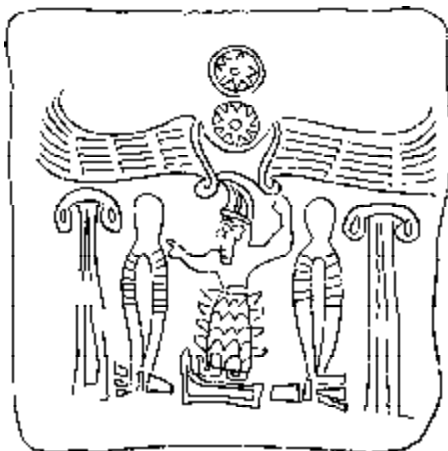
Кроме того, они нашли остатки зернового склада, три могилы (а в одной из них печать с изображением рыбы и кожаную подошву от сандалии с железными гвоздями), затем стены еще одного обширного здания. К этому зданию вела эстакада, около которой лежали обломки греческих статуй, среди них большой торс крылатой богини победы Ники.

«Важно, что неподалеку от места, где находился найденный нами хеттский лев, были обнаружены статуи, значительно более примитивные, чем упомянутые выше греческие скульптуры. Это прежде всего статуя ревущей львицы в хеттском стиле, рядом с ней на том же постаменте, вероятно, стояла статуя мужчины, от которой осталась только нижняя часть ног... Обе эти статуи, так же как и лев из Шех-Саада, в общем выполнены в так называемом хеттском стиле, но тем не менее нельзя считать эти скульптуры творениями хеттских мастеров. В стране Бассан издавна обитали аммориты, народность семитского происхождения, родственная иудеям, финикийцам, маовитам и т.д. Аммориты, владевшие некогда всем палестино-сирийским побережьем, с древнейших времен находились под влиянием шумеро-вавилонской культуры, а с 2000 года до н.э. еще и под влиянием хеттской культуры... Неудивительно, что амморитское искусство второго тысячелетия до нашей эры носит явные следы хеттского влияния...»

Так в результате наших раскопок в Шех-Сааде были впервые найдены аутентичные памятники амморитской культуры».

Перечитаем эту последнюю фразу еще раз. Каждый археолог подтвердит, что полмиллиона крон, предоставленных ученому торговыми, банковскими и финансовыми кругами и позволивших ему написать эту фразу, в сущности до смешного маленькая сумма в сравнении с результатами этих раскопок.

После успешного завершения программы раскопок в Шех-Сааде Грозный с Цукром направились к холму Телль-Эрфад близ Алеппо (Халеба) в Северной Сирии. Возле селения с домиками из земли и необожженной глины, напоминающими перевернутые ласточкины гнезда, он откопал остатки греческих построек, не слишком

Эдикула с именем хеттского царя
Тудхалии IV,
вторая половина XIII в. до н.э.

его интересовавших, а под ними груды керамики и, главное, массу терракотовых статуэток, представляющих местные хурритско-хеттские божества, в том числе божественную троицу, относящуюся ко времени, когда до начала христианской эры оставалось еще не менее 20 столетий.

Но это было только зондированием почвы. Основные раскопки должны были начаться в Турции, и целью их было ни много ни мало, как открытие местонахождения загадочных каппадокийских табличек.

По многим признакам

Грозный мог полагать, что оно находится в окрестностях Кайсери. «Мы отправились туда, исполненные надежды, что и здесь нам будет сопутствовать удача».

Из Бейрута они переправились морем в Мерсин, а потом поезд повез их по турецкой территории. За Аданой начинается взгорье, которое уже более двух тысячелетий считается самым негостеприимным уголком мира. Но Грозный любит Турцию и потому пишет: «Пейзаж в отрогах Тавра очень привлекателен: густые леса, то хвойные, то лиственные, перемежаются зелеными лугами, на которых пасутся стада. Но моя мысль занята историческими проблемами, связанными с этой местностью, прозванной греками Киликией Суровой, Kilikia Tracheia. Несколько лет назад на основе хеттских надписей я установил, что в Киликии Суровой нужно искать древнево-

сточное государство Арцава, некогда покоренное хеттами. Однако прежде всего надо найти столицу этого государства...»

19. Сквозь препоны бюрократов

Конечный пункт их путешествия — Кайсери — краевой центр с 60 тысячами жителей (сегодня там — 100 тысяч жителей) — находился тогда в 190 километрах от железной дороги. Добраться туда они могли пешком, на телеге или в машине. Пустимся в дорогу на автомобиле вместе с ними и мы.

«Малоазиатские автомобили — не совсем то, что мы представляем себе, когда слышим это слово; это обыкновенные деревянные возки, брички или арбы с крытым верхом, к которым приделан автомат, чаще всего от американского «форда» или итальянского «фиата», — писал Грозный. — В этих автомобилях нет сидений, садятся здесь, так же как в арбах, прямо на деревянное днище. Таким образом, в них нет ни малейшего комфорта... Даже лучшие дороги в Малой Азии редко имеют каменное основание. Столь же редко встретишь канавы вдоль дорог. А так как в горных районах Малой Азии часто и весьма основательно идут дожди, то дороги эти размыты, полны выбоин и луж. Их пересекают стремительные потоки, а порой даже перегораживают валуны. Через все эти препятствия несется наш автомобиль, подбрасывая нас до самой своей деревянной крыши. То и дело нам приходится сожалеть, что она не обита чем-нибудь мягким...»

Веселое настроение не покидало ученых и после приезда в Кайсери. «Мы поселились в караван-сарай «Захер», «первоклассном» заведении на главной улице, в убого обставленной комнатухе, полной всевозможных насекомых. На единственный, совершенно разломанный стул нельзя было сесть. Только вентиляция была на высоте: в окнах попросту отсутствовало несколько стекол».

Утром они пошли отметить в полицию. Чтобы немного подкрепиться перед совершением этого обряда, заглянули в кофейню

неподалеку от кайсерийского «Захера», которого с венским роднило лишь название. Но делать этого не следовало.

Кайсерийский губернатор и начальник полиции не был бюрократом, который сидит в канцелярии, зарывшись в бумаги; по большей части он непосредственно общался с вверенным ему населением, преимущественно в этой кофейне. (Другим его излюбленным местопребыванием были приемные анкарских министерств, но об этом позднее.) И едва Грозный с Цукром вошли, он благодаря своему полицейскому нюху мигом распознал в них чужеземцев. И тут же на месте, не колеблясь, арестовал. На их протесты он отвечал им, что перед ними сам Али Вефа-бей.

Позднее в префектуре Грозный и Цукр узнали, сколь высокие должности связаны с этим именем. Создавалось впечатление, что кайсерийские раскопки начинаются не слишком-то счастливо...

Они предъявили свои документы. Паспорта были в порядке, но Али Вефа-бей без труда обнаружил несоответствия в турецких ферманах. Последовала длинная речь, которую Грозный охарактеризовал как «весьма недружелюбную» и смысл которой сформулировал так: «Хотя вы и имеете разрешение на раскопки от Комиссариата народного образования, но у вас нет разрешения Комиссариата внутренних дел на пребывание в Кайсери, и если в кратчайший срок вы не получите его, вам будет очень плохо».

Но как «в кратчайший срок» получить разрешение из министерства в Анкаре, если Кайсери не связан с внешним миром ни телефоном, ни телеграфом? К счастью, в Турции под «кратчайшим сроком» подразумевают два-три месяца.

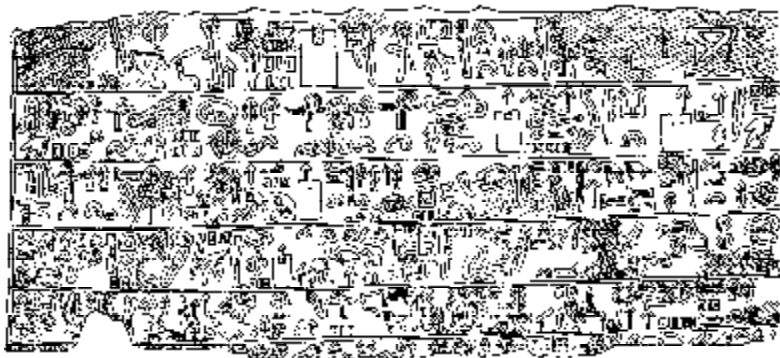
Однако начать раскопки они не могли. Разрешение в порядке, в полном порядке, но по турецким законам при любых раскопках, которые ведут иностранцы, должен присутствовать правительственный комиссар. Придется подождать, пока его назначат и он доберется сюда.

Грозный вооружился терпением и делал, что мог: исследовал местность. «Анкарское правительство разрешило мне вести рас-

копки на двух холмах близ Кайсери: на Хююктепе, находившемся у деревни Карахююк к западу от Кайсери, и на Кюльтепе, находившемся у другой деревни с тем же названием (Карахююк) к северо-западу от Кайсери». Ученый был убежден, что загадочные клинописные таблички, относящиеся к III тысячелетию до нашей эры, таятся в одном из этих мест. «Мне хотелось установить их местонахождение и начать там раскопки».

Распросы населения не дали никаких результатов; впрочем, Грозный ожидал этого — ведь речь шла о торговой тайне. Чего он, однако, не ожидал, так это «весьма неприветливого» отношения со стороны местных жителей. Все попытки сближения оказались безуспешными. Не было заметно ни малейшего следа турецкой услужливости и гостеприимства, с которыми путешественник встречается особенно в деревне (и с которыми не может сравниться даже славянское гостеприимство); зато явственно проявлялся преувеличенный национализм в неприятной комбинации с религиозным фанатизмом. «Хотя мы, естественно, ни в коей мере не вели себя вызывающе, мы очень часто слышали за своей спиной слово «гяур» («неверный»), а иногда нам вслед летели камни. Поначалу мы не обращали внимания на эти проявления неприязни, не придавая им большого значения, пока одно более резкое проявление этой вражды к иностранцам не заставило нас подумать о том, что было бы непростительным легкомыслием ее недооценивать».

Как оказалось, археология еще в 20-х годах нашего столетия была наукой, отнюдь не заставлявшей тех, кто ею занимался, испытывать недостаток в сильных ощущениях. Точно так же как во времена Кольдевея, который при раскопках основания Вавилонской башни жаловался на вечную стрельбу — бедствие этих мест, или во времена Лэйярда, который в Ниневии всегда спал с ружьем в руке и не попал в турецкую тюрьму только благодаря тому счастливому обстоятельству, что паша, который хотел его посадить, угонял туда несколько раньше. По правде говоря, Грозный вовсе не мечтал развлечь читателя своих дневников рассказами о подоб-

Копия надписи с алтаря в Эмиргази

ных приключениях. Он ищет не встряску нервов, а неизвестные до сих пор факты. Приключение для него — это лишь ошибка в расчете, которую выявило столкновение с действительностью. Или же печальное доказательство того, что никто не может заранее учесть все возможности.

В полдень 21 июня архитектор Цукр возвращался по главной улице Кайсери к себе домой. Он шел один. Грозный в это время был на холме Гюменд, под которым, как он предполагал, находится столица древнего государства Киццуватна (его властителю царю Испу-тахсу принадлежала одна из старейших печатей, выполненных одновременно и иероглифическим хеттским письмом и клинописью). На привычные проявления неприязни Цукр не реагировал. Когда он подходил к губернаторской резиденции, от толпы фанатиков, выкрикивавших слово «гяур», отделился молодой турок, направил на Цукра револьвер и выстрелил с расстояния трех шагов. Пуля просвистела около уха. Молодой турок выругался и прицелился снова.

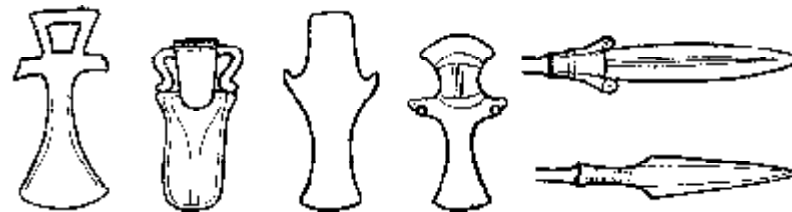
Но до второго выстрела дело не дошло. Цукр увидел открытую дверь мечети — и одним прыжком был в укрытии. «Тут покушав-

шийся на жизнь Цукра уже не осмелился осуществить свое намерение».

Грозный попросил у губернатора аудиенции. Тот принял его только на четвертый день. «Когда мы стали жаловаться, что в Кайсери не можем быть спокойными за собственную жизнь, Али Вефа-бей закричал, что мы, наверное, политические агенты и враги Турции, которые хотят ее дискредитировать, и если мы заявим, будто в Кайсери беспорядки, он предаст нас суду...

Наша научная любознательность не заходила, естественно, так далеко, чтобы нам захотелось познакомиться с турецкой тюрьмой, полной тифозных и иных бактерий, и позволить осудить себя как «врагов Турции» на смерть или многолетнее заключение. Видя, что мы не можем положиться даже на местные турецкие власти, призванные охранять нас, мы на другой же день после этого, утром 26 июня, покинули Кайсери».

Должна ли была эта история, только благодаря находчивости Цукра не кончившаяся трагически, означать конец чехословацких археологических исследований на Востоке? «Весной 1925 года я решил вновь попытаться вести раскопки на Кюльтепе». Разумеется, Грозный не надеялся на то, что за полгода положение в Кайсери изменится к лучшему, но проблема клинописных табличек, относящихся к III тысячелетию до нашего летоисчисления, не давала ему спать. 50 лет билась над ней наука, и пора было ее разрешить.

Хеттское бронзовое оружие, найденное в различных районах Турции. Вторая половина II тыс. до н.э.

«Русский Голенищев был первым, кто опубликовал эти таблички, которые позднее наука назвала каппадокийскими. Следующие каппадокийские надписи из Кюльтепе опубликовали французы Тюрю-Данжен и Контено, англичане Сэйс и Смит, немец Леви. Европейские ученые часто посещали Кюльтепе и Карахююк. Дважды — и не без успеха — археологи вели там раскопки: француз Шантр в течение двух сезонов в 1893 и 1894 годах и немец Винклер в 1906 году. Но обнаружить в этих местах клинописные таблички до сих пор никому не удалось».

Поскольку срок прошлогоднего разрешения на раскопки истек, Грозный подал новое ходатайство и отправился в Анкару, чтобы просить министра народного образования Хамдуллаха Субхи-бей, профессора эстетики в Стамбульском университете, ускорить дело. Министр сообщил ему, что его ходатайство удовлетворено и ожидает только подписи президента республики, а затем пригласил на чашку кофе.

Когда они вставали из-за стола, постучал секретарь и подал министру листок бумаги.

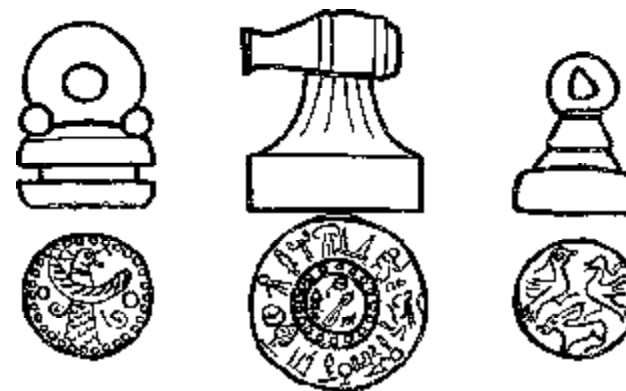
— Вот это счастливый случай! — воскликнул Субхи-бей. — Пусть войдет!

Действительно, это был счастливый случай. Одна из тех удивительных случайностей, какие встречаются только в плохих романах. В дверях появился... Али Вефа-бей. Грозный «ощетинился как кошка». Турция была страной неожиданностей, и он испугался за судьбу своего ходатайства. Но совсем как настоящая кошка повел себя кайсерийский губернатор: вобрал коготки, выгнул спину — по правде сказать, такое животное можно видеть не только в турецком административном аппарате. Вефа-бей вошел с глубоким поклоном, повторил его перед министром, повторил перед Грозным, повторил перед секретарем, повторил перед лакеем во фраке и на всякий случай поклонился в пустой угол. Министр представил ему «своего уважаемого друга и коллегу» и просил оказать ученому гостю всевозможную поддержку. Али Вефа-

бей «со своей стороны» выразил «величайшее удовольствие» по поводу столь приятного знакомства и не находил слов, чтобы заверить его превосходительство господина министра в том, что это само собой разумеется, что это же его служебная обязанность, что более того — для него будет великой честью и счастьем, если такому ничтожному червю, как он, удастся в чем-либо помочь его превосходительству господину профессору и т.д. О прошлогодних событиях не было сказано ни слова.

«На следующее утро, после отвратительной ночи, в течение которой я из-за живого интереса к моей особе со стороны многочисленных насекомых почти не спал, я отправился обратно в Стамбул, где уже через несколько дней получил постановление турецкого правительства, разрешающее мне вести раскопки на Кюльтепе.

В Стамбуле меня ожидал также архитектор В. Петраш, который должен был стать моим техническим ассистентом. Уже во время своего пребывания в Кайсери в 1924 году я увидел, что там мне не удастся раздобыть необходимый для раскопок инструмент. По-

Хеттские печати, найденные в различных районах Турции

этому всем нужным мы запаслись еще в Стамбуле». Археологической экспедиции пришлось везти с собой через море, горы, степи и болота 50 тачек, 50 кирок, 50 лопат, 1 железный лом, 12 ящиков с ремесленным инструментом, мясными консервами, сухарями, мармеладом и другими продуктами.

Везти это на парохоме и в поезде еще можно, трудности начались за Улыкышлой, железнодорожной станцией для города Кайсери, находящегося, как мы помним, примерно в 190 километрах от нее. В этой части земного шара был один-единственный автомобиль, но зато настоящий автомобиль с шинами на колесах, хотя и несколько ветхими. С помощью его владельца и шофера Сабри Эфенди (Грозный уже раньше имел с ним дело, правда, с незавидными результатами) они погрузили свои тачки, лопаты и ящики и в благодушном настроении людей, которым предстоит ехать в автомобиле, вскарабкались наверх, чтобы было ясно, — на все эти тачки, лопаты и ящики.

То, что последовало, вовсе не эпизод из комедийного фильма. Сабри Эфенди был опытным шофером, и меньше чем за час ему удалось завести мотор. Пока продолжались неудачные попытки, несколько тачек упало, но многочисленные зрители, которые не могли упустить такое событие, как старт автомобиля, охотно погрузили их снова. Позднее благодаря выбоинам на дороге весь багаж от тряски сбился в такое компактное целое, что при разгрузке некоторые предметы с трудом можно было расцепить. Пилюли от морской болезни, которые захватил с собой архитектор Петраш, оказались как нельзя кстати. Автомобиль Сабри уже целых 20 минут «мчался» по степи со скоростью не менее 20 километров в час, как вдруг раздался оглушительный выстрел...

Выстрел? Пираты пустыни? Нет, просто лопнула шина. Запасной шины у Сабри Эфенди, естественно, нет, и не остается ничего иного, как по возможности заклеить дыру. Путешественников обгоняет караван, и погонщики верблюдов утверждают в своем недоверии к техническому прогрессу. Однако фыркающий и громыхаю-

щий автомобиль вскоре их настигает и опережает. Сабри торжествует и... еще один выстрел. Починка и аварии регулярно чередуются, то караван, то автомобиль обгоняют друг друга, и, прежде чем участники экспедиции добрались до города Нигде (он в самом деле так назывался), шины и камеры автомобиля начали выходить из строя с такой поразительной частотой, что стало ясно: к вечеру этого дня до Кайсери не доехать. «Чтобы не оставаться на всю ночь посреди степи, Сабри Эфенди решил, что мы заночуем в караван-сараяе «Хан Андавал»...

Ночь эта была весьма неприятной. Мы опасались, как бы кое-что из нашего инструмента за ночь не исчезло; поэтому до двух часов я нес вахту в автомобиле, пока меня не сменил архитектор Петраш; остаток ночи мы провели в сарае, завернувшись в грязное одеяло, на досках, прикрытых соломенным матрасом. Утром я вспомнил, что мы обещали д-ру Обенбергеру, директору нашего Национального музея, ловить жуков. Мы вынули из багажа сеть и отправились к ближнему болоту за жуками...

Но 300 андавалских жучков, и среди них несколько совершенно еще не известных и не описанных, не были единственной пользой от этого путешествия по степи. К югу от Нигде археологи остановились в городишке Тираун, не обозначенном ни на одной карте, и на его мусульманском кладбище обнаружили прекрасную мраморную статую греческого происхождения, изображавшую орла. Но то было только начало поисков.

20. Здесь даже турки считали себя в ссылке

По сравнению с Карахююном даже Кайсери показался ученым крупным городом.

В 1893—1894 годах французский археолог Э. Шантр, производивший раскопки на Кюльтепе, писал: «У северного подножия холма возникла недавно убогая деревенька, в которой свирепствует жесточайшая болотная лихорадка. Пребывание на холме Кюльте-

пе невыносимо утомительно. Полное отсутствие деревьев, тропическая жара, воздух, отравленный малярией, абсолютный недостаток питьевой воды и каких бы то ни было продуктов быстро сломили бы силу и энергию самого закаленного человека, если бы он целиком зависел от помощи близлежащего мусульманского селеньца».

В 1925 году Грозному остается прибавить: «Малопривлекательное, но тем не менее — как мы в этом убедились сами — вполне достоверное изображение Карахююка!»

Грозный приехал сюда 20 июня и поселился с архитектором Петрашем сначала в самом солидном, двухэтажном доме Карахююка, но, хотя их хозяйка была женщиной весьма преклонного возраста, сын ее запретил им пользоваться дверями, ведущими в комнату из коридора, «чтобы мы не могли увидеть ее даже издали. И мы каждый раз лезли к себе прямо с улицы по приставной лестнице». Потом они нашли себе другое обиталище, «еще более примитивное», без окон и стульев, под которым находился большой хлев, куда на ночь загоняли 50—60 буйволов; «легко догадаться, что испарения, поднимавшиеся из этого хлева, не делали более приятным пребывание в наших комнатах, хотя и к этому мы вскоре привыкли».

«Рабочих — от 75 до 150 человек — мы частью нашли в собственной деревне, частью — и в значительно большей мере — в окрестных деревнях и окружном городке Мунджусун, находившемся в полутора часах пути от нас... Обычно это были люди невероятно нищие, без всякого имущества, без работы и в своих потребностях чрезвычайно непритязательные; десять турецких фунтов, то есть наших 200 крон, означали для них огромный капитал, с которым можно было жить полгода... В Турции нет промышленности, а с полевыми работами каждый турецкий крестьянин старается по возможности управиться сам, в крайнем случае — с помощью своих родичей; тот, у кого нет участка земли или собственного торгового дела, почти не имеет перспективы на заработок.

Поэтому к нам за работой обращались очень многие; тем более что платили мы по местным масштабам весьма неплохо, примерно 90 пиастров, то есть около 18 крон в день. К нам приходили просить работу люди из мест, которые находились от нас в нескольких днях пути».

Эти несколько фраз прекрасно иллюстрируют не только условия, в которых работал Грозный, но и положение в турецкой деревне, мало изменившееся в этих глухих краях и до нашего времени. Обращая внимание на жизненный уровень своих рабочих, Грозный представляет собой исключение среди западных археологов. Но следующие ниже слова прекрасно мог бы написать Кольдевей или Лэйярд.

«Однако едва эти рабочие были наняты, их требования начинали возрастать до бесконечности. Причем иметь с ними дело как с массой было весьма нелегко. Почти ежедневные забастовки и волнения, особенно вначале, были в порядке вещей. Порой была необходима весьма утонченная дипломатия, порой же большая твердость, чтобы держать в подчинении эти чрезвычайно недисциплинированные, часто балансирующие на самой грани преступности элементы».

Тут уже Грозный не касается причин, даже самых непосредственных; но мы хорошо понимаем психологию рабочего, живущего в постоянной нужде и страхе перед безработицей и старающегося воспользоваться редкой возможностью, которая ему представилась. Нужно добавить, что рабочие эти, по большей части сезон-

*Хеттские сановники.
С рельефа из Каркемиша*

ные батраки в хозяйствах богатых крестьян, не привыкли работать в коллективе с почти военной дисциплиной, которую ввел назначенный Грозным главный надзиратель, «некий Гриммек, по профессии строительный десятник, затем унтер-офицер в Германской Восточной Африке, загадочным стечением обстоятельств заброшенный в Кайсери, где он оказался без работы и в страшной нужде, как раз когда мы туда приехали». Кроме того, кайсерийские торговцы древностями, стремясь помешать раскопкам, подослали сюда своих агентов.

Но главной и непосредственной причиной недовольства рабочих были нетерпимые, даже по тогдашним турецким понятиям, медицинско-гигиенические и бытовые условия их жизни.

Хотя вся местность была заражена малярией, здесь не было ничего, что хотя бы отдаленно напоминало медицинскую помощь. Рабочие не были обеспечены жильем и чистой питьевой водой.

*Хеттские воины.
С рельефа из Каркемиша*

«Наши рабочие ночевали на лугах вокруг Кюльтепе... Они лежали под открытым небом недалеко от воды, и нет ничего удивительного, что со временем почти все они заболели малярией. Из-за этой болезни каждый день двое или трое рабочих возвращались домой».

Естественно, рабочие требовали, чтобы им выдавали хотя бы хинин. «Мы роздали около 600 порошков хинина и роздали бы его в несколько раз больше, если бы он у нас был». Но ведь о малярии на Кюльтепе Грозный знал заранее. И если в конце концов у него не осталось по-

рошков хинина даже для самого себя, это, разумеется, яркий пример самоотверженности и благородства, но одновременно и свидетельство ошибки в расчете.

Вопреки всему этому труд турецких рабочих под руководством чехословацкого ученого давал свои плоды. Раскопки на Кюльтепе быстро продвигались вперед.

«Холм пепла» означает в переводе название этого холма. И оно вполне оправдано: глина тут перемешана с пеплом, оставшимся от погребенного города. Весь вопрос в том, какого города. Некоторые археологи утверждали, что там вообще не было никакого города, что Кюльтепе в отличие от других холмов — естественный холм. По мнению Шантра, Кюльтепе — кратер некогда действовавшего вулкана, поскольку края по всей окружности холма значительно выше, чем его центр. Грозный считал, что это стены города, покрытые наносами глины. Пробные зонды показали, что он был прав.

В то время как Шантр и Винклер вели раскопки главным образом на склонах холма, ближе к его подножию (в 1925 году были еще видны следы их разведочных траншей), Грозный повел атаку прямо на его центр. Он верил, что под небольшим возвышением на плоской вершине Кюльтепе скрывается какой-нибудь центральный дворец или храм либо и то и другое.

Он наметил направление трех параллельных траншей шириной по восемь метров каждая, и фельдфебель Гриммек отдал приказ к атаке. Петраш следил за продвижением фронта, а Грозный сделал то же, что и всякий командующий, который в первый час после начала операции представляет собой самую ненужную личность на всем поле сражения. Он лег и заснул, что было наиболее разумным способом скоротать время ожидания.

Он ждал почти до вечера. Долгий срок... Но какой короткий в сравнении с тем испытанием терпения, которое выпало на долю Ботта, ожидавшего целый год — и напрасно. Прежде чем солнце успело побагроветь, кирка одного черкеса высекла из горы пепла первую искорку. Камень! Гриммек направил туда подкрепление. Уже

вечером первого дня раскопок Грозный знал, что отрывает стену. Стену из больших, грубо отесанных андезитовых блоков...

Дальнейшие два дня показали, что блоки и вставленные между ними полуобожженные кирпичи несут следы пожара. Пожар! Это археологи любят. «Если бы все происходило по желанию археологов, каждый древний город был бы погребен под дождем пепла, извергаемого из какого-нибудь весьма кстати расположенного поблизости вулкана, — пишет Леонард Вулли. — А если уж не хватает вулканов, лучшее, что, с точки зрения археолога, может случиться со всяким городом, — это порядочный набег, во время которого он будет разграблен и подожжен». Но что бы мы ни думали об этом научном фанатизме, извержение Везувия в 79 году сохранило для нас три античных города: быстрое уничтожение мумифицирует город, медленный упадок его разрушает.

Месяц продолжались раскопки — 50 рабочих стали жертвой малярии — и из глубин тысячелетий выступили на дневной свет основания грандиозной постройки; той постройки, которую Грозный заранее увидел рентгеновским глазом опытного археолога. Постройка занимала 62 метра в длину и 58 метров в ширину, стены ее были 1,5—2,3 метра толщиной, ориентирована она была почти точно по четырем сторонам света (портал, по всей вероятности, обращен на север), с трех сторон ее окружал большой мощный двор. Она стояла на искусственной террасе и доминировала над городом и окрестностью. А после дальнейших раскопок, в результате которых были обнаружены предметы, поддающиеся датировке, Грозный установил время и назначение постройки: «резиденция хеттского правителя этого города, его замок». Хеттский замок XV—XIII веков до нашей эры, сожженный в XII столетии до нашей эры завоевателями, которые уничтожили Хеттскую державу!

Как Грозный установил, что это был именно хеттский замок? Стиль, строительная техника и планировка стен замка в точности совпадали с постройками в Богазкее, Зинджирли, Каркемише, то есть с постройками бесспорно хеттского происхождения.

Однако для серьезного ученого это лишь 90 процентов доказательства; стопроцентное доказательство принесло позднейшее открытие — древнего рельефа, изображающего часть ног с ключевидными хеттскими сандалиями. Рельеф был вмурован прямо в стену замка!

«На этом центральном холме мы достигли в среднем глубины 3—5 метров и только в двух местах дошли до глубины 8 метров. Мы откопали лишь часть зданий античного города... Затем мы нашли другой весьма тщательно сделанный рельеф, представляющий нижнюю часть облачения, фрагмент статуи коня и т.д. Далее ряд сосудов; некоторые из них были необычайно большие: например, один высотой 84 сантиметра, другой — 122 сантиметра; как кажется, они относятся к греко-римской эпохе. Подобные сосуды служили для сохранения припасов, иногда же в них хоронили покойников. Помимо того, в этих местах были найдены кресала, ступы, ручные мельницы, гири, мотки пряжи, ножи и другие предметы». И многие — из железа, которое было величайшим богатством хеттских царей: в те времена железо ценилось в пять раз дороже золота и в 40 раз дороже серебра!

Но вот в самый разгар этих успешных работ ученый неожиданно распоряжается — раскопки прекратить!

21. Таблички на пути

Археологу необходимы большой опыт и прямо-таки детективные способности, чтобы обнаружить определенное место находок, которое никто и не скрывает. Грозный был в гораздо более трудной ситуации: «Благодаря нашему знанию турецкого языка и осторожным расспросам населения нам удалось наконец установить долго и тщетно разыскивавшееся европейскими экспедициями место, где туземцы до сих пор находили каппадокийские клинописные таблички. Место это, как уже упоминалось, туземцы скрывали, ибо за продажу найденных табличек получали большую мзду».

«Как мне позднее сказал один немецкий профессор, посетивший наши раскопки на Кюльтепе, — продолжает ученый, — даже стамбульские торговцы древностями заявили ему, что я напрасно ищу таблички в Карахююке и что уже давно сделано все, чтобы их не нашел».

Грозный отличался от большинства западных археологов (и не только археологов), работавших на Востоке, кроме всего прочего тем, что был человеком глубоко демократичным и ни в коей мере не ставил себя выше «туземцев». Своего кучера, например, он не считал лишь говорящей частью экипажа и в обычном дружеском

Мужчина, намеревающийся нарезать гуся. С рельефа из Тель-Халафа, VIII в. до н.э.

разговоре с ним о вещах минувших и настоящих во время одной из поездок из Карахююка в Кайсери к величайшему удивлению узнал, что когда-то много древностей, несколько наложенных доверху возов, было найдено не на Кюльтепе, а на одном поле, расположенном у подножия холма.

Со старшим рабочим-турком, который проявлял интерес к раскопкам и загадкам исчезнувших городов, Грозный отправился искать это поле. Менее чем в 200 метрах к северо-востоку от Кюльтепе он действительно нашел луг, «совершенно заброшенный, со множеством уже заросших ям и траншей, судя по всему оставшихся после тайных раскопок местных жителей». Со всей определенностью можно было сказать, что сюда стоит погрузить заступ.

Но было ли это именно то поле? Кучер говорил, что, пожалуй, то. Дескать, когда-то крестьяне копали там, но потом

подрались при дележе находок, и начальник кайсерийской жандармерии запретил раскопки, после чего... тайно вел их сам; однако было ли это именно здесь — сказать трудно. Целую неделю бродил Грозный по болотистому краю, обследуя ручейки и трещины, из которых вылезали отвратительные желтые скорпионы, и наконец решил рискнуть. «Я подал ходатайство правительству в Анкаре, чтобы мое разрешение вести раскопки было распространено и на этот луг... Правительство Турецкой республики опять весьма охотно пошло мне навстречу».

Он получил не только это разрешение, но позже и еще одно, согласно которому мог вести раскопки повсюду в округе этого луга.

Однако луг был частной собственностью. Собственностью наследников некоего Хаджи Мехмеда. «Те считали, что древности, скрывающиеся в недрах луга, стоят сотни тысяч, даже миллионы, поэтому было почти любезностью с их стороны, когда они потребовали от меня за свой заброшенный и незначительный по размерам луг всего-навсего... 160 тысяч чехословацких крон».

Правда, Грозный не собирался платить эту сумму. Да и не мог: такого количества денег у него уже не было. Начался долгий, происходивший по всем восточным правилам торг, пока в конце концов у Грозного не лопнуло терпение. Он потребовал официальной оценки. Турецкая комиссия, назначенная Али Вефа-беем, определила цену луга в... 5500 чехословацких крон.

Хеттские жрицы. С рельефа из Каркемиша

За эту сумму Грозный стал владельцем недвижимого имущества в Турции. Впрочем, если мы хотим быть точными: не Грозный, а чехословацкое государство, как и было записано в земельной книге.

«20 июня 1925 года кирки и лопаты наших рабочих впервые зазвенели на лугу Хаджи Мехмеда, и уже в первые дни мы нашли там несколько табличек, поначалу лишь вразброс». Грозный сразу установил, что таблички были точно такого же типа, как и загадочные каппадокийские; более того, надписи на табличках, которые он прочел тут же на месте, подтвердили, что это именно каппадокийские таблички!

На Кюльтепе не осталось ни одного рабочего, только архитектор Петраш заканчивал рисовать свои ситуационные планы, все прочие перешли на луг Хаджи Мехмеда (или, если хотите, на чехословацкий государственный луг). Через два дня были обнаружены стены из необожженных кирпичей. «Стены и кирпичи сделаны весьма умело, кирпичная кладка возведена вполне современным способом, с первого взгляда было видно, что перед нами памятники высокоразвитой ассиро-вавилонской культуры... И как раз рядом с этими кирпичными стенами, под полом, местами вымощенным большими каменными плитами, на глубине 2,5 метра под поверхностью земли мы начали находить на седьмой день раскопок, 26 сентября, множество табличек, целые гнезда табличек, доставивших нам огромную радость. Наконец мы были у цели, к которой стремились! Мы нашли столь долго и тщетно разыскивавшееся подлинное местонахождение каппадокийских табличек!»

В «гнездах» лежало по 10, 20, 50 табличек, а однажды целых 250! Одни величиной в школьную тетрадь, другие вместе с конвертом поместились бы в спичечном коробке. Некоторые лежали свободно, иные в сосудах или терракотовых ящичках. Один из этих ящичков почти не поврежден, у него форма корзины для наседки, снаружи он украшен рельефом. Рельеф несколько неясно изображает животное, которое с любопытством заглядывает в ящичек, словно желая узнать, что в нем».

Ровно месяц вел Грозный раскопки на лугах у «Холма пепла», и результат был прямо сенсационным: он нашел тысячу табличек и фрагментов! И эти красиво обожженные кремевые таблички, надписи на которых были сделаны на древнейшем ассирийском языке, говорили с Грозным голосами людей, чьи кости обратились в прах и пепел в то время, когда до нашей эры оставалось больше веков, чем теперь прошло с ее начала. К ученому обращались господин Интил и его отец Шулабум, рассказывавшие о своих личных заботах, купец Ина и его конкурент Шуан, говорившие о торговых делах, и, помимо множества иных, прежде всего господина Лакипум и Пушукин, столь аккуратные, что сохранили доставленные им письма вместе с конвертами (тоже из обожженной глины), на которых были их адреса. А когда Грозный нашел архив настоящей торговой палаты, выполнявшей, кроме всего прочего, роль полноправного суда в торговых спорах, на десятках табличек обнаружил ее печать (настоя-

Хеттская городская улица с жилыми домами. Реконструкция

щую, оттиснутую на глиняных документах печать) и расшифровал ее текст, он мог констатировать, что «Холм пепла» — саван на знаменитом древнеассирийском городе Канес. К дальнейшим раскопкам приступить не удалось. У Грозного больше не было денег, а его силы вымотали адский климат. «С математической точностью предугаданная малярия» и недостаток хинина решили наконец вместо Грозного вопрос о сроке окончательного прекращения работ.

С высокой температурой, дрожью от лихорадки, сел он 21 ноября 1925 года в бричку, которая должна была довести его до Кайсери. На возвышенности за Карахююком он приказал остановиться, чтобы помахать на прощание рабочим.

В ответ на его приветствие в воздух взлетели лопаты, которые он подарил рабочим. Те самые лопаты, которыми он раскрыл тайну каппадокийских табличек, раскопал неизвестный хеттский замок, построенный три тысячи лет назад, и метрополию ассирийских владений в Малой Азии — древний город Канес, возникший за четыре тысячелетия до нас!

22. Взлет славы

Едва вернувшись домой, еще не оправившись от малярии, Грозный начинает знакомить с открытиями ученых всего мира и своих соотечественников. В 1926 году он публикует «Новые материалы к истории древнейшей цивилизации в Малой Азии» (на английском языке), а в 1927 году — «Предварительное сообщение о чехословацких раскопках на Кюльтепе» (на французском языке). Одновременно он пишет серию статей для еженедельной прессы, читает научно-популярные лекции и издает археологическое путевое описание «В царстве полумесяца», доказывающее, что сложные научные проблемы можно излагать просто и увлекательно (большинство цитат, приведенных в главе, взято из этой книги).

Предисловие к книге Грозный дописывает уже в Стамбуле в сентябре 1927 года — по пути в новую экспедицию, на этот раз в

Хаму и на поле развалин гигантских храмов в Баальбеке. В то время в Чехословакии не было другого ученого, который пользовался бы таким уважением и популярностью, как Грозный. К своей славе лингвиста, разгадавшего тайну хеттского языка, он присоединил славу археолога, открытия которого имеют непреходящее научное значение. Правительство поручает министру просвещения выразить ему благодарность за выдающиеся заслуги — редкий случай внимания к «политически нейтральному ученому» в период домюнхенской республики. Лекции Грозного в Праге и провинции собирают переполненные аудитории и кончаются овациями — не в последнюю очередь также и потому, что о серьезных вещах он умел говорить с юмором. Свидетельства признания поступают и из-за границы: редакция «Британской энциклопедии» просит его написать статью «Хетты» — его, а не Сэйса, Гэрстенга, Хогарта или какого-нибудь другого известного британского хеттолога. Одно за другим приходят приглашения на международные конгрессы и просьбы прочесть лекции в зарубежных университетах. Эти поездки всегда отрывают от исследований и педагогической работы, но обмен опытом — тоже часть научной деятельности!

В апреле 1928 года Грозный выступает на Международном конгрессе лингвистов в Гааге, в мае 1928 года — на Международном конгрессе этрусковедов во Флоренции и Болонье, в ноябре 1929 года читает лекции в университетах Кракова и Копенгагена. Правда, это не мешает ему одновременно написать десятки обширных исследований и статей для пражского журнала «Архив ориентальный», а по просьбе зарубежных изданий — для парижского журнала «Сирия», для эдинбургского «Эванджеликл квотерли» и, кроме того, для турецкого «Хакимигети миллие».

Грозному воздают все почести, какие только могут быть оказаны ученому: университет в Париже, а позднее университеты в Осло и Софии присваивают ему звание почетного доктора, и десятки ученых обществ на Западе и Востоке, на Севере и Юге считают

честью для себя, если он соглашается быть их членом. В феврале 1931 года он едет в Англию и Францию, где ему собираются вручить почетные дипломы и где его просят сделать ряд докладов на любые темы из области хеттологии, какие он сам сочтет подходящими (так было написано в приглашениях Лондонского и Парижского университетов). Грозный выдвигает единственное условие: на каждую лекцию для специалистов должна приходиться лекция для широкой публики.

Большое турне «по Западу и Востоку» начинается в Лондоне, куда Грозный приезжает в качестве гостя Британского общества по изучению Востока, чтобы выступить в амфитеатре, в котором когда-то выступали Дарвин, Фарадей и Гексли. Затем он посещает Оксфорд, а после него Париж, куда его приглашает Французское азиатское общество. «Новый Шампольон!» — представляет его читателям «Фигаро». 14 марта Грозный завершает свое турне большой лекцией в парижской Сорбонне, где в переполненном зале свое выступление кончает словами: «Сегодня, в 1931 году, моя теория настолько общепризнанна, что хеттская проблема уже перестала быть проблемой!».

Это было правдой. Но не всей.

23. Неразгаданные тайны

Поиски и находки чешского востоковеда приоткрыли завесу неизвестности над империей хеттов. После того как раскрылась вторая часть Богазкейского архива, стало возможно прочесть не только разноязыкую дипломатическую корреспонденцию, но и богатейшие документы из жизни хеттов, написанные на их собственном языке: свод законов, судебные приговоры и религиозные книги, предписания для придворных церемониалов и руководство по выучке коней, обращения к государственному совету и медицинские сочинения, военные уставы и налоговые записи. А затем и стихи и небольшие литературные произведения, в ко-

торых — впервые в мировой литературе — зазвучала анекдотическая нотка...

Но разгаданы были еще не все тайны. Молчала большая часть памятников хеттской письменности, рассеянных по всей Передней Азии и найденных в 69 местах.

Это были памятники, написанные хеттскими иероглифами, письмом, благодаря которому мы, собственно, и познакомились с хеттами и которое тем не менее даже после прочтения клинописных хеттских памятников оставалось покрытым непроницаемой тайной. Непроницаемой, несмотря на то что уже в первые годы после открытия хеттов Сэйс прочел шесть знаков их письма, несмотря на то что уже в 1900 году Мессершмидт издал сборник хеттских иероглифических надписей, так что исследователи не могли жаловаться на недостаток материалов, несмотря на то что над расшифровкой этого письма уже более четверти столетия трудился целый ряд крупных ученых и в их числе — гроссмейстер древних знаков — Петер Йенсен.

До 1915 года отсутствие успехов в расшифровке хеттских иероглифов можно было бы объяснить крылатым изречением Элис Коубер: «Нельзя расшифровать неизвестные знаки на неизвестном языке!» Но после того как Грозный расшифровал хеттскую клинопись и воскресил хеттский язык, ситуация

Знатная женщина с кудельником и ребенок с школьной табличкой. С рельефа из Мараша, VIII в. до н.э.

должна была резко измениться. Теперь в хеттском уравнении оставалось только одно неизвестное — письмо.

Однако ничего не изменилось. Не изменилось не только тотчас же, но и через долгие десятилетия, несмотря на то что над проблемой бились ученые всех частей света, несмотря на то что в распоряжении их были буквально тонны материала и более 100 двуязычных надписей!

Какие темные силы объединились тут, чтобы свести на нет все усилия двух поколений ученых, пока наконец третье поколение не принудило их к капитуляции? Мы не боимся лишить читателя удовольствия, которое обещает ему эта драматическая и полная напряжения глава, и заранее даем ответ: иероглифический хеттский язык не был тождествен клинописному хеттскому языку!

Правда, языки эти были родственны и даже весьма близки — примерно в той же степени, как современный словацкий и древнечешский языки, и даже более близки, чем итальянский и латинский. Но клинописные и иероглифические тексты, имевшиеся в распоряжении ученых, были отделены — за несколькими исключениями — половиной тысячелетия. Иероглифические относились к IX—VIII столетиям до нашей эры, то есть к периоду после падения Хеттской державы, а клинописные — преимущественно ко времени ее расцвета, то есть к XVII—XIII векам до нашей эры. Достаточно сравнить, например, «иезуитский словацкий язык» XVIII столетия с современным словацким языком, чтобы увидеть, как за два столетия может измениться письменная речь. Правда, различия эти не составляют трудности для лингвиста, знание их входит в его специальное образование. Однако с хеттским языком дело обстояло совершенно иначе. В первую очередь это было связано с тем, что здесь использовалось фонетически-слоговое письмо. И если мы учтем, что в хеттском иероглифическом письме не делается различия между звонкими, глухими и придыхательными согласными (например, между «в», «р» и «rh») и что многие из слоговых знаков здесь следует читать наоборот (то есть не согласный звук плюс

гласный, а гласный плюс согласный), нам станет ясно, почему даже небольшие языковые различия оказались для ученых непреодолимым препятствием.

При этом иероглифический хеттский язык не был лишь более поздней формой клинописного хеттского языка. В нем проявлялись и местные особенности: Богазкейский архив находился в главном городе империи, между тем как Хама, Каркемиш, Мараш и другие большие местонахождения хеттских иероглифических текстов были отдаленными окраинными крепостями или провинциальными городами. Скажем так: попробуйте на основании чешской «Официальной газеты», издававшейся в 20—30-х годах XX века, прочесть «Спишскую проповедь» конца XV столетия, написанную готическим шрифтом! Впрочем, как все аналогии, и эта хромает: готический шрифт выработался из латинского и поэтому близок ему, тогда как между хеттским клинописным и иероглифическим письмом нет решительно никаких точек соприкосновения! Читатель наверняка уже спросил себя: как объяснить, что хеттские клинописные тексты относятся к более раннему периоду, а иероглифические — к более позднему? Гипотез на этот счет много, но названия теории заслуживают, пожалуй, только две из них. Первая исходит из материала и техники письма.

Сейчас уже считается доказанным, что иероглифы были первоначальным, древним письмом хеттов, и весьма вероятно, что они сами их изобрели. Когда? По всем данным, еще до своего появления на арене мировой истории в пределах Малой Азии. Притом изобрели их хетты независимо от египтян, с которыми не имели никаких связей. Клинопись же они, напротив, только позаимствовали. Хеттский писец — писал ли он клинописью на глиняных табличках, на свинцовых слитках или на серебряных пластинах — в буквальном переводе называется «писцом по дереву» (DUB. SAR. GI?), из чего следует — и расшифрованные тексты это подтверждают, — что хетты первоначально писали на деревянных дощечках; позднее они обмазывали их известью и обтягивали полотном.

Но и переняв клинопись, хетты по-прежнему пользовались своим первоначальным иероглифическим письмом, которое, несмотря на всю сложность, было письмом более широко распространенным, можно сказать, почти народным. Этим письмом хеттские цари увековечивали свои деяния на скалах и памятниках, этим письмом хеттские священнослужители писали религиозные сочинения и хеттские поэты — стихи, между тем как применявшаяся одновременно клинопись была письмом государственных канцелярий, международных сношений и переводной литературы (не сохранилось ни одной монументальной или публичной надписи, сделанной клинописью).

Дерево, полотно и известь подвержены уничтожающему действию времени (больше, чем окаменевшие обожженные глиняные таблички), а серебро представляет слишком большой соблазн для воров. Когда завершилась полутысячелетняя история Хеттского государства (точкой в конце ее последней главы было взятие и сожжение Хаттуса около 1200 г. до н.э.), подавляющая часть иероглифических текстов на этих материалах стала жертвой всеобщего опустошения, затем завоеватели уничтожили каменные памятники и надгробия, и приходится еще радоваться, что от их внимания ускользнули рельефы и иероглифические надписи в скальном храме Язылыккая.

Через три тысячелетия в развалинах столицы остался только клинописный архив на глиняных табличках. Малозначительные окраинные города каким-то образом пережили уничтожение Хаттуса, и в столицах государств-наследников еще столетия спустя возникали новые каменные памятники с иероглифическими надписями. Их-то и нашли археологи среди развалин. Но понятно, что значительных государственных архивов с клинописными табличками они там не обнаружили.

Согласно второй теории, клинописные и иероглифические хетты были разными, хотя и родственными народами, которые на протяжении столетий поочередно играли ведущую роль в хеттской куль-

туре. Сначала преобладали клинописные хетты, затем иероглифические, удержавшиеся в окраинных областях и мелких государствах и после падения Хеттского царства. Соответственно этому в разных местах обнаруживаются документы, составленные с помощью различных типов письма и, возможно, на разных языках. Если же мы находим творения клинописных и иероглифических хеттов рядом, как, например, в храме Язылыккая, то, по данной теории, это объясняется тем, что работа над рельефами велась несколько столетий.

Некоторые сторонники этой теории считают, что в эпоху расцвета иероглифического хеттского языка клинописный хеттский язык был уже мертвым или вышедшим из употребления.

Разумеется, против обеих теорий можно найти различные возражения; но «за» и «против» заставили бы нас слишком глубоко зарыться в старые годовые комплекты специальных журналов, занимающихся проблемами хеттологии, а таких журналов выходит сейчас во всем мире почти сотня. Для нас значительно более важно, что в настоящее время хеттская проблема перестала быть проблемой? Однако прежде чем мы смогли написать эти слова, должно было пройти 25 лет со дня парижской лекции Грозного. Ровно четверть столетия понадобилось еще ученым, чтобы окончательно расшифровать хеттские иероглифы!

24. А если подойти с другой стороны?

Хеттские иероглифы принесли новые сюрпризы. И главный таковой: о самом Хеттском государстве они, собственно, не говорят нам ничего существенного!

Но нет сомнения: даже если бы относительно скромный результат расшифровки хеттских иероглифов был наперед известен, это не остановило бы ученых. Хотя бы потому, что человечество не может примириться с существованием тайны, перед которой наука вынуждена временно отступить.

*Допрос хеттских пленников
под Кадешем.
С рельефа из Карнака, Египет*

А кроме того, это было письмо, которое прямо-таки манило, дразнило каждого исследователя: раскуси-ка меня! Сотни иероглифических надписей блестяли на отвесных скалах в лучах палящего солнца, тысячи их скрывались в пропастях пещер и под развалинами мертвых городов. Иногда они были выполнены с таким тщанием, что становились настоящими произведениями искусства (начало надписи царя Арару из Каркемиша до сих пор украшает каждую публикацию «о красоте письма»), иногда строчки были неровными, шли вкривь и вкось, и, если текст не умещался на свободном пространстве рядом с рельефом, резчик без раздумий продолжал надпись на лице изображенной особы, на стене за углом, на приставленной каменной плите. А само письмо было удивительной комбинацией всевозможных знаков, какие только когда-нибудь существовали: сложные, архаичные, на первый взгляд, даже натуралистические рисунки чередовались с совершенно современными стилизованными знаками, и это контрастное сочетание было гармоничным!

Одним из первых после Сэйса чарам этого письма поддался француз Ж. Менан. Его многолетние труды привели к единственному результату: в 1890 году он прочел иероглифический знак «я (есть)». Это один из наиболее часто повторяющихся знаков, весьма похожий на египетский, имеющий то же самое значение. (Сэйс, поскольку рука указывает на открытый рот, читал его «я говорю»). Почти одновременно над расшифровкой хеттских иероглифов трудился немецкий ассириолог Ф.Э. Пайзер. В его книге, опубликован-

ной в 1892 году, также только один знак прочтен правильно: разделительный значок между словами. Дело в том, что он ошибся в мелочи — неправильно определил начало одной каркемишской надписи и потом весь текст «читал» наоборот!

Хотя мы не намерены проследивать историю ошибок при дешифровке хеттских иероглифов, все же нельзя пройти мимо работ Петера Йенсена (1861—1936). Этот видный немецкий востоковед (одна из важных заслуг которого — окончательное доказательство того, что библейское предание о Всемирном потопе — лишь более поздняя иудейская версия одного из эпизодов шумеро-вавилонно-ассирийского мифа о Гильгамеше) своими ошибками при дешифровке хеттских иероглифов почти на два десятилетия задержал прогресс в данной области. Такое негативное влияние крупной личности, присваивающей себе право решать вопросы, в которых она непрофессиональна, собственно, не редкость: вспомним хотя бы, чтобы не ограничивать себя пределами науки о письме, о споре биологов Кох — Вирхов. У Йенсена к этому присоединилась еще

*Атака хеттских боевых колесниц в битве при Кадеше.
С рельефа из Карнака*

страстная нетерпимость энтузиаста-дилетанта (а в хеттологии он был дилетантом и в прямом смысле слова, поскольку занимался ею ради собственного удовольствия, и в переносном).

Особенно это сказалось в 1923 году, когда молодой немецкий ассириолог Карл Франк подошел к хеттским иероглифам с совершенно новой стороны. Кончилась большая война, и Франк, имевший возможность ознакомиться с методами дешифровки военных кодов и шифрованных депеш, решил употребить свои знания на что-то более разумное. Путем систематизации знаков, подсчетом того, насколько часто каждый из них встречается, классификации их по значимости, учета вариантов и так далее, а также в результате сопоставления с материалами из других ориенталистских источников ему удалось расшифровать несколько географических названий. Йенсен, считавший иероглифы областью, где лишь он полноправный хозяин, набросился на Франка, как панский лесник на браконьера: эпитеты, которыми он награждал молодого ученого, мы встречали в ориенталистских журналах только в переводах 46 проклятий Хаммурапи. «Остается, пылая от гнева, отбросить перо», — заключал он свою статью, которая должна была явиться объективной рецензией на работу Франка.

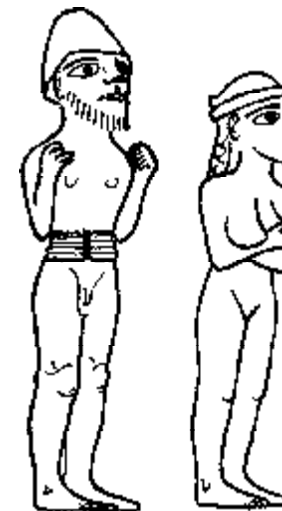
Однако Франк в отличие от других своих коллег не сдался. Он пригел к последнему оружию малых против великих — насмешке. Он отдал обязательную дань почтения старейшине немецких ассириологов, который в расшифрованных названиях городов видел титулы правителей, и с серьезным видом спросил его, «не следует ли нам и в часто встречающихся изображениях ослиных и воловьих голов усматривать идеографические символы царей?»

Нет смысла останавливаться дольше на этом и подобных спорах: какой бы неприятный осадок ни остался у нас от них, они доказывают, что нет ни одной области науки, где старое не сопротивлялось бы новому, что новому приходится отвоевывать свое место под солнцем. Еще они доказывают, что даже специалисты по филологии древнего Востока, представители самой сухой и далекой

от жизни науки, не всегда бывают холодными учеными.

В остальном же метод Йенсена — что самое удивительное в этой истории — был принципиально верным. Йенсен исходил из правила, которое он сам открыл и которое с большим успехом впоследствии применил Форрер: не стараться установить в первую очередь фонетическое значение знака, а сначала добраться до смысла текста по косвенным данным, то есть стараться, по сути дела, разгадать текст и лишь потом заниматься отдельными знаками. Но что пользы в правильном методе, если главная посылка ошибочна? Йенсен считал иероглифический хеттский язык ранней формой... армянского языка!

Но — при дешифровке древнего письма всегда находится свое «но»! — несмотря на это, он пришел к одному важному частному выводу. Мы помним, что в египетских иероглифических текстах имена фараонов всегда заключены в особые овальные рамочки (картуши). Нечто подобное встречается и в хеттских иероглифических надписях. Йенсен обратил внимание на особое орнаментальное украшение, обрамлявшее разные иероглифические знаки. Оно напоминало балдахин: его крышей было «крылатое солнце», очень похожее на эмблемы ассиро-вавилонских царей, а эту крышу подпирали два столба, заканчивающиеся волютами — волютами прямо-таки в ионическом стиле. Позднее действительно оказалось, что этот балдахин, за которым утвердилось название эдикула, имеет в хеттских иероглифических надписях то же значение, что и картуш в египет-

Хеттские бронзовые статуэтки конца II тыс. до н.э.

ских. И так же легко, как ребенок в кукольном театре узнает короля по короне, сейчас ориенталист узнает в хеттском иероглифическом тексте имя царя по эдикуле!

Так шаг за шагом продвигалась дешифровка хеттских иероглифов в течение целой четверти столетия. Каждый год приносил хотя бы одну новую книгу, но он далеко не всегда приносил новое правильное прочтение хотя бы еще одного знака. Англичанин Р. Томпсон издал в 1913 году «Новую расшифровку хеттских иероглифов», в которой, однако, расшифровал только один (не всегда используемый) определитель личных имен.

Сколь долго могла таким темпом продолжаться дешифровка, если хеттологи не могли прийти к общему мнению даже насчет того, какое количество иероглифов вообще существует — 40 или 400? И являются ли, например, иероглифы четырьмя самостоятельными знаками или четырьмя вариантами одного и того же знака?

До сих пор отдельные ученые трудились над расшифровкой хеттских иероглифов самостоятельно, лучше сказать — изолированно. Их неудачи показали, что и в изучении древних языков эпоха отважных пионеров, полагающихся исключительно на собственные силы, миновала. Как и в остальных областях науки, лучшие умы должны были объединиться, потому что победу можно было одержать лишь совместными усилиями. Она могла быть достигнута только в коллективе, в котором каждый человек не теряет своей индивидуальности, а коллектив в целом устраняет недостатки отдельной личности, чтобы обеспечить общее продвижение вперед.

К счастью для хеттологии, она такой коллектив создала. Его членами стали ученые разных народов и разных специальностей, объединенные общим стремлением решить загадку хеттского письма, даже если за нею окажется лишь мертвая пустыня. Стать бойцами передового отряда этого международного коллектива вызвались ученые пяти стран — Швейцарии, Италии, США, Германии и — Чехословакии.

25. Пятерка смелых: от Форрера до... Грозного

Главным нападающим в этой пятерке стал профессор Эмиль Форрер из Швейцарии. В 1919 году, когда он доказал, что хетты не говорили по-хеттски. Свою научную карьеру Форрер начал в Цюрихском университете, потом стал профессором в Берлине; когда же центр западного востоковедения переместился из Германии в Соединенные Штаты, то ученый перешел в университет Балтимора, а затем Чикаго. Сначала Форрер занимался хеттской клинописью, но в 20-е годы все свое внимание сосредоточил на хеттских иероглифах.

Его метод представлял собой творческую комбинацию всех известных до тех пор методов дешифровки. Те, кто говорит, что вот это у него от Йенсена, другое — от Гротефенда, третье — от Грозного, совершенно правы; однако, критически используя и соединяя отдельные элементы всех этих методов, он создал качественно новый метод, правильное применение которого способствовало прогрессу всей хеттологии.

«Понимание смысла текста должно предшествовать фонетическому прочтению». Форрер строго следовал этому принципу Йенсена и, так же как Грозный в 1915 году, главное свое внимание обратил на идеограммы, которые он мог понять, даже не зная, как они произносятся. Подобно Франку, он учитывал, насколько часто встречаются отдельные знаки и опять-таки как Грозный составлял таблицы с рядами знаков, чтобы установить префиксы и суффиксы, а тем самым и грамматический строй языка. Следуя примеру Гротефенда, Форрер искал формулы, несомненно повторяющиеся и в иероглифических текстах: зачины царских надписей, вводные фразы писем и особенно проклятия, которыми в этой части света и в ту эпоху кончалась каждая надпись, закон или государственный договор. (Чем длиннее и решительнее бывали эти благочестивые пожелания, тем боль-

шее значение имел документ.) Наконец, как Шампольон и Роулинсон, в качестве отправной точки дешифровки Форрер избрал имена царей (идеограмму, обозначающую титул царя, он установил одной из первых), а кроме того, использовал — тоже отнюдь не новый — сравнительно-аналитический метод, чтобы определить, например, как изображение той или иной особы может помочь в понимании текста рядом с ней, какова зависимость знака-рисунка от его первоначального смысла, насколько взаимосвязан строг язык иероглифических и клинописных текстов, и так далее.

Когда в 1932 году Форрер издал свой труд «Хеттское иероглифическое письмо» (это было переработанное издание его «Предварительных сообщений», прочтенных в Лейдене и Женеве), весь коллектив хеттологов уже знал, что он не только правильно расшифровал ряд знаков и слов, но и, как сказал И. Фридрих, «пролил ясный свет на грамматическую структуру и весь синтаксический строй языка иероглифов во всех его подробностях».

Вторым членом этого коллектива был итальянец Пьеро Мериджи, профессор Падуанского университета и языковед с мировым именем: один из тех, кто расшифровал ликийские и лидийские тексты, издатель крито-микенских надписей, исследователь до недавних пор малоизвестного лувийского языка, и прежде всего — один из тех, кому принадлежит честь дешифровки хеттских иероглифов.

Свой научный путь Мериджи начал в Германии; он преподавал итальянский язык в Гамбурге и изучению хеттского языка мог посвятить только свободное время. Когда биограф ученого (Э. Добльхофер) спросил, каковы его научная подготовка и метод, он ответил, что более всего обязан работе в механической мастерской своего отца, ибо «такая работа лучше всего способна преподавать урок научного подхода к любому вопросу».

Первых результатов, которые Мериджи счел возможным опубликовать, он добился в 1927 году. Результаты не выходили за рамки обычных монографических исследований, впрочем, в науке иначе и быть не может; только поэту порой удается уже в первом юно-

шеском произведении достигнуть вершины собственного творчества. Но в 1930 году Мериджи опубликовал в берлинском «Ассириологическом журнале» статью, которая кончалась фразой: «Важнейшим выводом этой работы, выводом, который я должен в конце своего сообщения подчеркнуть еще раз, является то, что, как мне кажется, в одной группе знаков мною установлено слово «сын». Мы знаем, какое значение для дешифровки древних надписей имеет слово «сын»: оно позволяет установить родственные связи правителей, а тем самым и их имена. Потом Мериджи прочел слово «внук» и, наконец, «властитель» (буквально «государь страны»). Это был прорыв до тех пор неприступного фронта таинственных иероглифических текстов.

Ученые, наступавшие во втором эшелоне, тотчас углубили его. Результатом их трудов явились первые генеалогические таблицы хеттских властителей Каркемиша и Марата.

Третьим был Игнаций Д. Гельб, американец, но только по своему официальному гражданству: он родился в 1907 году в Тарнополье на Украине. Интерес к мирам, затянутым дымкой прошлого, пробудил в нем роман Мора Йокаи, герой которого отправляется в Среднюю Азию, чтобы найти прародину венгров. Способный и целеустремленный юноша изучает древние и новые языки, в 18 лет уезжает в Италию, а в 22 года получает диплом доктора Римского университета, защитив диссертацию на тему «Древнейшая история Малой Азии». Готовя ее, Гельб сталкивается с хеттской культурой, которая для любознательного человека, каковым является всякий ученый, представляет слишком заманчивый орешек, чтобы можно было удержаться от соблазна раскусить его. Когда в 1929 году Гельб переезжает в Чикаго, к тому времени крупный центр американской ориенталистики, перед ним стояли уже иные исследовательские задачи, и «со своей возлюбленной, речью хеттов, он может проводить только ночи». Плод этой любви — труд «Хеттские иероглифы», первый том которого вышел в 1931 году (второй — в 1935-м и третий — в 1942-м). На Всемирном конгрессе ориентали-

стов в Лейдене в 1931 году Гельб выступает не только как самый молодой докладчик, но и как признанный член международного хеттологического авангарда.

Как всякий ученый, Гельб отправляется затем за новым материалом. Не раз — опять-таки как всякий ученый — идет по ложному следу; дни и ночи едет по пустынным областям Центральной Турции ради надписи, которая, как потом выяснится, была вовсе не надписью, а узором трещин на выветрившейся скале. Близ Кетюкале в Киликии текст находится на выступе нависшей над рекой скалы; две экспедиции вернулись уже, ибо надпись была абсолютно недоступна. Гельб подкупает руководителя работ на строительстве проходящей неподалеку дороги, рабочие просверливают в скале отверстия, вкладывают туда динамитные шашки, раздается взрыв, и, когда туча пыли и щебня оседает, путь для охотника за хеттскими надписями открыт...

Некоторые прочтения Гельба оказались ошибочными, но важно то, что он распознавал в знаках глагол «делать», который был не только первым достоверно прочитанным глаголом хеттского иероглифического языка, но и первым доказательством его родственной близости с хеттским клинописным языком. Будущее показало, что именно этому глаголу суждено было стать ключом к расшифровке хеттского иероглифического языка. И к тому же при обстоятельствах, которые ни один серьезный ученый не счел бы правдоподобными. Еще одна весьма значительная заслуга Гельба — решение вопроса, остававшегося до тех пор дискуссионным: сколько знаков в иероглифическом письме. Он установил, что помимо большого количества идеограмм («логограмм», как он их называл) в хеттском иероглифическом письме имеется только 60 фонетических знаков и что, следовательно, оно является слоговым письмом, отличающимся той единственной особенностью, что, как правило, согласный здесь следует за гласным.

Четвертым в этой пятерке нападающих был немец Хельмут Теодор Боссерт, но о нем упомянем позднее.

Пятым был Бедржих Грозный.

«После прочтения клинописных хеттских надписей я посвятил себя исследованию хеттских иероглифических текстов. Моими соратниками в этой области были ученые Боссерт, Форрер, Гельб и Мериджи. В 1934 году я предпринял пятимесячное путешествие по Малой Азии, чтобы скопировать там ряд неизданных или не полностью изданных иероглифических надписей», — писал Грозный в одной из своих последних работ, которую он назвал «Краткое обозрение моих научных открытий».

Когда в начале июля 1934 года он снова увидел синие воды Мраморного моря, которое соединяет (хотя чаще пишется: разделяет) Европу и Азию, то поверил наконец, что экспедиция его действительно состоится. Ни одно из его путешествий не было связано с такими трудностями — правда, не техническими, а финансовыми. Чехословакия, как и все капиталистические государства, билась в судорогах экономического кризиса, государственные доходы падали, правительство экономило на всем. Нет надобности объяснять, какую реакцию вызвала просьба о деньгах для новой поездки.

Впрочем, еще до начала кризиса, в период послевоенной конъюнктуры 1927—1929 годов, Грозный просил субсидию для продолжения раскопок на Кюльтепе. Когда о его финансовых затруднениях узнали немцы, его посетил профессор Юлиус Леви и сказал, что он мог бы найти в Германии средства, необходимые для продолжения раскопок на Кюльтепе.

— Я не сомневаюсь, что необходимые средства найдутся и у нас, — ответил Грозный.

Аргументы Леви звучали убедительно:

— Не важно, кто будет финансировать экспедицию, — ведь наука имеет международный характер.

— Разумеется, международный! Но я играю за нашу национальную сборную!

Однако менеджер этой национальной сборной, если так можно было назвать главу правительства «панской коалиции», отказал в

субсидии для продолжения раскопок на чехословацком земельном владении близ Кюльтепе. «Мы — маленькое государство и не можем позволить себе такую роскошь». А министерство школ, шеф которого еще недавно торжественно поздравлял Грозного, отказало и в его просьбе о субсидии для простой научной командировки в Стамбул и Богазкей! Более того, оно отказалось оплатить путевые расходы по поездке Грозного в Рим на Международный конгресс лингвистов и в Париж на его подготовительное заседание, так что Грозному пришлось просить господина М. Дюссо из Французской академии прочитать его доклад! Этому трудно поверить, но многому в истории предмюнхенской республики сейчас трудно поверить.

Хотя объективные предпосылки для экспедиции Грозного были чрезвычайно неблагоприятны, он не отступил. Дальнейший прогресс в дешифровке хеттских иероглифов требовал прежде всего проверки на месте некоторых спорных надписей. Деньги на поездку он буквально выпросил у Бати и в Шкодовке (то есть в концерне «Шкода»), в бухгалтерии которого они были занесены в рубрику «расходов на рекламу».

И вот Грозный снова проходит по ущельям Тавра, снова спит в постелях, кишаших клопами, снова направляется к целям, определенным еще в Праге. На этот раз, впрочем, без лопат и кирок, лишь с проводником, которого ему предоставило турецкое правительство.

«К числу самых крупных и важных хеттско-иероглифических надписей принадлежит Топадская, или, точнее, Адджигельская, надпись, вытесанная на большой скале. Автографию этой надписи издал Х.Т. Боссерт в «Восточном литературном журнале», по фотографии и копии Малоазиатского отделения Берлинского музея. «Часть же этого текста не была до 1935 года ни переписана, ни переведена», — начинает Грозный рассказ о главной цели своей археологической экспедиции в Малую Азию в 1934 году (в третьем томе его «Хеттских иероглифических надписей»).

«В сопровождении Салахаттина Кандемир-бея из анкарского Министерства народного образования 28 октября 1934 года я

прошел 23 километра, отделяющие Невшехир от Адджигеля. Топопада, в то время называвшаяся Адджигель, находится к юго-западу от Невшехира. Это деревня с 1800 жителей, центр нахие (уезда)... Мы остановились в доме мухтара (старосты) Мехмеда; иного выбора, кроме как воспользоваться его гостеприимством, у нас не было. В течение 5 дней, по 1 ноября включительно, каждое утро мы отправлялись в бричке к местонахождению нашей надписи, примерно в 6—7 километрах к югу от Адджигеля. Этих пяти дней мне хватило на то, чтобы проверить правильность первоначального издания надписи, которую я переписал и перевел в первый раз в журнале «Архив ориентальны». Теперь, спустя два года, я предлагаю вниманию читателей переиздание этой статьи с рядом уточнений и с новыми фотографиями надписи... Должен, однако, добавить, что этот перевод, так же как характеристика его содержания, являются, на мой взгляд, лишь первым опытом, который я предпринял, стремясь преодолеть необыкновенные трудности этого текста...» Затем на 26 страницах следовал перевод со 187 подстрочными примечаниями и двумя добавлениями.

«После окончания работ в Адджигеле — Топопаде я и Салахаттин Кандемир-бей утром 2 ноября 1934 года отправились на арбе из Адджигеля в деревню Суvasa, или Сиваса, расположенную примерно в 40 километрах к западу от Невшехира. Мы приехали в середине дня. Деревня Суvasa — одна из самых примитивных анатолийских деревень, какие только мне удалось видеть за время странствий по этим краям. Убогие жилища, всего не более 45 (примерно 200 жителей), большей частью опираются о скалу или вытесаны в ней. Как и в Адджигеле, мы поселились здесь у мухтара, а потом перешли к его родителям.

Вокруг Суvasa есть несколько деревень, жители которых принадлежат к секте Бекташи. Кстати интересно отметить, что эти люди не едят зайцев, весьма почитаемых ими. В этом можно видеть последний остаток древнего культа зайца у иероглифических «хеттов»,

которые считали его священным животным и верили в его пророческие способности...

Минутах в 25 хода к юго-востоку от деревни Суваса находится хеттско-иероглифическая надпись, открытая в 1906 году Х. Роттом... Скопировать и хорошо сфотографировать ее было дальнейшей главной целью моей археологической экспедиции в Турцию в 1934 году...»

26. Пять месяцев странствий

Подробно и тщательно отчитывается Грозный о каждом дне своего пятимесячного путешествия. Как и все крупные исследователи, Грозный был умелым рисовальщиком; ведь и к изучению древнего письма относится то, что Кювье сказал о естествознании: «Какую-либо форму или структуру мы познаем лишь тогда, когда можем нарисовать ее со всеми подробностями». За это время он скопировал 86 надписей на скалах, надгробиях, алтарях и свинцовых пластинах в различнейших уголках Турции и получил в свое распоряжение тщательнейшим образом проверенные тексты, причем он исправил неточности во многих надписях, опубликованных в 1900 году Мессершмидтом. Тексты эти стали достоянием не только Грозного, но и всей мировой хеттологии. Результаты своего путешествия он тотчас же предоставил к сведению всех ученых. Если мы подчеркиваем, что собранные материалы Грозный тотчас же предоставил в распоряжение остальных исследователей, то делаем это потому, что далеко не всегда такой образ действий подразумевался сам собою. Например, Артур Эванс, обнаруживший во дворце Миноса на Крите около 2800 табличек с так называемым линейным письмом Б, опубликовал из них после 15 лет всевозможных проволочек лишь 120, а остальные держал в ящике своего письменного стола до самой смерти, боясь лишиться себя первенства в дешифровке критского письма. «Без прекрасного издания его труда, ставшего для всех нас настоящим

подарком, — пишет о книгах Грозного парижский хеттолог Г.Э. Дель Медико, — нельзя было бы начать какой бы то ни было серьезной работы».

Этот великолепно оформленный трехтомный труд с сотней иллюстраций в качестве приложения вышел в 1933—1937 годах (первый том содержит вступительную статью и первый полный свод иероглифических знаков с указанием их значения). Грозный написал его по-французски. Но отпечатан он был в Праге, а поскольку в кассах наших наборщиков хеттские иероглифы обычно не встречаются, их нужно было изготовить. И Грозный, никогда не забывавший поблагодарить каждого, кто хоть как-нибудь помог ему в работе, будь то представитель чехословацкого или турецкого правительства, австрийский обер-лейтенант или курдский повар в Каппадокии, выражает в предисловии личную благодарность работникам государственной типографии, особенно Карелу Дырынку, который для издания этой книги «весьма тщательно нарисовал» хеттские иероглифы (кстати, они используются и до сих пор, и заграничные ученые, учитывая достоинства этого шрифта, охотно печатают свои труды в Праге).

«В этой книге, — написал Грозный в 1948 году, — я опубликовал первую грамматику языка, на котором сделаны эти надписи, далее я установил, что язык «хеттских» иероглифических надписей является языком индоевропейским, а именно западноиндоевропейским из группы кентум (в действительности иероглифический лувийский язык не является языком кентум. — *Прим. ред.*), и находится в близком родстве с хеттским клинописным языком. В ней я в первый раз перевел почти все наиболее крупные и важные иероглифические надписи (общим числом около 90)... В то время как мне удалось установить, что клинописные хетты именовали себя неситами (от слова Несас, названия их древнейшей столицы), настоящее наименование иероглифических «хеттов»... пока нам, к сожалению, еще неизвестно».

27. Сияние звезд меркнет перед Солнцем

«Шампольон превзошел Шампольона!» — так мировая печать встретила достижения ученого. Однако у хеттологов труд Грозного вызвал некоторые сомнения. Со своими откликами выступили Мериджи из Италии и Гэрстенг из Англии. Они были осторожны: здесь — оговорка, там — согласие, тут — восклицательный знак, там — вопросительный. Меньшие звезды на небе востоковедения светили яснее, но их сияние меркло перед солнцем. Дело не в том, что Грозный был вне критики, но он был слишком большим авторитетом.

Он ждал атаки, как после 1915 года. Был готов к защите: «Я твердо верю, что мое прочтение выдержит проверку, подтвердится!» Но был готов и к отступлению. Ведь его слова: «Я с радостью и большим удовлетворением жертвую своими самыми прекрасными гипотезами, как только дальнейшее изучение приводит меня к подлинной научной истине» — были для него не громкой фразой, а составной частью научного метода.

Атаки не последовало. Никто не выступил и с принципиальной критикой, полезной даже ученому такого масштаба, как Грозный.

Итак, его решение было правильным!

Да, он был прав в том, что язык, на котором сделаны хеттские иероглифические надписи, — язык индоевропейский, весьма родственный языку хеттских клинописных текстов. Это было гениальное открытие, основывавшееся на характере изменений в окончаниях отдельных слов. Позднейшие исследования подтвердили его. Но в свете этих же исследований большая часть новых прочтений Грозного не выдержала проверки. То же касается и его грамматики иероглифического хеттского языка.

Однако к этим выводам хеттология пришла в то время, когда Грозный уже не принимал активного участия в ее развитии.

28. Новатор и основоположник — невзирая ни на что

Невзирая на то, что попытка чешского востоковеда расшифровать хеттские иероглифы не увенчалась полным успехом, его труд не был напрасным. Наоборот, он принес свою пользу.

«Грозный прежде всего опубликовал автографии всех важнейших текстов, в совершенстве выполненные и в тех случаях, когда речь идет о знаках, которых он не понимал, — говорит видный чешский хеттолог В. Соучек. — Далее, он подтвердил прочтение ряда ранее дешифрованных знаков. И наконец, что наиболее важно, несколько знаков расшифровал правильно — так, как мы их читаем сегодня».

Обратите внимание на это слово «сегодня». При взгляде, брошенном назад, прочтение нескольких иероглифических знаков представляется нам большим достижением. Но только при взгляде, брошенном назад, — тогда же хеттология не продвинулась еще так далеко, чтобы иметь возможность четко отличить, какие знаки Грозный расшифровал правильно, а какие — ошибочно. И после того как в ходе дальнейших исследований не оправдали себя одно, второе, третье прочтение Грозного, ученые утратили доверие к его новой дешифровке и произошло то, что случалось не только в хеттологии: с водой выплеснули и ребенка.

Как оценивает открытия и ошибки Грозного человек наиболее компетентный — ученый, который наконец расшифровал хеттские иероглифы? Он соглашается с приведенным выше высказыванием чехословацкого хеттолога и на прямой вопрос отвечает: «Если можно в нескольких словах сформулировать мое суждение о Бедриже Грозном, ученом международного класса, я хочу прежде всего подчеркнуть его огромное трудолюбие. В этом корень его успехов. Гениальность соединилась в нем с неисчерпаемой способностью получать радость от труда. Его первый большой успех — дешиф-

ровка клинописного хеттского языка и установление его принадлежности к группе индоевропейских языков — не стал для него поводом к тому, чтобы почить на лаврах. До последнего дыхания он остался верен науке как исследователь и прокладывал в ней новые пути. Он чувствовал себя как дома во всех отраслях ориенталистики, работал и как археолог и как специалист в области сравнительного языкознания. Поколение пионеров хеттологии, к которому принадлежали наряду с Грозным Форрер, Гетце, Фридрих, Зоммер, Элольф, Деллапорт и я, понемногу вымирает... Молодым нетрудно указать нам, старшим, на отдельные упущения и ошибки. При этом, однако, слишком быстро забывается, что люди, подобные Грозному, заложили фундамент новой науки, воспринимаемый молодыми как нечто само собой разумеющееся. Вопреки многим ошибкам, от которых не оказался застрахован никто из нас, Грозный будет жить в истории востоковедения как великий новатор и один из ее основоположников».

И в этом его никто уже никогда не опередит.

Часть вторая ПО СТРАНИЦАМ ХЕТТСКОЙ ИСТОРИИ

1. Хетты встречаются с хаттами

Началась же история хеттов с того, что после 2500 года до нашей эры в Центральную Анатолию стали переселяться индоевропейские племена. К этому времени внутренние районы Анатолии были уже населены. Анатолия, по замечанию американского историка Джеймса Маккуина, превратилась «в страну маленьких городов-государств, правители которых живут в крепостях. Их экономика опирается в основном на сельское хозяйство, но истинное богатство и власть дают им добыча и обработка металлов». Но что за народ жил здесь?

Ученые вновь пришли в замешательство. Племена, исконно населявшие Северную Анатолию, были вовсе не индоевропейскими. Их называли «протохеттами», или «хаттами». Они занимали территорию в излучине реки Кызыл-Ирмак. Рядом с ними еще в III тысячелетии до нашей эры могли проживать и хурриты. Так, по мнению российского историка Игоря Дьяконова, именно хурриты и хатты основали такие города, как Пурусханда, Куссара, Хаттуса, Самуха.

Собственно говоря, именно хаттский язык справедливее было бы назвать «хеттским». Ведь в клинописных табличках тексты, написанные на нем, помечали словом *hattili*. Он не похож на все известные нам языки древнего Востока. Так, например, множествен-

ное число в хаттском языке образуется с помощью приставок: *Sharu* — бог; *wa-sharu* — боги.

В работах российского ученого Вячеслава Всеволодовича Иванова убедительно показано, что хаттский язык состоит в родстве с западнокавказскими языками, а именно абхазским, адыгским и убыхским языками. Впервые эту гипотезу высказал в двадцатых годах прошлого века швейцарский востоковед Эмиль Форрер. Сейчас можно считать «гипотезу в целом доказанной при необходимости уяснения большого числа деталей в будущем», — писал В.В. Иванов. Культура погребений хаттов напоминает майкопскую культуру, памятники которой встречаются в Краснодарском крае и Кабардино-Балкарии.

Впервые хатты — коренное население Анатолии — упоминаются в документах Аккадского царства, сообщающих о походах их правителей в Малую Азию. Так, основатель царства Саргон (2316—2261 гг. до н.э.) направился в Малую Азию, чтобы помочь здешней колонии ассирийских купцов, которую притесняли власти лежавшего неподалеку города Пурусханда (его точное местоположение неизвестно; вероятно, он находился на равнине Конья). Согласно тексту предания, поход состоялся и был успешным.

Еще один месопотамский правитель, Нарам-Суэн, четвертый царь аккадской династии, тоже воевал на окраине Анатолии. Согласно преданию, он сражался с коалицией из семнадцати царей, среди которых был и царь Хатти по имени Памба. Как замечает английский историк Оливер Герни, «это позволяет думать, что по меньшей мере одна группа индоевропейских пришельцев уже находилась в области Хатти, хотя и не владела ею». Впрочем, достоверность этого события неясна, хотя, по-видимому, именно Нарам-Суэн разрушил один из торговых центров Сирии — Эблу.

Что касается языка пришлых индоевропейских племен, то сами хетты позднее именовали его «несийским» (*nesili*), языком людей из Несы (это была первая хеттская столица). Мы не знаем, каким именем эти племена звались раньше, но, расселившись среди хат-

тов, стали называться их именем. Это были те, кого ученые привыкли считать «хеттами», — создатели великой державы, протянувшейся от Черного моря до Египта.

Было бы ошибкой считать переселение индоевропейцев в Анатолию «военным вторжением» и сравнивать их с ордой варваров, грабящих и разоряющих чужие города и деревни. Скорее, это было постепенным расселением пришлых племен на новой для них территории, смешением пришлого и исконного местного населения.

По мнению большинства исследователей, оно протекало довольно мирно, хотя без отдельных столкновений не обошлось. По сообщению турецкого исследователя Экрема Акургала, в Алаке и Богазкее в археологических слоях, относящихся примерно к 2000 году до нашей эры, обнаружены следы сильного пожара. В Алишаре уцелела лишь крепость, а соседнее городище было разрушено и в нем перестали селиться люди. Следы разрушений имеются в некоторых других поселениях бронзового века: в Битике, Караоглане, Дюндартепе и Карахююке (Конья).

В то же время многие хаттские князья сохранили свою власть после появления чужеземцев. Почти полтора века индоевропейцы спокойно жили в Анатолии, прежде чем решились захватить власть в стране, приютившей их. Тому способствовали раздоры среди хаттов.

Откуда же пришли в Анатолию индоевропейские племена? Называют разные маршруты их передвижения. Так, по одной из ранних гипотез, они проникли с северо-запада, с Балканского полуострова, через проливы Дарданеллы и Босфор. Однако по мнению большинства исследователей, они пришли в Анатолию с северо-востока, из Причерноморья, через перевалы Кавказа. Перед вторжением в Анатолию они какое-то время жили к югу от Кавказского хребта. Еще немецкий филолог Фердинанд Зоммер в первой половине прошлого века обращал внимание на строки молитвы царя Муваталли: «Небесный бог Солнца, мой господин, пастырь человечества. Ты встаешь, бог Солнца, из моря и всходишь на небо».

Несомненно, что эта молитва была составлена до переселения индоевропейцев в Малую Азию, поскольку здесь они жили во внутренних областях полуострова. Очевидно, в молитве упоминается Каспийское море, на западном побережье которого хетты могли жить некоторое время.

Сравнительно недавно Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов выдвинули теорию, согласно которой первоначально областью расселения индоевропейцев — их прародиной — была область Передней Азии — от Южной Туркмении до Северной Месопотамии. Ее близость к Двуречью объясняет высокий уровень культуры индоевропейцев в раннем бронзовом веке. Предполагается, что будущие хетты перекочевали на незначительное расстояние — из Восточной Анатолии на запад.

Переселялись разные племена. Хетты (несийцы) осели в центральных областях Анатолии, населенных хаттами, палайцы — северо-восточнее, также среди хаттов, а лувийцы направились на юг и расселились среди хурритов.

Культура, называемая нами «хеттской», вовсе не появилась на пустом месте, не была привнесена в Анатолию извне. «Хеттская культура — не начало, а итог развития, — писал французский археолог Жан Маркаде. — Речь идет об обогащении здешних региональных культур чужими идеями, о взаимных контактах, формировавших уникальный анатолийский дух».

И в дальнейшем традиции хаттов продолжали оказывать заметное влияние на пришлые племена. Долгое соседство хаттов и индоевропейцев привело к формированию единого этноса, причем последние переняли религию и обычаи местного населения. Можно сказать, что «классические хетты» представляют собой этнос, сформировавшийся при слиянии индоевропейцев и автохтонного хаттского населения.

В подобной неоднородности этноса нет ничего удивительного. Так, мы привыкли представлять себе греков в архаическую эпоху единым народом, хотя население Греции тогда состояло из при-

шлых дорийских племен (эолийцев, ионийцев, дорийцев) и уцелевшего ахейского населения.

Впрочем, каким бы пестрым ни было население Анатолии в начале II тысячелетия до нашей эры, из него сложился единый народ — хетты. Некоторое время хетты говорили на несийском (хеттском), палайском и хаттском языках, но последний постепенно вышел из употребления.

Память о хаттах, правда, сохранилась в мифах и церемониях. Многие хеттские боги, например, богиня Солнца Аринны — Вуресуму, Телепину и его супруга Хатепину имеют хаттское происхождение. С хаттами связаны многие религиозные культы Хеттского царства. Так, еще в XIV—XIII веках до нашей эры, в дни священных празднеств, проводившихся в Хаттусе, жрецы произносили странные тексты на языке, который, может быть, не понимали даже сами, — на хаттском языке. Эту традицию можно сравнить, например, со средневековыми католическими службами на латыни, которая казалась многим прихожанам тоже загадочным набором звуков.

Добавим, что и само появление «хеттов» в Анатолии можно сравнить с событиями поздней истории — с расселением индоевропейских (германских) племен в Южной Европе, на землях Западной Римской империи. Пришлые племена постепенно переняли местную религию (христианство), местные обычаи и использовали в религиозных обрядах местный (латинский) язык. Коренное же население — римляне (протоитальянцы), галлы (протофранцузы) и иберы (протоиспанцы) — постепенно растворилось среди захватчиков, разграбивших (то есть «проклявших») Рим, но позднее сделавших его столицей своей Священной империи.

2. Когда ассирийцы считали деньги

В восьмидесятых годах XIX века в руки антикваров, торговавших античными безделицами, стали попадать клинописные таблички — письма ассирийских купцов, отправленные из Каниша — го-

рода, лежавшего на востоке Центральной Анатолии, примерно в восемнадцати километрах от Кайсери. В историю науки эти письменные памятники, составленные на староассирийском языке, вошли под названием «каппадокийские таблички», ведь в греко-римскую эпоху эта местность называлась Каппадокией.

Четыре тысячи лет назад там располагалось крупное поселение ассирийских купцов. Оно было основано в первой половине XX века до нашей эры. Однако торговля ассирийцев с Анатолией, несомненно, началась еще раньше. По оценке Экрема Акургала, ассирийцы стали проникать в Анатолию около 2500 года до нашей эры. В ту пору они славились не своими военными подвигами, а деловой сноровкой. Вся торговля Анатолии с Месопотамией была в их руках. Они обменивали свои товары — олово и ткани (прежде всего шерстяные ткани) — на медь и серебро и скрупулезно отмечали любые торговые сделки.

Именно ассирийские купцы едва ли не первыми сообщили о появлении в Анатолии хеттов. Ведь в записях, оставленных ими в Канише, встречаются и хеттские имена, в том числе среди торговцев. Попадают также слова, заимствованные из хеттского языка.

«Ассирийцы были инородным элементом в Малой Азии и практически не оказали никакого влияния на культуру Анатолии, — отмечал Экрем Акургал, — однако они оставили ценный археологический материал, который, кроме того, хорошо датируется». С открытия фактории в Канише здесь, в Центральной Анатолии, начинается «историческое время» — появляются первые письменные сообщения.

В то время страна Хатти представляла собой конгломерат мелких городов-государств, в которых ассирийцы обустроивали свои торговые колонии. По одной такой колонии (карум) обнаружено в Канише и Хаттусе. Было еще восемь колоний, известных нам только по названиям, но они пока не обнаружены. Имелись также небольшие поселения — станции (мабартум). Одну из них раскопали в Алишаре.

Центром ассирийских колоний был Карум-Каниш, лежавший у подножия холма Кюльтепе («Пепельного холма»), на котором находился местный город. Раскопки здесь начал в 1925 году Бедржих Грозный, а с 1948 года продолжали турецкие археологи Тахсин и Нимет Эзгюч, работавшие под эгидой Турецкого исторического общества (в послевоенные годы начались раскопки и ассирийской колонии в Хаттусе).

За полвека в Канише найдено около 21 500 табличек, в том числе около пятисот писем ассирийских купцов, и открытия продолжают. Так, в 1993—1994 годах в Канише обнаружили еще 2400 новых табличек. Большинство их пока не прочитаны, поскольку в Археологическом музее Анкары слишком мало ученых, владеющих древними языками. Находки до сих пор даже не опубликованы.

Впрочем, уже сейчас можно реконструировать картину ассирийско-хеттских (хаттских) торговых отношений. Расцвет этой торговли пришелся на период между 1910 и 1740 годом до нашей эры. Это была эпоха, которую историки называют «средним бронзовым веком».

На протяжении многих веков в Центральной Анатолии выплавляли бронзу, поскольку здесь имелись месторождения олова. Со временем рудники истощились, и тогда ассирийские купцы стали ввозить в Анатолию олово из Ирана. По оценке историков, они доставили сюда около ста тонн олова.

В стране хеттов был велик спрос и на ткани. Как полагают ученые, за все время торговли ассирийцы ввезли в Малую Азию около 150 тысяч кусков тканей. Их изготавливали ассирийские женщины или же переправляли транзитом из Вавилонии.

Торговля была караванной. Товары везли на вьючных животных (дамасских ослах). Осел (или мул) был в то время здесь главным домашним животным. Недаром на найденной в Канише форме для литья металла осел изображен рядом с двумя богами. В дальний путь можно было отправиться, лишь навьючив поклажу на осла, ведь четырехколесные повозки не могли проехать почти

1300 километров по бездорожью — а именно таково было расстояние между Канишем и Ашшуром. Однако это не мешало поддерживать оживленную торговлю. Караваны везли — буквально «через полмира» — драгоценные камни, медь, серебро, золото.

В состав каравана входило до 300 ослов. Его сопровождали погонщики и грузчики. В пути через Северную Сирию приходилось пересекать горные хребты. Преодолевать перевалы зимой было трудно, и потому караваны отправлялись в дорогу лишь летом. Плохая погода, нападения разбойников и волков были главной опасностью. Ночевать старались на постоянных дворах (станциях). Известно около 120 названий станций, лежавших на пути из Северной Месопотамии в Восточную Анатолию.

Правители стран и городов, оказавшихся на пути караванщиков, взимали с них пошлины. По прибытии в Анатолию опять же надо было уплатить пошлину. Часто купцы пытались провезти товар контрабандным путем. В случае поимки их ждал штраф или арест; их товары конфисковали.

Несмотря на трудности, торговля с Анатолией была делом очень выгодным. Привезенные товары продавали с большим прибытком. Доход составлял более ста процентов при торговле оловом и около двухсот процентов — при торговле тканью. За шесть—десять сиклей олова купец получал сикль серебра, в то же время, готовясь к поездке, купцы закупали олово по цене до 20 сиклей за один сикль серебра. Средняя цена куска ткани составляла 15 сиклей серебра.

Даже за вычетом таможенных пошлин и транспортных трат купец оставался в таком выигрыше, что, вернувшись в Ашшур, мог сразу открывать новое дело. В Анатолии удавалось выгодно сбывать даже ослов, на которых везли товар. Занимались ассирийские купцы и ростовщичеством. Давая деньги в рост, они брали более тридцати процентов. Если местные жители не могли уплатить долги, их обращали в рабство.

Правители городов Анатолии тоже участвовали в торговле: они устанавливали пошлины и имели преимущественное право покуп-

ки всех ввозимых в их земли товаров. За это они обязались гарантировать безопасность торговых путей.

В качестве валюты использовали золото и серебро, причем соотношение между ними составляло 1:8. Весовое соотношение между серебром и медью хорошего качества составляло 1:70, а между серебром и медью плохого качества — 1:200. Металл «амутум» ценился в 40 раз выше, чем серебро. Этим металлом, очевидно, было железо. Почти за тысячу лет до начала «железного века» оно считалось драгоценным металлом.

Вывоз железа за пределы Анатолии, видимо, был запрещен. В дошедших до нас текстах неоднократно описывается контрабандный вывоз железа. Вообще же из Анатолии вывозили именно металлы, прежде всего серебро и медь. Здесь имелись огромные запасы меди. По предположениям историков, Малая Азия могла быть основным поставщиком серебра (и частично меди) в период Древнего царства в Египет.

Отношения ассирийских купцов с местными жителями не ограничивались только торговлей. Проживая подолгу вдали от своей семьи, они обычно заводили на чужбине новую семью. Любили жить в роскоши. По словам археологов, в домах ассирийских купцов находят самые богатые и искусные изделия того времени. Там же, в домах купцов, хранились их архивы — корзины или керамические сосуды с клинописными табличками, а иногда документы и письма лежали прямо на полу.

В Канише ассирийская колония занимала целое предместье рядом с верхним городом, где жила местная знать. Управлялась эта колония советом старейшин. Приезжие купцы регулярно переписывались с Ассирией.

Порой переписка носила весьма личный характер. Так, сохранилось письмо некоего купца по имени Ашшур-таклаку, который вызывает из Ассирии свою жену, ибо против нее «интригует» новая, заведенная им жена: «Прошу тебя, если угодно, отправляйся с ближайшим караваном... приезжай! Не оставляй и малыша!.. Если

ты меня впрямь любишь, собирайся в путь и приезжай! Эта женщина, на которой я женился, интригует против тебя. [Скоро] в твоём распоряжении ничего не останется... Не губи меня!»

Однако чаще всего найденные в Канише клинописные таблички являются «деловыми бумагами» — квитанциями, расписками, торговыми договорами. Среди них встречаются также свадебные обязательства и документы, регулирующие развод или наследование.

Справедливости ради добавим, что торговлю в Анатолии вели не только ассирийцы, но и аморейские купцы Северной Сирии, и купцы Эблы, приезжавшие сюда еще в III тысячелетии до нашей эры.

Ассирийские колонии могли существовать в Анатолии, пока там не было сильной центральной власти. Как только она появилась, иностранные купцы, получавшие огромную прибыль, были вытеснены из страны.

Случилось это в XVIII веке до нашей эры. Тогда для Ассирии настали трудные времена. Войну с ней повел великий вавилонский царь Хаммурапи, а в Северной Месопотамии прежние торговые пути захватили хурриты. Торговля с Малой Азией замерла. Торговые пути перемещаются к югу, к городам на побережье Средиземного моря.

Около 1770 года колония в Канише была разорена. Нападение оказалось настолько внезапным, что купцы даже не успели вывезти или уничтожить свои архивы. Их жилища были сожжены, но это пошло на пользу клинописным табличкам; они закалились в огне. Текст надписей очень хорошо виден и сейчас. Через некоторое время колония восстановилась, но в 1740 году вновь была уничтожена.

В Канише — хетты называли его Несой — расположилась резиденция хеттского царя. В одном из строений рядом с дворцом царя Несы археологи нашли бронзовый кинжал, на котором клинописью были выгравированы слова: «Дворец Анитты, царя». Имя Анитты было уже ведомо ученым из других текстов. Он правил небольшим городом-государством Куссара и был первым известным нам по имени царем хеттов. Предполагают, что именно его отец —

Питхана — разрушил и сжег несколькими десятилетиями ранее ассирийский Каниш.

Со времени гибели ассирийских колоний исчезли и письменные памятники — важнейший источник информации об истории Анатолии. Пройдет почти полтора века, пока не появятся тексты на хеттском языке.

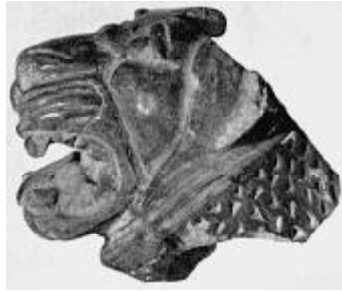
3. Первый царь хеттов проклял их будущую столицу

Первым хеттским царем около 1750 года до нашей эры стал Анитта (впрочем, дата его правления весьма условна). Он правил в городе Куссара и оттуда совершал походы, покоря соседние города и области — Несу, Цалпуву, Пурусханду, Салативару.

Время его правления было временем частых междоусобных войн между городами-государствами Анатолии. Быть может, во многом из-за этих войн прекратилась торговля с Ассирией. Однако победитель этих междоусобиц не мог не объединить под своей властью большую часть враждовавших земель.

Сохранился текст, написанный от имени Анитты и излагающий историю его борьбы за власть: «Анитта, сын Питханы, царь Куссары. Говори: было угодно богу Грозы. А раз угодно богу Грозы, то царь Несы стал пленником царя Куссары. Царь Куссары во главе огромного войска вышел из города и ночью, в бурю, взял город Несу. Он захватил царя Несы, но не чинил никому из жителей Несы зла, а обращался [с ними] как матери [и] отцы».

Позднее он перенес свою столицу в Несу. В городе стали строить храмы. На городских воротах высекли памятную надпись о деяниях царя. Среди прочего Анитта сообщал, что собрал у себя в столице диких зверей, чтобы показать, в каких далеких странах он побывал. В этом зверинце были, например, «два льва, семьдесят вепрей», множество медведей, леопардов, оленей и всякой дичи. Воз-

Львиная голова, фрагмент ритона. Высота — 7,7 см. Около 1700 г. до н.э.

Ритон в форме головы кошки. Ширина ритона — 8,9 см. Около 1700 г. до н.э.

можно, такой зверинец был еще в Куссаре. Традиция эта оказалась на редкость долговечной. Так, ассирийские цари тысячу лет спустя все так же тешили себя зрелищем страшных зверей, собранных в клетки.

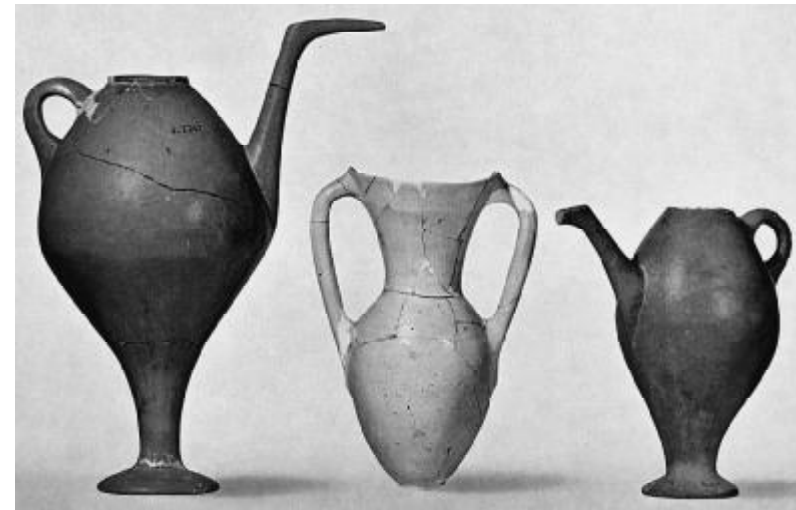
Далее Анитта рассказывал еще о ряде сражений и завоевательных походов. Все они заканчивались пленением царей и похищением статуй богов, например: «После этого я, Анитта, великий царь, увел из Цалпувы в Несу бога Сиусумми, а Хуццию, царя Цалпувы, привел я в Несу живым».

Конечно, все эти походы были, по нашим меркам, небольшими локальными войнами. Армия Анитты, одерживавшая одну победу за другой, насчитывала, как сказано в той же надписи, 1400 воинов и 40 колесниц. В те времена этого было достаточно, чтобы считаться самым могущественным царем Анатолии. Большая часть каппадокийского плоскогорья оказалась под его властью. Его держава простиралась почти от Черного до Средиземного моря.

В одном из походов он покорил и Хаттусу, оплот хаттских племен. «И ночью взял я его в бурю». С этим городом он, впрочем, не стал

обращаться, как «матери и отцы», а разрушил его до основания и проклял во веки веков: «Взращу здесь траву сорную, — велел он записать в назидание потомкам. — Если же кто поселится в Хаттусе, да поразит его гнев бога Грозы!» По иронии судьбы, именно Хаттуса станет вскоре столицей Хеттской державы. Это ее камни до наших дней лежали в виду деревни Богазкей.

Вот одна из загадок хеттской истории. Почему сто лет спустя хетты отстроили проклятый город Хаттусу и даже сделали его своей столицей? Ученые полагают, что причина была в очень удобном выборе места строительства Хаттусы. Город стоял на неприступной скале, но в то же время его жители круглый год располагали питьевой водой, ведь в Хаттусе было несколько источников воды.

Три глиняных кувшина, высота левого кувшина (включая носик) — 32,8 см. Около 1700 г. до н.э.

Это позволяло подолгу выдерживать вражескую осаду. Пока же Анитта разграбил Хаттусу и увез добычу в свою столицу — Несу.

Следующим известным нам хеттским царем стал Лабарна (Табарна). Был ли он потомком Анитты? С одной стороны, Куссара, бывшая столица Анитты, и во время правления Лабарны и его ближайших преемников оставалась царской резиденцией. С другой стороны, никто из хеттских царей никогда не причислял Анитту к своим предкам. Никто не прислушивался к его проклятию. Поэтому историки склоняются к мысли, что Анитта представлял другую династию, правление которой позднее пресеклось. Хеттские летописи немного сообщают о нем.

«Прежде царем был Лабарна; затем его сыновья, его братья, его родственники по браку и его родственники по крови объединились», — сказано о начале Хеттского царства в так называемом «указе Телепину» (конец XVI в. до н.э.). Лабарна считается подлинным основателем Хеттского царства. Нам хорошо известен список его преемников, пусть он и неполон.

Мы знаем также о Лабарне, что он был человеком воинственным. Анналы истории сохранили из его деяний лишь одно: он совершал походы, походы, походы.

«И страна была мала, но куда бы он ни шел в поход, он силой покорял страны своих врагов. Он разрушал страны и делал их бесильными, и моря стали его границами. А когда он возвращался после похода, каждый из его сыновей отправлялся в какую-нибудь часть страны — в Хуписну, в Тувануву, в Ненассу, в Ланду, в Цаллару, в Парсуханду и в Лусну — и правил там, и великие города страны были даны им во владение».

Все перечисленные города находились в так называемой «Нижней стране» — к югу от реки Галис (Кызыл-Ирмак). Где-то неподалеку лежал город Куссара (он пока не найден археологами). Вероятно, именно этот город был столицей Хеттского царства в пору правления Лабарны (возможно, что «Лабарна» был титулом этого царя, а подлинного его имени мы не знаем).

Царь Лабарна объединил под своей властью почти всю восточную часть Малой Азии. При нем, отмечал Оливер Герни, границы Хеттского царства «по крайней мере на юге и западе достигали тех пределов, на которые распространились владения наиболее могущественных монархов последующей империи».

Однако назвать моря — Черное и Средиземное — границей его державы было бы преувеличением. Он не овладел ни одной гаванью и не построил флот. Хеттское царство так и останется континентальной державой. Море для хеттов будет чуждой, грозной стихией.

4. Хаттусили, мастер политических завещаний

Преемники Лабарны непременно добавляли к царскому титулу его имя. Так, полторы тысячи лет спустя имя Цезаря тоже превратилось у римских императоров в титул. Очевидно, хетты считали каждого правившего царя своего рода перевоплощением основателя царского рода. Ведь титул «Лабарна» был лишь прижизненным титулом царя.

Сведения о первых царях Хеттской державы довольно скудны. Зато правитель Хаттусили I («Муж из Хаттусы»), живший в середине XVII века до нашей эры, оставил потомкам и подробную летопись, и завещание, напоминающее, скорее, политический памфлет. Кто его написал? Сам ли царь был талантливым писателем, как то случилось в истории? Или ему помогал человек, искушенный в словесном искусстве? Или это завещание — лишь поучение, литературный трактат, составленный в назидание будущим правителям страны?

Большинство историков убеждены в подлинности этих документов. Например, по мнению Оливера Герни, «имеется достаточно оснований полагать, что хеттская клинопись была введена во время царствования Хаттусили I, преимущественно для того, чтобы записывать дословно официальные высказывания царя, с которыми тот время от времени обращался к собранию своей знати». При-

мером подобной «стенографической записи» можно считать, например, его «Завещание». Что же мы узнаем из произведений, приписываемых царю Хаттусили I?

В своей «Летописи» Хаттусили называет себя «царем страны Хатти, человеком города Куссара». Очевидно, что и он — подобно своим предшественникам, Лабарне и Анитте, — начинал править в Куссаре, а потом переселился в Хаттусу и, вероятно, принял имя «Хаттусили» (историки полагают, что его звали, как и отца — Лабарна). Перенес же он свою резиденцию в Хаттусу, вероятно, потому что ее было легче защищать. К проклятию Анитты он остался глух, — возможно, он ничего не знал о нем. Так Хаттуса стала столицей Хеттского царства.

Хаттусили стал царем около 1650 года до нашей эры. Было бы, наверное, скучно описывать его основные занятия, то есть перечислять один военный поход за другим. Читая подобные перечни, поневоле уверуешь, что вся история состоит из одних походов и завоеваний. Как хорошо, что со времен Хаттусили I хеттские историки уделяют внимание не только войнам!

Поначалу все, что было известно о Хаттусили I, умещалось в несколько банальных строк, содержащихся в указе Телепину: «Потом правил Хаттусили, царь. При нем были дружны его сыновья, его братья, его родственники, люди его рода и его войск. Куда он ни шел походом, всякую страну побеждал своей могучей рукой. И всякую страну он уничтожал; он оставлял ее беспомощной».

Наши представления о Хаттусили совершенно изменила находка, сделанная в Хаттусе в конце 50-х годов XX века, — летопись деяний царя, написанная на хеттском и аккадском языках.

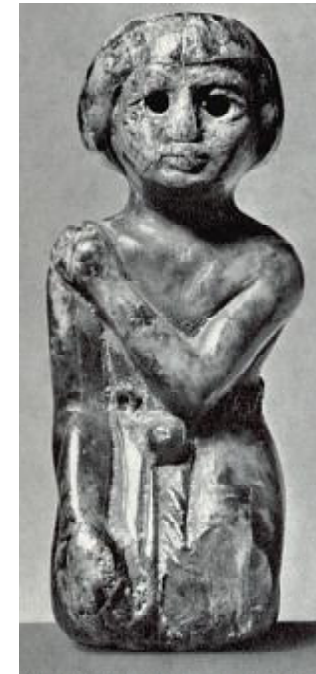
Мы узнаем из нее, что к этому времени хетты настолько уверенно чувствовали себя в Анатолии, что даже решились пересечь грозный Таврский хребет — лишь несколько перевалов вели через него — и направиться на юго-восток. Внезапно этот никому неизвестный народ, говоривший на непонятном наречии, оказался на авансцене мировой истории. Хетты захватили несколько городов в Се-

верной Сирии, в том числе Хальпу (Алеппо) и лежавший близ нее речной порт Алалах, и достигли берегов Оронта — реки, у которой их потомки несколько веков спустя обратят в бегство египетскую армию.

После этого похода Хаттусили наполнил свой дворец и столицу сокровищами. «И не было серебра и золоту ни начала, ни конца... и их богов принес я к богине Солнца Аринны». Стоит подчеркнуть, что подлинными сокровищами — в представлениях людей того времени — были не золото и серебро, а статуи богов. Кто забирал их из города, тот получал власть над городом. Отныне чужие боги служили победителю. Хетты устанавливали их статуи в своих храмах. Чем больше богов появлялось в Хаттусе, тем могущественнее становился город. И начало этому величию положил Хаттусили I.

Именно Хаттусили — так считал он сам — первым из хеттских царей сравнялся славой с Саргоном Аккадским. Семь веков назад Саргон, чье имя давно вошло в легенду, неожиданно совершил поход в Малую Азию. Теперь же в обратном направлении двинулся царь Хаттусили.

«Никто еще [из моих предшественников] не пересекал Евфрат, а я, великий царь Табарна, перешел реку вброд, и мое войско за мною следом перешло ее вброд. Так же Саргон [Аккадский] ее перешел и разбил войска города Хахха, но городу Хахха он ничего не сде-

Статуэтка из слоновой кости. Высота — 3,9 см. XVII/XVI вв. до н.э.

лал и он его не сжег в огне, и дым от города не поднялся к небесному богу Грозы.

А я, великий царь Табарна, уничтожил... город Хахха, и я предал его огню, и дым от него поднялся к небесному богу Грозы... А царя города Хахха я впряг, как упряжных быков, в колесницу» (пер. В.В. Иванова).

В этих словах сквозит надменность захватчика, но именно так началось становление великой Хеттской империи. Немецкий историк Иоганн Леман сравнивает этот поход по его трудности с походом Александра Македонского в Индию.

Однако не все спокойно было в Хаттусе. Пока царь был вдали от столицы, здесь началась борьба за власть. И подняли мятеж не покоренные народы, а «его братья, его родственники, люди его рода». Казалось, все его родные обратились против него, пытаясь отнять власть. Он уже отсекся от двух своих сыновей, пытавшихся свергнуть его. Теперь же, вернувшись на родину, он еще острее почувствовал, как он одинок. Самое же страшное, что у него не осталось сил на борьбу — он заболел.

«Слушайте! Я занедужил», — с такими словами царь Хаттусили I обратился к своим воинам, словно надеясь, что они подадут ему совет. Волнение охватило царя, ибо теперь, увидев, как его предают самые близкие люди, он выбирал себе наследника не по крови, а по духу.

«Я, царь, позвал своего сына, я на него уже сердился, и я его держал вблизи от себя и постоянно за ним следил. Он оказался недостойным! Он не плакал [во время моей болезни], не выказывал сочувствия. Холодный он и неласковый!..»

Слову царя он не внял, а тому слову, которое от матери его — змеи исходит, он внял. И братья и сестры ему все время нашептывали враждебные слова: их слова он и слушал! Я же, царь, прослышал об этом. На вражду я отвечаю враждой!

Довольно! Он мне не сын!.. Я всегда его отличал на благо ему. Он же к наказам царя не отнесся сочувственно. Разве тогда может

он проявить доброжелательность к городу Хаттусе и думать о его благе?» (пер. В.В. Иванова).

Вместо недостойного сына он назначает своим преемником внука — Мурсили. «Смотрите же! Мурсили — мой сын. Признайте его своим царем! Посадите его на престол! Ему много богом в сердце вложено. Только льва божество может поставить на львиное место...

И ты, Мурсили, не должен ни быть нерадивым, ни медлить! А если ты будешь нерадивым, то зло может снова прийти, как прежде. Да будет так!... Слова свои я дал тебе и эту таблицу пусть тебе читают из месяца в месяц. Так запечатлей в сердце своем мои слова и мою мудрость и милостиво управляй моими подданными и моими сановниками... Что в сердце твоём, мой сын, то и делай».

Оканчивается завещание словами, обращенными к жене: «Обмой мой труп, как это положено. Прижми меня к своей груди и, прижав к груди, похорони меня в земле».

Немецкая исследовательница Маргарита Римшнайдер писала о «Завещании» Хаттусили: «Даже если бы мы не располагали ни одним литературным произведением, написанным на хеттском языке, кроме этого шедевра, все равно мы не могли бы не признать наличия у хеттов серьезной литературной традиции. Сами особенности «Завещания» — его изысканная композиция, отточенный язык, непринужденный диалог, меткие, безыскусные сравнения и неожиданный юмор — требуют определенных писательских навыков, предполагают мастерство и опыт. Если уж хеттские цари могли создавать такие произведения, то как же писали их поэты?!»

С горечью царь вспоминал: «Посмотрите на сына моего Хуццияса! Я, царь, назначил его хозяином города Тапассанда. Жители же этого города стали его привлекать на свою сторону, проявляя свою злонамеренность. Со мной же они стали враждовать, а ему говорили так: «Восстань против власти своего отца!»... Я, царь, сместил Хуццияса».

Даже собственная дочь восстала на Хаттусили. «Дочь моя обесчестила мою голову и имя мое... Слова отца она отбросила и кровь

сыновей Хатти она пила... Но боги дочь мою отдали мне в руки... И я у дочери в наказание отнял все ее имущество... Теперь же из города ее отправили вниз (из Хаттусы, стоявшей на скале, ее отправили жить на равнину. — *Авт.*). Если же в город Хаттусу она придет, то в нем во второй раз она мятеж посеет. Вне города в деревне ей дом построен. И пусть она ест и пьет».

Рассказ Хаттусили напоминает, скорее, греческую или даже шекспировскую драму. «И брат во вражде убивал брата, а друг убивал друга. Сыновья города Хатти умирали». Мир расшатался, и трещина пролегла по семье несчастного, больного царя и по его сердцу. Он лишился сыновей. Он пожалел и простил дочь, «но она меня не назвала отцом, и я ее не называю дочерью своей».

В последней речи, обращенной к Мурсили, умирающий царь просит его и впредь придерживаться старинной традиции: «Если ты увидишь чей-либо проступок или если кто-нибудь перед богом провинится, или если кто-нибудь какое-нибудь слово скажет, то в каждом случае ты спрашивай собрание. И речь да будет обращена каждый раз к собранию».

Под этим «собранием» подразумевалось собрание воинов — свободных людей, способных носить оружие. Оно напоминало, например, германский тинг, выбиравший вождя. У германских племен без согласия собрания вождь не мог назначить себе преемника. Не случайно царь Хаттусили вспомнил о верных воинах, когда изменниками оказались все близкие ему люди. Мы еще поговорим об этом органе власти, скреплявшем единство Хеттской державы.

В указе Телепину, содержащем краткий обзор истории хеттов, о Мурсили I сказано то же, что о других хеттских царях: «Когда в Хаттусе правил Мурсили, царь, при нем были дружны его сыновья, его братья, его родственники, люди его рода и его войск. Вражескую страну он побеждал своей могучей рукой. Он оставлял ее беспомощной». Подобные фразы можно заучивать наизусть; Телепину не меняет их, кто бы ни правил в Хеттской державе. Подлинно интересные факты изложены всего в паре строк: «Потом он отпра-

вился в Хальпу. Он уничтожил Хальпу, а пленников и богатства Хальпы забрал в Хаттусу».

Хальпа, как и другие сирийские города, недавно покоренные Хаттусили I, восстали после его смерти. Молодой хеттский царь Мурсили I — ему не исполнилось и двадцати пяти лет! — вновь покорил эти города (итальянский археолог Паоло Маттиз предположил, что именно во время этого похода была окончательно разрушена Эбла). Затем Мурсили направился в долину Евфрата. Он вел эту войну, как ведут многие войны — по экономическим соображениям. Город Хальпа был важнейшим торговым центром в Северной Сирии. После прекращения деятельности ассирийских купцов олово в страну хеттов поставляли в основном через Хальпу. Теперь Мурсили решил взять сирийские торговые пути под свой контроль.

Впрочем, возможно, этот поход был не поступком дальновидного политика, а лишь мстостью разгневанного юнца. В одном из позднейших документов говорится, что Мурсили, направившись в Хальпу, хотел «отомстить за кровь своего отца». Быть может, Хаттусили «занедужил», потому что заболел под стенами Хальпы или был тяжело ранен во время похода в Сирию. Мы можем лишь строить догадки. В любом случае итог несомненен. Правитель скромного царства, лежавшего на севере Малой Азии, сумел покорить обширные земли вдалеке от Хаттусы.

Он не удовлетворился захватом Северной Сирии. Ободренный успехом, он решается на чистую авантюру — идет на Вавилон — крупнейший город мира. Чтобы понять всю дерзость его замысла,

*Глиняный кувшин,
высота — 29,8 см.
Около 1700 г.
до н.э.*

Глиняный кувшин,
высота — 35,8 см.
Около 1700 г.
до н.э.

представьте себе, что отряд колумбийских партизан решил совершить пеший поход на Нью-Йорк и взять город штурмом.

От Хальпы до Вавилона 850 километров — вдвое больше, чем от Хаттусы до Хальпы. Идти пришлось через страну хурритов, которые в любой момент могли отрезать путь к отступлению. Конечно, на берегах Евфрата хватало пищи и людям, и коням, но все же, мыслимо ли идти в поход, не имея надежного тыла и не надеясь на подкрепление? Если бы хетты были разбиты вавилонянами, то никому не удалось бы спастись. Все мосты за ними были сожжены.

Однако авантюра кончилась «великим деянием», хотя Телепину сообщает о нем одной сухой фразой: «Затем он отправился в Вавилон и уничтожил Вавилон». Столь же скупы на подробности — по понятным причинам — вавилонские писцы: «Во времена Самсудитаны люди Хатти двинулись против страны Аккад».

В 1595 году до нашей эры Вавилон пал. Армия Мурсили разграбила этот великий город. Самсудитана, последний правитель династии Хаммурапи, правившей Вавилоном несколько столетий, был свергнут, город разграблен, а мирное население уведено в Хаттусу. Туда же были «депортированы» статуи Мардука — бога-хранителя Вавилона и его жены. Впрочем, победитель не намеревался надолго присоединять Вавилон к Хеттской державе.

Некоторые статуи богов, вывезенные из Вавилона, царь велел установить в городе Хана на Евфрате. Здесь, на окраине Хеттской державы, они призваны были устрашать соседей и оберегать границы от нападения. Казалось, сами боги скрепили нерушимое единство страны.

Так хетты заявили о себе как о грозной силе. Захват Вавилона полностью изменил расстановку сил в Передней Азии. Не дикое пле-

мя ворвалось в этот город — сюда вошло мощное войско. Хеттский царь преподал урок и своим провинциям, и всем мелким государствам, лежавшим вдоль границ Хеттской державы. Если уж Вавилон не выдержал удара хеттов, то незачем и восставать против их власти. Любой город падет под натиском армии, взявшей Вавилон.

На обратном пути Мурсили стяжал новую славу. Он разбил хурритов, попытавшихся отобрать у него добычу. В то время хурриты представляли собой грозную силу. Они до сих пор остаются народом-загадкой. Их клинописные архивы, очевидно, хранившиеся в их столице Вашшуканни, до сих пор не обнаружены, ведь не найдена и сама столица.

Мурсили стяжал немало громких военных побед. Он и впрямь оказался «львом на львином месте», как предрекал царь Хаттусили, усыновляя его. Судьба царя Мурсили во многом повторяла судьбу Хаттусили: приемный сын завершал дело, начатое отцом, доводя его до побед. Однако радость победителя была недолгой. Худший враг ждал его, как и отца, дома, в Хаттусе.

Три глиняных кувшина, высота левого кувшина — 21 см.
Около 1700 г. до н.э.

Глиняный сосуд в форме утки. Высота — 15,2 см. Около 1700 гг. до н.э.

Мурсили слишком долго отсутствовал на родине. Вскоре после возвращения из дальних походов Мурсили был убит своим шурином Хантили. Удар кинжала оборвал жизнь великого полководца. «И был Хантили кравчим, — сказано о тех событиях в указе Телепину. — Он взял в супруги Харапсили, сестру Мурсили. Тогда Циданта (зять Мурсили. — *Авт.*) сблизился с Хантили, и совершили они злодеяние: они убили Мурсили». Кто знает, не отразилась ли в легенде об ахейском царе Агамемноне роковая история

жизни хеттского царя Мурсили?

Мы не знаем точно причины, побудившие устроить этот заговор. Зато нам хорошо известны последствия. Думали ли о них заговорщики? А ведь каждый месяц в назидание в храмах Хаттусы звучали слова, завещанные прежним царем: «Если же вы слова царя не сохраните, тогда страна ваша подпадет под чужеземное владычество!»

Сразу же после убийства царя в стране хеттов началась великая смута. Столицу сотрясали придворные интриги и перевороты, а на границы державы нападали соседи — прежде всего хурриты. Они заняли восточные хеттские земли, вторгшись туда со стороны озера Ван, и создали свое царство — Митанни. Хурриты прогнали хеттов из Северной Сирии, и те потеряли Хальпу. Царю Хантили пришлось даже укреплять стены столицы, чтобы защитить ее от падения.

Тем временем запад Малой Азии удерживали за собой правители Арцавы, а северную часть Хеттской державы заняли племена каскеев. Они навсегда отрезали хеттов от Черного моря. В руках захватчиков оказался важный религиозный центр Хеттской держа-

вы — город Нерик. Впоследствии они много раз вторгались в страну хеттов и порой доходили даже до ее южных областей. Согласно исследованиям Г.А. Меликишвили и И.М. Дьяконова, каскеи (их называли также «абешла») принадлежали к абхазо-адыгской языковой группе, а названия этих племен близки названиям адыгов (касогов) и абхазов (апшилы).

Кровь убитого царя пала не только на страну хеттов, но и на близких Хантили. Его сыновья убили свою мать, Харапсили. Недавний пособник узурпатора, Циданта, теперь убил сына Хантили и других его домочадцев и вскоре сам завладел тронном. Черода преступлений на этом не кончилась. Циданта был убит собственным сыном Аммуной. Станным образом тот умер своей смертью, но его сыновья были убиты. К тому времени многие провинции уже отпали от Хаттусы. Казалось, Хеттское царство уже никогда не возродится.

5. Да не зовут племянника сыном!

Однако вскоре смутное время проходит. Около 1530 года до нашей эры править хеттами стал некий Хуцция. Он задумал убить своего зятя Телепину, но тот опередил его и прогнал с трона, а также избавился от других претендентов на престол.

Телепину сделал вывод из событий, потрясших страну хеттов. Одной из причин, породивших смуту, была старинная система престолонаследия. Преемником царя, если тот не возражал, становился сын его старшей сестры. Цари не желали оказывать предпочтения племянникам и лишать власти родных сыновей, что приводило к столкновениям. Еще Хаттусили I, умирая, увещевал своих сановников: «Впредь никто не возвеличит сына своей сестры, не воспитает его как своего сына!» Но лишь после смутного времени этот устаревший порядок был отменен.

Царь Телепину, пришедший к власти около 1525 года до нашей эры, устанавливает в стране четкую систему наследования влас-

Бронзовая
статуэтка
божества. XVI в.
до н.э.

ти, которая соблюдалась отныне неукоснительно. В течение десятилетий Хеттская держава доставалась тому, кто случайно уцелеет среди интриг и заговоров. Теперь Телепину издает указ, пресекая честолюбивые притязания знати: «Пусть царевич, сын от главной жены, будет царем. Если нет сына от главной жены, пусть сын жены второго ранга будет царем. Если же нет царевича, пусть возьмут мужа для дочери жены первого ранга и пусть он станет царем».

Таким образом, этот закон не позволял теперь царю, как было в случае с Мурсили, самому определять своего наследника. Положение, разрешавшее зятю царствовать над хеттами, возможно, появилось в указе потому, что у самого Телепину не было прямого наследника. Его сын умер, и династия Телепину могла продолжиться лишь по женской линии.

В случае убийства правителя или наследника, а такое регулярно случалось в предыдущие десятилетия, собрание воинов (панкус) решало судьбу убийцы. Очевидно, его ждала смерть, но «его дому, его жене, его детям зла пусть не чинят». Наказание нес один провинившийся. Если же кто-то подстрекал его к убийству, то карать советчика следовало, не зирая на его сан. Если в гибели наследника был виновен сам царь, следовало судить и его.

Телепину ввел также нормы поведения царя и знати. В его указе педантично описаны самые разные меры предосторожности. Вот

один из примеров хеттского этикета: «Когда царь выходит из колесницы, старший телохранитель, если он стоит рядом, склоняется перед царем и передает его старшему пажу. Если же перед ним стоит какой-то другой сановник, то самый знатный [?], стоящий впереди, склоняется перед ним. Если же никого из знатных сановников нет рядом, то склоняется тот из телохранителей, кто стоит рядом, даже если он идет куда-то в сторону от колесницы [и не сопровождает царя]. И как только царь вышел из колесницы, старший телохранитель и другие телохранители склоняются вослед ему».

Многие придворные церемонии призваны прежде всего защитить царя от малейшего осквернения, ведь он считается еще и вышшим жрецом (чаще всего царя изображают именно жрецом). Поэтому все слуги царя обязаны были тщательно блюсти свою чистоту, чтобы не оскорбить в его лице богов. Например, слуги, работающие на царской кухне, каждый месяц должны были приносить клятву, что не подадут царю нечистой воды. Если в воду для омовения царя попадал волос, это неминуемо означало смертный приговор.

С особыми мерами предосторожности принимали товары, поставляемые ко двору. Должность поставщика двора была почетной, но опасной. Сапожники и кожевники, например, могли использовать для своей работы лишь кожу, взятую из царских запасов. Если они брали какую-то другую кожу, то их и их семьи могли казнить. Если это случилось по недосмотру, то им надо было немедленно известить об этом царя: «Если вы [случайно] возьмете другое, то скажите царю, и тогда это не будет считаться преступлением. Я, царь, отдам сделанное вами слуге или отошлю чужеземцу». Если же кто-то из страха утаивал нарушение ритуала, то немедленно лишался поста: «И если вы скажете: «Царь нас не видит», то ведь боги царя давно видят [ваше прегрешение] и палками погонят вас в горы».

Говоря о положении хеттских царей, отметим одно важное обстоятельство. Хеттские цари, как и их соседи, горделиво называли себя именами богов, например Телепину звался именем бога Гро-

зы — главного хеттского божества. Они чувствовали себя «ставленниками божьими», как сказано, например, в этой хеттской надписи: «Страна принадлежит богу Грозы. Небо, земля и люди принадлежат богу Грозы. Он назначает своим заместителем Лабарну, царя, и он дал ему всю страну хеттов. Пусть Лабарна правит страной своею рукой!» Однако — вот что главное! — хеттский царь чувствовал себя «заместителем» бога, а не богом; он не требовал себе «божеских почестей». Лишь после смерти правителя он «становился богом».

В дальнейшем хеттские цари старались твердо держаться указа Телепину и избегали править страной, как восточные деспоты. Подобная практика была внове для того времени. По мнению многих историков, в основе ее лежали принципы племенной демократии, еще сохранившиеся у индоевропейцев.

Разумеется, Телепину занимался не только законотворчеством. Ему пришлось отражать нашествие вражеских племен, вторгшихся в его страну с севера и востока. Однако Сирия и Арцава — область на западе Малой Азии — были утрачены хеттами.

Юго-западные границы своей державы Телепину укрепил, одержав ряд военных побед в горах Антитавра и заключив мирный договор с лежавшим в Киликии царством Киццуватна. Текст документа не сохранился, но, очевидно, оба царя относились друг к другу как к «равному себе». Это был первый мирный договор, который хетты заключили со своими соседями. Так Телепину положил начало традиции, ставшей залогом могущества Хеттской державы. С этого времени начинается ее постепенное возвышение.

Впрочем, будущие триумфы вновь предвещало смутное время.

6. Страх перед «чужеземными пастухами»

Мы практически ничего не знаем о непосредственных преемниках Телепину, как и о смерти самого царя-реформатора (с середины его правления до нас не дошло никаких документов).

Известны лишь имена нескольких последующих царей — Аллувамна, Хантили II, Циданта II, Хуцция II, но историки не вполне уверены в том, все ли они были царями и в какой последовательности они правили.

В то время главными противниками хеттов стали хурриты. Ассирийские и шумерские источники впервые упоминают хурритов в конце III тысячелетия до нашей эры. Они населяют земли к юго-западу от Каспийского моря, в районе озера Ван. Позднее они продвигаются в Восточную Анатолию и создают несколько царств, самое известное из которых — Митанни. В XV веке до нашей эры оно становится крупнейшей державой Анатолии.

Около 1700 года до нашей эры хурриты вместе с другими племенами, имеющими семитское и, вероятно, касситское происхождение, даже вторглись в Египет и почти на полтора века покорили его. Египтяне называли их, гиксосов, «чужеземными князьями», а также «чужеземными пастухами». Но почему не хурритами? Неужели они ничего не знали о них?

А ведь действительно, хурриты были в Передней Азии «чужим» народом — чужим по языку. Их язык не принадлежал к числу семитских языков, не был он и индоевропейским языком. Согласно одной из точек зрения, хурриты были исконными жителями Армянского нагорья, Северной Сирии и Северной Месопотамии или же расселились здесь в III тысячелетии до нашей эры. Их язык близок урартскому. Российские ученые И.М. Дьяконов и С.А. Старостин показали, что хуррито-урартские языки принадлежат к восточнокавказским языкам (к ним относятся, например, дагестанские и чечено-ингушские языки).

Однако правящую верхушку хурритов составляли индоевропейцы. Это выдал текст, найденный при раскопках в Богазкее — так называемый «Трактат Киккули», древнейшая инструкция, посвященная дрессировке лошадей. В этих четырех табличках даны подробные указания по уходу за лошадьми — текст обрывается на 184-м дне занятий. Написан этот трактат на хеттском языке,

но изобилует ошибками, и словарный запас автора так скуден, что это выдает в нем иностранца. Автора зовут Киккули; он — хуррит из страны Митанни. Затрудняясь в выборе слов, он то и дело вставляет слова из какого-то чужого языка, который не похож на другие языки Передней Азии и Анатолии. Каково же было удивление ученых, когда они определили, что это слова из санскрита — языка древних ариев, живших в Северной Индии. Можно предположить, что племена, составившие хурритскую знать, перекочевали из Индии к южной оконечности Кавказа, приручили лошадей и научились обращаться с повозками, а оттуда вторглись в Северную Сирию, заняли часть хеттских земель и продвинулись в Египет.

Любопытно, что и поклонялись правители хурритов древнеиндийским богам — Индре, Варуне и близнецам Насатья. В договоре, заключенном между Хеттской державой и Митанни — его клинописный текст найден в Хаттусе, — упоминаются эти боги.

Фрагмент вазы с изображением хеттской крепостной стены. XV в. до н.э.

Лишь почти через полвека после смерти Телепину вновь начинается эпоха хеттских завоеваний. Царь Тудхалия II совершил поход в Сирию, напал на Хальпу и разрушил город, хотя тот недавно выдержал осаду хурритов. Время похода Тудхалии II в Сирию точно неизвестно. Зато мы знаем, что в 1457 году до нашей эры свой поход в Сирию совершил египетский фараон Тутмос III.

После изгнания «чужеземных князей» египтяне решили

раз и навсегда обезопасить свою северо-восточную границу и предприняли ряд карательных экспедиций против хурритов в Сирию и Северную Месопотамию. Особых успехов добился именно фараон Тутмос III.

По предположению Оливера Герни, хетты могли совершить нападение на Хальпу во время упомянутого египетского похода, действуя как союзники фараона. Их дружественные отношения известны. Согласно дошедшему до нас сообщению, Тутмос III получал подарки от «Великой Хеты».

Царь Тудхалия II стал основателем династии, которая правила Хеттским царством в течение двух с половиной веков. Его происхождение неясно. Интересную догадку высказал Оливер Герни: «Есть основание полагать, что династия, основанная Тудхалией II, была хурритского происхождения. Дело в том, что хеттские имена, которые носили эти цари, оказались в действительности их тронными именами; данные им при рождении личные имена, насколько последние известны, были хурритскими, так же как и имена их цариц и братьев. Два таких хурритских имени — это Урхи-Тешуб и Шарри-Кушух; Урхи-Тешуб принял, вступив на хеттский престол, тронное имя Мурсили III, а Шарри-Кушух, брат Мурсили II, — это, несомненно, сын Суппилулиумы, принявший имя Пияссили при назначении царем Каркемиша».

Бронзовая статуэтка божества. Высота — 23,7 см. XV в. до н.э.

*Фрагмент хеттского сосуда.
Около 1400 г. до н.э.*

набеги с севера. «В давние времена страны Хатти были разорены нашествием из-за границы. Враг из Каски пришел и разорил страны Хатти и сделал Ненассу своей границей». Недаром следующий царь хеттов Арнуванда I, изливая свою скорбь богине Солнца Аринны, жаловался на каскеев: «Храмы, которыми вы [боги] владели в этих странах, каскеи разрушили и ваши статуи разбили. Они разграбили серебро, золото, серебряные кубки, золото, [и] медь, и ваши бронзовые предметы, [и] ваши одежды и разделили между собой». Кроме того, они разделили между собой «музыкантов, певцов, поваров, пекарей, хлебопашцев и садовников» и сделали их своими рабами, а также забрали хеттские поля и скот.

Таким плачевным было положение Хеттской державы всего через два столетия после взятия Вавилона. Кто бы мог подумать, что вскоре страну ждал новый расцвет?

После смерти Тудхалии II хетты потеряли почти все завоеванные провинции и вынуждены были отбиваться от вторгавшихся в страну племен. Возможно, что врагами была сожжена Хаттуса. Во всяком случае так сообщал один из позднейших царей хеттов: «Также извне пришел враг из Арманаты, и он тоже разорил страны Хатти и сделал город Киццуватну своей границей. И Хаттуса, этот город, был сожжен... но мавзолей... уцелел».

В этот период ослабления державы ее враги нападали со всех сторон. Особенно много бед причиняли каскеи, совершавшие

7. Царь собирает коров

Во время одного из своих походов фараон Тутмос III вторгся в царство Митанни. Как предполагают историки, для этого он велел перетащить корабли из сирийского порта Библ через весь Ливан к Евфрату, а затем поднялся вверх по реке. Он сокрушил царство хурритов и этим помог возвышению Хеттского царства.

Возможно, хетты и не использовали бы этот шанс, если бы у них не появился великий царь — Суппилулиума I, чье имя переводится как «(Рожденный) у чистого источника». При нем Хеттская держава достигает расцвета. В ее состав входит почти вся современная Турция, большая часть Месопотамии и Северная Сирия, а также Кипр.

Предположительно, Суппилулиума вззошел на трон около 1380 года до нашей эры. Впрочем, еще в молодости ему довелось участвовать в походах против каскеев, замещая больного отца, и побеждать их.

Первые годы своего правления он тоже проводит в борьбе с каскеями. По подсчетам историков, он сражался с этими горцами в течение двадцати лет. Вскоре после прихода к власти он попытался окончательно разбить хурритов, но их царь Тушратта взял верх и даже горделиво отослал часть захваченной добычи фараону Аменхотепу III. Хетты понесли большие потери.

Тогда Суппилулиума изменил свою политику и стал заключать договоры с соседними странами, постепенно подбирая союзников для грядущей войны с царством Митанни. Каждый раз, заключая договор о дружбе, он скреплял его свадьбой, соединяя узами когонибо из своих родственников с царем

*Золотая хеттская
печатка. Около
1400/1200 гг. до н.э.*

(или его родичами) новой дружественной державы. Правителями завоеванных государств он назначал своих родственников. Так постепенно формировалась Хеттская федерация — союз ряда небольших государств, лежавших близ границ страны хеттов, и Хеттского царства. Так семейные узы укрепляли отношения между хеттами и их вассалами.

Среди хеттских царей Суппилулиума I, возможно, самая колоритная фигура. Он энергичен и храбр, талантлив и остроумен. Это он позволяет себе в договор с царем Киццуватны включить следующую юмористическую

Олень несет на своей спине хеттского бога. Рельеф, высота — 6,3 см. XV/XIII вв. до н.э.

преамбулу: «Народ Исувы бежал от меня, Солнца, и удалился в страну хурритов. Я, Солнце, писал хурритам: «Верните мне моих подданных». Но хурриты отвечали мне, Солнцу, следующее: «Нет. Эти города еще раньше вошли в страну хурритов и на ее земле поселились. Верно, правда и то, что перебежали они позднее к хеттам. Но ведь, в конце концов, каждая корова выбирает свое стойло, вот и они, наконец, вернулись в мою страну». И так хурриты не выдали мне моих подданных... Теперь же люди Киццуватны стали хеттскими коровами и выбрали себе стойло. Они

отпали от хурритов и ко мне, Солнцу, перешли... Страна Киццуватна с ликованием встретила свое освобождение».

Суппилулиума — человек не педантичный, не мелочный. Ради государственных дел он может порой пренебречь церковным празднеством, на что никто из его преемников уже не отваживался. Любопытно, что не сохранилось ни одного текста, свидетельствующего о набожности Суппилулиумы. Напротив, он как будто совершенно равнодушен к богам — тем истовее будет молиться его сын, Мурсили, вспоминая грехи отца.

Суппилулиума как будто любит испытывать терпение богов. Он рискует, полагаясь порой лишь на удачу, и ему всякий раз везет. В отношениях с другими правителями он умеет поставить себя так, что все признают его «великим царем».

Суппилулиума — человек прагматичный. Он остро чувствует государственную необходимость. Он вновь заключает договор с правителем Киццуватны, несмотря на то что последний однажды уже предал его и перешел на сторону хурритов. Вернув своих «коров» из Киццуватны, хеттский царь не собирается им мстить или унижать их. Наоборот, он еще почтительнее относится к этому перебежчику — царю Сунассуре. Если хурриты называли его своим слугой, то он — «братом», законным царем, хотя сам договор составлен так, что этот «брат» оказывается вассалом хеттского царя.

Подобным хитроумием Суппилулиума достигает большего, чем иные властители

Бронзовая статуэтка божества. XV/XIII вв. до н.э.

ли — огнем и мечом. Правитель Киццуватны, оказавшись под защитой Хеттской федерации, хоть и платит хеттам дань, хоть и ограничен во внешней политике, все равно чувствует себя лучше, чем в услужении у хурритов.

Выгодно это и хеттскому царю. Заключив договор с Сунассурой, он открыл дорогу в Северную Сирию, а также обезопасил себя на случай войны с Митанни. Теперь он уверен, что царь Киццуватны не нападет на него с тыла и ему не придется воевать на два фронта.

Их союз получил «боевое крещение» еще раньше. В договоре имеется одно-единственное условие: царь Киццуватны обязуется выставить на стороне хеттов «сто боевых колесниц и тысячу человек» для войны с Арцавой — государством, лежавшим на западе Малой Азии. Обстоятельства этой войны нам мало известны. Мы знаем лишь, что и в дальнейшем хеттам не раз приходилось иметь дело с Арцавой, но особой опасности они уже не ожидали от этой страны.

Самым опасным противником Суппилулиумы оставались хурриты из страны Митанни. Ее завоевание стало триумфом хеттского царя. Все началось с дворцового переворота, случившегося в Митанни. Царь Тушратта, еще недавно направлявший в египетскую столицу Амарну соболезнования в связи с кончиной Аменхотепа III («Плакал я всякий день. Ночью вставал, не ел и не пил, все от тоски»), теперь убит. Его сын, Маттиваза, спасаясь от заговорщиков, бежит к хеттам, к «царю-солнцу» Суппилулиуме.

«Пал я к ногам великого царя и героя, любимца бога Грозы. Великий царь взял меня за руку и порадовался мне. И расспрашивал он меня о всех делах царства Митанни, и когда он услышал о всех делах царства Митанни, тогда сказал великий царь и герой: «Усыновлю я тебя... На трон твоего отца хочу я тебя посадить!»

«Царь-солнце» задумал воспользоваться удобным случаем, чтобы взять Митанни под свой контроль. Он решил женить беглого царевича на своей дочери и щедро одарил его. Недавний изгой, чудом

спасшийся от коварных друзей, теперь радовался, как ребенок, когда его осыпал дарами великодушный враг: «И я, Маттиваза, царский сын, пришел к великому царю в сопровождении двух хурритов и двух слуг, что последовали за мной; на мне было единственное платье и более ничего. Великий царь пожалел меня и дал мне колесницу, покрытую золотом, лошадей, посуду... два кувшина из серебра и золота с кубками из серебра и золота... великолепную одежду, все это и украшения, все мыслимое, все он мне дал».

Затем, держа свое слово, царь направил в Митанни войско. Его вел Маттиваза, но неотступно при нем находился Пияссили, сын «царя-солнца». Миновав Киликийские ворота, войско хеттов двинулось на Митанни. Трудно пока восстановить подробности этого похода, но итог его несомненен. Вскоре столица хурритов Вашшуканни пала, а с ним и царство Митанни, главный противник хеттов в XV—XIV веках до нашей эры. Оно уже не оправится от разгрома. Суппилулиума посадил управлять им своего зятя. Так Митанни из великой державы превратилась в вассала хеттского царя. После этой победы Сирия окончательно вошла в состав Хеттской державы. Ее южная граница пролегла по горам Ливана, близ города Кадеша — там же, где недавно проходила граница между Египтом и хурритами. Митанни же после смерти царя Суппилулиумы не устояло перед нападением ассирийцев, и более это царство не возродилось.

*Хеттские печати с изображением богов и культовых сцен.
XV/XIII вв. до н.э.*

Победа хеттов над Митанни полностью изменила расстановку сил в тогдашнем мире. В бронзовом веке на древнем Востоке сложилась своя система международных отношений. Правители трех-четырёх крупнейших держав того времени именовали себя «великими царями». Все они были в отличных отношениях между собой. Они называли друг друга «братьями», обменивались посольствами и богатыми дарами и заключали между собой равноправные договоры. Эти договоры не накладывали почти никаких ограничений на суверенитет союзников. Они лишь запрещали им воевать друг против друга, обязывали выдавать перебежчиков и, в случае смерти правителя, гарантировать приход к власти его законного наследника. Если какая-то из этих держав гибла под ударами соседей или распадалась из-за внутренних смут, её место вскоре занимало новое царство. Упадок одной державы содействовал возвышению другой.

Кроме того, на политической сцене имелось множество мелких царств, княжеств и городов-государств. Крупные державы также заключали с ними договоры, но ни о каком равноправии в их отношениях не могло идти и речи. Великие цари диктовали свои условия сателлитам, а в случае их неповиновения организовывали военные экспедиции и карали ослушников.

Ко времени воцарения Суппилулиумы I великих держав было три: Египет, Вавилон и Митанни. Хеттское царство при Суппилулиуме, разгромив хурритов, само становится одной из ведущих держав своего времени. Правители мелких соседних государств ежегодно прибывают к его двору сами или присылают своих помощников. Великие цари обмениваются с ним подарками.

К концу правления Суппилулиумы I Хеттское царство было окружено «щитом» из дружественных ему государств. В Арцаве, на юго-западе Малой Азии, правил его зять. В Каркемише и Хальпе, завоеванных им, правителями стали его сыновья. Ещё несколько государств — Хайаса на северо-востоке, Киццуватна на юго-западе и Амурру в Сирии — заключили с хеттами союзнические догово-

ры. Подобный «щит» заслонял Хеттское царство от нашествия ассирийцев, египтян и вавилонян.

До победы над Митанни хетты остерегались конфликтовать с Египтом. Когда же война подошла к концу и хеттские войска осадили Каркемиш — последнюю хурритскую крепость в Северной Сирии (её осада длилась всего восемь дней), — тогда два хеттских военачальника во главе своих отрядов перешли границу близ Кадеша и разграбили лежавшие за ней египетские владения в Ливане.

«Когда мой отец был внизу, в стране Каркемиш, послал он Лупакки и Тархунтацальму в страну Амка (в долину Бекаа между Ливаном и Антиливаном. — *Авт.*). Они выступили в поход, напали на страну Амку и привели моему отцу пленных, коров и овец. Когда египтяне узнали о нападении на Амку, они содрогнулись, — так повествовал о тех событиях царь Мурсили II, сын Суппилулиумы. — Народ Хатти и народ Египта были связаны клятвой, данной Богу Грозы Хатти; и тогда народ Хатти... нарушил клятву, данную богу».

Неужели армия фараона стерпит этот позор? Почему не мчатся колесницы, не шагают солдаты? А в это время в Египте было совсем не до войны с людьми, ибо новый правитель страны, Эхнатон (Аменхотеп IV), воевал с... богом. Он низверг бога Амона, которому поклонялись многие поколения египтян, и велел почитать новое божество — Атона, или Солнечный диск. Пока хетты отвоевывали его державу — а ближневосточные земли десятилетиями принадлежали Египту, — Эхнатон преследовал жрецов и строил новую столицу. Ему было не до внешних врагов.

8. Жених с того края света

Вскоре Эхнатону наследовал новый фараон — юный Тутанхамон, но он правил недолго. После смерти Тутанхамона, умершего, когда ему едва минуло восемнадцать лет, его вдова Анхесенамун, дочь Эхнатона и Нефертити, решила разом укрепить свою власть и защитить северные границы страны. «Мой муж умер, — писала

она хеттскому царю Суппилулиуме I. — Сына у меня нет, а у Тебя, говорят, есть много сыновей. Если бы Ты прислал мне одного из своих сыновей, он стал бы мне супругом. Никогда я не соглашусь взять себе в мужья одного из своих подданных. Мне страшно даже подумать об этом».

Двадцатилетней вдове было чего страшиться. В то время Египтом фактически правил ее дед Эйя, отец Нефертити и верховный жрец страны. Говаривали, что он задумал жениться на собственной внучке, чтобы стать фараоном. Он ждал, когда пройдет 70 дней, отведенных на бальзамирование фараона. Стремясь избежать этой свадьбы, царственная вдова обратилась за помощью к хеттам, ибо в египетских вельможах ей не было опоры.

Царь Суппилулиума не знал об этом ничего и боялся подвоха. Уж не ловушку ли готовят ему египтяне? Да, случилось, что фараоны подбирали себе жен за границей, но никогда прежде египетские принцессы не искали там женихов. Еще никогда египтяне не приглашали править страной чужеземца. «Подобного не бывало», — наверняка думал царь.

Кто знает, будь он более сговорчив, судьба мира на какое-то время была бы совсем иной. Сын хеттского царя мог стать фараоном Египта. Две великие державы — Египет и Хеттское царство, которое теперь безраздельно властвовало в Передней Азии, — объединились бы, а не истощали силы в многолетней войне за Сирию. От Черного моря до Нубии простерлась бы одна огромная империя.

Но царь медлил. Он не хотел рисковать ни жизнью своих сыновей, ни жизнью других близких ради странной затеи. Недоверие Суппилулиумы вполне объяснимо. Он еще воевал в Сирии, под Каркемишем, еще не вполне покорил хурритов, как вдруг египтяне решили признать его равным себе царем и избрать его сына новым правителем Египта. А что свадьба эта была больше, чем свадьба, и представляла собой скрытое приглашение на царствование, хеттский царь прекрасно понимал, ведь он и сам проводил подоб-

ную политику и, заключая брачные союзы с соседними государствами, ставил у власти в них своих родственников.

Похоже, что Суппилулиума, принявший Хеттское царство, когда оно было небольшим и слабым, еще не вполне осознавал, что теперь он правит могущественной державой, наводящей страх даже на Египет.

Итак, царь с согласия совета старейшин решил сперва все разузнать наверняка и послал в столицу Египта — туда было две недели пути из Каркемиша — своего агента, чтобы тот выведаль тайную подоплеку событий. Хеттский шпион вернулся с египетским посланником Хани и привез еще одно письмо от вдовы. Та упрекала его за нерешительность и вновь повторяла просьбу: «Почему ты решил, что «они надо мной насмеются»? Будь у меня сын, разве я обратилась бы к чужеземцу, чтобы признаться в своих бедах и бедах моей страны? Ты оскорбил меня, так говоря. Мой муж мертв, и у меня нет сына. Мне ли теперь брать в мужья одного из своих слуг? Я никому больше не писала, только тебе. Говорят, у тебя много сыновей. Дай мне одного сына. Он будет мне мужем, а Египту — правителем».

Не менее красноречив был и Хани: «Мой повелитель!.. Будь у нашего [царя сын], разве мы приехали бы в другую страну, чтобы просить себе повелителя? Наш повелитель... умер. И сына у него не было. Супруга нашего повелителя [теперь] осталась одна. Мы просим прислать нашей повелительнице сына нашего повелителя [Суппилулиумы]. Пусть он правит страной Египтом, но как ее супруг. Кроме того, мы направились не куда-нибудь, а только сюда. Наш повелитель, дай нам одного из твоих сыновей!»

Не мешкая больше, царь направил в Египет одного из своих пятерых сыновей — Цаннанцу. Однако царевич так и не добрался до Египта. На этот раз его отца, хитрого и проницательного политика, подвел его ум. В отчаянной мольбе царицы он заподозрил тонкую политическую игру. Человек скорый и решительный, он не рисковал судьбой сына. Он раздумывал и проверял факты, оценивал

обстановку, проводил разведку. А в это время противники царицы не мешкали. В восточных городах молва летает быстрее птицы. Скоро дед царицы уже знал, что она выбрала жениха и тот едет к ней из страны хеттов.

Расправа была скорой. На пути в Египет несчастный царевич встретил свою смерть. Очевидно, его убили по приказу верховного жреца. Вскоре Эйя вззошел на трон, но правил недолго и, видимо, был убит заговорщиками. Имя его юной вдовы исчезает из анналов истории.

Возмущению хеттского царя не было границ. Так началось время великих войн. Более полувека летопись древнего Востока пишется на полях брани, где египтяне ведут упорную борьбу с хеттами. Закончится этот поединок сверхдержав битвой при Кадеше — одной из величайших битв древности.

9. Молитва во время чумы

И когда царь готовился к войне с «братом своим», в Сирии вспыхнула эпидемия. Многих врагов перехитрил Суппилулиума I, но справиться со смертью не мог. Та же странная болезнь — в литературе укоренилось название «чума» — унесла через несколько месяцев и старшего сына — Арнуванду II.

Очевидно, «чуму» в Хеттское царство занесли доставленные сюда из Ливана египетские пленники. «И победил он (Суппилулиума. — *Авт.*) войска... страны Египта и разбил их... Когда же пленники пришли в страну Хатти, то принесли пленники чуму в страну Хатти. И с того дня в сердце страны Хатти властвует смерть». Мы не знаем, что именно это была за болезнь, но ее эпидемия быстро распространилась по всей Анатолии.

Тогда на престол вззошел один из младших сыновей — Мурсили II. Он жил в тревожное время. Его царство опустошал мор. Оставшись без твердого правителя, оно стало рассыпаться. Ему угрожал Египет, и уже некоторые провинции на западе готовились

отпасть, хотя правители Каркемиша и Хальпы сохраняли верность хеттам.

«Еще не поднялся я на трон отца своего, — сказано в летописи Мурсили II, — как соседние враждебные страны все начали со мной войну. Едва мой отец стал богом (то есть умер. — *Авт.*), как Арнуванда, мой брат, сел на трон отца, но затем и он заболел.

Когда же враги услышали, что Арнуванда, мой брат, заболел, враждебные страны пошли настоящей войной. А когда Арнуванда, мой брат, стал богом, даже те враждебные страны, что еще не начинали войну, стали открыто враждовать. И соседние враждебные страны говорили следующее: «Его отец, царь страны Хатти, был героем и покорил враждебные страны; теперь он стал богом. И его сын, севший на трон отца, прежде совершал подвиги на войне. Но он заболел и тоже стал богом. Тот же, кто сел теперь на трон своего отца, мал летами. И страну Хатти, и границы страны Хатти он не спасет».

Из конца в конец державы движутся войска Мурсили, наводя порядок в стране и защищая ее от соседей. Царь не бережет свои силы, участвуя каждое лето в походах. Он словно ожидает, что скоро будет погублен чумой и спешит уберечь державу.

Чума! Грех отца лег на его детей и всех подданных царя — тоже его «детей». Совестьливый, глубоко набожный, Мурсили старательно соблюдает все религиозные праздники, участвует в торжественных церемониях, что так не любил делать отец, и помнит об этом грехе. То было давнее преступление. Всякий раз думая об этом, царь начинает заикаться, он с трудом произносит слова, будто боги хотят наказать его немотой.

Мурсили косноязычен. Он еще в детстве пережил тяжелую психологическую травму. Вот что ему довелось видеть: «Тут разыгралась непогода, и ужасно прогрохотал вдали бог Грозы. Тут стало во рту моем мало слов, и каждое слово поднималось из меня, запинаясь». По меркам того времени стать очевидцем божьего гнева было страшнее, чем людской ярости. Любопытно, что другой богобояз-

ненный герой Древнего мира — библейский Моисей — говорит так же плохо, как Мурсили. Он сам признается Господу: «...человек я не речистый... я тяжело говорю и косноязычен» (Исх. 4, 10).

Порой Мурсили и вовсе лишался речи: «Во время сна рука бога коснулась меня, и речь моя вовсе пропала». Боги же продолжали его карать. Его жена, так ему верится, изведена колдовством. Его отец... Его отец и брат погублены под тяжестью грехов.

Воистину, словно о Мурсили были сказаны эти библейские слова:

*Вместо хлеба моего мне вздохи мои,
и льются, как воды, стоны мои,
ведь чего я ужасался, постигло меня,
и чего я боялся, приходит ко мне.
Нет мне затишья, и нет мне покоя,
и нет мне мира,
но пришла смута!*

(пер. С.С. Аверинцева)

«Молитва во время чумы» царя Мурсили — одно из лучших известных нам произведений хеттской литературы. Если бы «Молитва Мурсили», заметил Иоганн Леман, появилась на страницах одной из библейских книг, мы не удивились бы — так глубоко она проникнута христианским смирением, а сама речь — библейской образностью. Филологи ставят «Молитву Мурсили» в один ряд со знаменитой библейской «Книгой Иова». Великий страстотерпец Иов мог бы вслед Мурсили вознести свою молитву:

*Говорю ли, не утоляется моя печаль;
Замолчу — и не уходит она от меня.
Да, вконец Он истомил меня!
Ты разрушил весь круг близких моих;
как свидетель, восстает на меня недуг,
и лицо мое укоряет меня.*

Библейский Иов лишился всего — волов и верблюдов, овец и пастухов, сынов и дочерей. Гнев богов едва не лишил Мурсили его царства. Однако именно «малый летами» Мурсили не только спас свою страну, но и укрепил ее. А ведь он, самый сентиментальный и богобоязненный из хеттских царей, вообще не готовился управлять ею и не думал, что когда-нибудь может прийти к власти. Однако волею судьбы сев на трон, он оказался отнюдь не мечтателем или безвольным философом, не стал и циничным прагматиком. В отличие от других хеттских царей, он глубоко и болезненно переживал происходившее. Ему же пришлось иметь дело и с враждебными странами, и с гневом богов, и с изменой близких.

И все-таки пересиливая свою немоту и скорбя о чужих страданиях, царь складывает молитву. Он просит богов отвлечь свой гнев и сохранить народ хеттов. Наконец, он называет грех отца: очевидно, тот пришел к власти, свергнув большого царя Тудхалию III: «Вы, боги, мои господа, вы хотите отомстить за кровь Тудхалии... и кровавая вина легла на страну Хатти, и страна Хатти уже искупила ее... Но я же не совершал зла, а из тех, кто грешил и творил зло, никого более не осталось... И вот хочу я принести искупление за страну вам, боги, мои повелители, хочу уберечь страну от чумы... Прогоните чуму из моего сердца, страх из души возьмите!»

В речах Мурсили появляются совсем другие ноты. Открыв для себя первопричину бед, он заговаривает не с людьми, а с богами, он не гордится собой, как другие цари, а кается, признается в грехах: «Бог Грозы города Хаттусы, господин мой, и вы, боги, господа мои, так все совершается: люди грешат. И отец мой согрешил: он нарушил слово бога Грозы города Хаттусы, господина моего. А я ни в чем не согрешил. Но так все совершается: грех отца переходит на сына. И на меня грех отца моего перешел. Но этот грех я признал воистину перед богом Грозы города Хаттусы, моим господином, и перед богами, моими господами: это именно так, мы это совершили. Но после того, как я признал грех отца моего как свой грех, да смягчится душа бога Грозы, моего господина и богов, моих

господ. Будьте теперь ко мне благосклонны и отошлите чуму прочь из страны хеттов! И те немногие жрецы, приносящие в жертву хлеб, и жрецы, совершающие жертвенные возлияния, что еще остались в живых, пусть у меня больше не умирают!.. Если раб совершит какой-либо проступок, но проступок этот перед хозяином своим признает, то тогда что с ним хочет хозяин сделать, то пусть и сделает. Но после того, как он перед хозяином проступок свой признает, душа хозяина его смягчится, и хозяин этого раба не накажет. Я же признал грех отца моего как свой грех; это истинно так. Я совершил это...» (пер. В.В. Иванова).

Так Мурсили вводит в политику понятия «вины» и «греха». Для него эти религиозные понятия становятся движущими силами политики. Грех влечет за собой грех и навлекает вину, за которую и карают боги. Перед лицом богов цель не оправдывает средства и триумф не заглаживает вину. Лишь точное соблюдение заповедей успокоит гнев богов.

Рассказывая о своих военных победах, Мурсили подчеркивает: «Прежде, чем выступить против какой-либо из враждебных стран, объявивших мне войну, я посещал все праздники богини Солнца Аринны, госпожи моей, и праздновал их и, воздев руку, так говорил богине Солнца Аринны, госпоже моей: богиня Солнца Аринны, госпожа моя, враждебные страны, окружающие меня, зовут меня ребенком и не уважают меня и постоянно пытаются захватить твои земли, о богиня Солнца, госпожа моя, — обрушья на них, о богиня Солнца Аринны, госпожа моя, и порази эти враждебные страны ради меня».

Никакие сомнения и угрызения совести не мешают Мурсили править страной так же уверенно, как другие великие хеттские цари. В течение десяти лет он ведет войны с соседями («враждебными странами»), чтобы навести порядок в своем царстве. Он воюет с Арцавой на западе и назначает ее правителем своего ставленника, воюет с отпавшими княжествами на юго-востоке и племенами каскеев на севере.

Руины хеттской крепости Аладжа-Хуюк, располагавшейся неподалеку от Хаттусы. XIV/XIII вв. до н.э.

Тем временем близкие царя восстают на него. Много неприятностей ему причиняет вдовствующая царица — таваннанна, которая по хеттским обычаям сохраняла свое положение до конца жизни. Она была родом из Вавилона и попыталась ввести при дворе свои порядки. Мурсили был вынужден изгнать царицу, но он не позволяет себе ни покарать, ни даже упрекнуть ее. В хронике сказано: «Ей не отказали ни в чем, что ей полагалось: в еде, питье. Все было в ее распоряжении. Не знала она недостатка ни в чем хорошем. Единственным наказанием ей было изгнание из дворца и лишение титула таваннанны».

Стиль хроники царя Мурсили заметно отличается от исторических писаний времен его отца. Теперь она сделалась схематичной, скупой на детали и анекдотические подробности. Главными действующими лицами в ней становятся боги, которые, словно боги гомеровской «Илиады», приходят на помощь в сражениях.

Фигура льва из хеттской крепости Аладжа-Хююк. XIV/XIII вв. до н.э.

И только им царь обязан своей славой.

«На следующий год я пошел в горную страну Асарпая. И с теми каскеями, что заняли горную страну Асарпая и перерезали дороги в страну Пала, с этими каскеями я сражался в горной стране Асарпая. И богиня Солнца Аринны, моя госпожа, и гордый бог Грозы, мой господин, и Мецулла (дочь бога Грозы. — *Авт.*), и все боги мне помогали. Каскеев, занявших страну Асарпая, их победил я и их разбил. А горную страну Асарпая я очистил. Потом я возвратился домой». Несколько раз Мурсили отправляется в поход против

каскеев, разбивает их, но, собравшись с силами, они вновь восстают против хеттов.

В годы правления царя Мурсили он сталкивается с новой сильной страной, появившейся на западе — Аххиявой, то есть Микенской Грецией, как полагает большинство историков. «Аххиявцы, подобно микенцам, несомненно, господствовали на морях, но греческая история последовательных «талассократий» свидетельствует, что в Восточном Средиземноморье одновременно двум владыкам морей было не ужиться», — замечал по поводу споров вокруг Аххиявы Оливер Герни. Вполне возможно, что Аххиявой была какая-то часть греческого мира — Микены, Родос или Крит.

Правители аххиявских городов вели переписку с хеттским царем и посылали своих сыновей в Хаттусу, где те, например, учились управлять колесницей. Кто знает, быть может, один из персо-

нажей греческих мифов — возникший Миртил — хранит в своем имени отзвук хеттского Мурсили? Ведь царь хеттов был для ахейских греков тоже «великим возникшим».

Связь греческих мифов и фактов хеттской истории и культуры заслуживает еще не одного отдельного исследования. Так, например, историк VI века Стефан Византийский в своем географическом лексиконе «Этника» сообщает, что Парис и Елена на пути из Спарты в Трою прибыли в город Самилию в Карию, где встретились с основателем этого города Мотилом. Разве не напоминает его имя — Мотил — имя еще одного хеттского царя — Муваталли?

В хеттских документах того времени появляется и имя Алаксанду, царя Вилусы. Некоторые исследователи считали даже, что под этим именем упоминается знаменитый Парис (Александр) из Трои (Илиона), хотя эта гипотеза не соответствует хронологии: упомянутый Алаксанду жил около 1300 года до нашей эры, а Троянская война, как считается, произошла около 1200 года до нашей эры.

Дружба между ахейцами и хеттами была непрочной. Нередко воины Аххиявы, для которых море словно дом родной, приплывали в Малую Азию и нападали на города, союзные хеттам. Царь увещевал врагов, но море было для хеттов неприступной далью. Владея полуостровом — Малой Азией, они избегали селиться на побережье, не строили порты и корабли, не пускались в плавание. А воины Аххиявы не рисковали удаляться от берега и продвигаться в глубь Хеттской державы. Так и сохранялся этот странный «мир-вражда», где друзья-противники не могли выбрать поле брани, которое устроило бы обоим. Они не готовы были воевать ни на море, ни на берегу, ни в горах, ни в степи. «Худой мир» продлился до тех пор, пока ахейские племена не осмелели и не взяли штурмом крупный портовый город Трою. Гибель Трои словно проклятием легла на Хеттскую державу и Микенскую Грецию. Обе они вскоре исчезли с политической карты мира.

Впрочем, в хеттских летописях не придается особого значения отношениям с Аххиявой. Как и прежде, в центре внимания хеттов

древние области тогдашнего культурного мира — Сирия и Месопотамия. На девятом году своего правления Мурсили во главе войска пришел в Сирию, поскольку его брат Пияссили, вице-царь Каркемиша, успешно правивший этой страной в течение десятка лет, скоропостижно умер и некоторые из сирийских вассалов решили отпасть от Хеттской державы. В то же время к берегам Евфрата подошла ассирийская армия. Положение стало серьезным. Но Мурсили быстро «усмирил» восставших, заключил с ними новые договоры и назначил нового вице-царя — сына Пияссили.

Дальнейшие события вновь изложим по летописи царя Мурсили — тем более что географию царских походов восстановить порой довольно трудно: «Я, Солнце, пошел в страну Араванна, и страна Араванна напала на меня. Мне же помогали богиня Солнца Аринны, моя госпожа, гордый бог Грозы, мой господин, Мецулла, и все боги. Так победил я всю страну Араванна, и сколько привел я мирных пленников из страны Араванна в царский дворец — всего их было 3500 мирных пленников. А сколько увели домой мирных пленников, коров и овец офицеры, солдаты и колесничие Хаттусы, этого и сосчитать было нельзя. И как победил я страну Араванна, так вернулся в Хаттусу».

На десятом году правления Мурсили II летопись обрывается, и нам неизвестны подробности его дальнейшего царствования. Всего же он правил страной тридцать лет. Мы лишь можем сказать, что он оставил своему сыну и преемнику прочную империю и что править так долго в столь трудных обстоятельствах — в разгар эпидемии, среди восстаний «братских народов» и нападений враждебных соседей, склоняясь под бременем греха и вины, — мог лишь воистину великий человек.

Мурсили, набожный человек, принял на себя чужую вину, страдал, каялся и был прощен. Отныне само смирение говорило его устами: «Каких бы благ ни удостоила меня богиня Солнца Аринны в дальнейшем, я запишу все и повергну к ее стопам».

Совсем не таков его сын, Муваталли; он добродушен, деловит,

не любит долго размышлять. И именно он отомстит за унижение деда, Суппилулиумы, и под стенами Кадеша разобьет непобедимую армию египтян. В анналах, оставленных его братом, Хаттусили III, он изображен как человек мягкий, осмотрительный. Египтяне, очевидно, видевшие его, описывая его внешность, отмечают, что он был рослым, дородным мужем. Возможно, что это первый исторически достоверный портрет в мировой истории. При нем, этом толстяке и добряке, Хеттское царство станет второй сверхдержавой тогдашнего мира.

10. Кадеш! Кровь двух армий омыла тебя

В Египте, в храме Карнак, сохранились знаменитые рельефы. На них мы видим триумф египетской армии. Она громит жалкие полчища хеттов. На самом деле эти изображения лишь пример лжи, неизменной спутницы всех войн — от древнеегипетских до новоиракских.

Битва была упорная и кончилась ничем. Однако, вернувшись в Египет, Рамсес II приписал себе полную победу над врагом. В действительности же моральную победу одержали хетты. Их современники хорошо понимали это. Так, правитель Амурру, небольшого княжества, лежавшего между Хеттским царством и Египтом, до начала битвы переметнулся к египтянам. После битвы при Кадеше он снова признал верховенство хеттов. Что же произошло у стен этой крепости?

Зная хеттские традиции, легче всего было бы ответить на этот вопрос, заглянув в летопись царя Муваталли. Из всех хеттских царей у него было, пожалуй, больше всего причин оставить потомкам мемуары. Однако нам подобные записи неизвестны. Возможно, в отличие от своих предшественников, Муваталли не любил вспоминать пережитое. Возможно, у него не было времени на это. Ведь он затеял перенос столицы хеттов — вместе со всеми статуями богов — в другой город, в Даттассу (современные исследователи пред-

лагают читать название этого города иначе — Тархунтасса). А, может быть, его архив хранится как раз в Даттассе, и это объясняет немногословие царя.

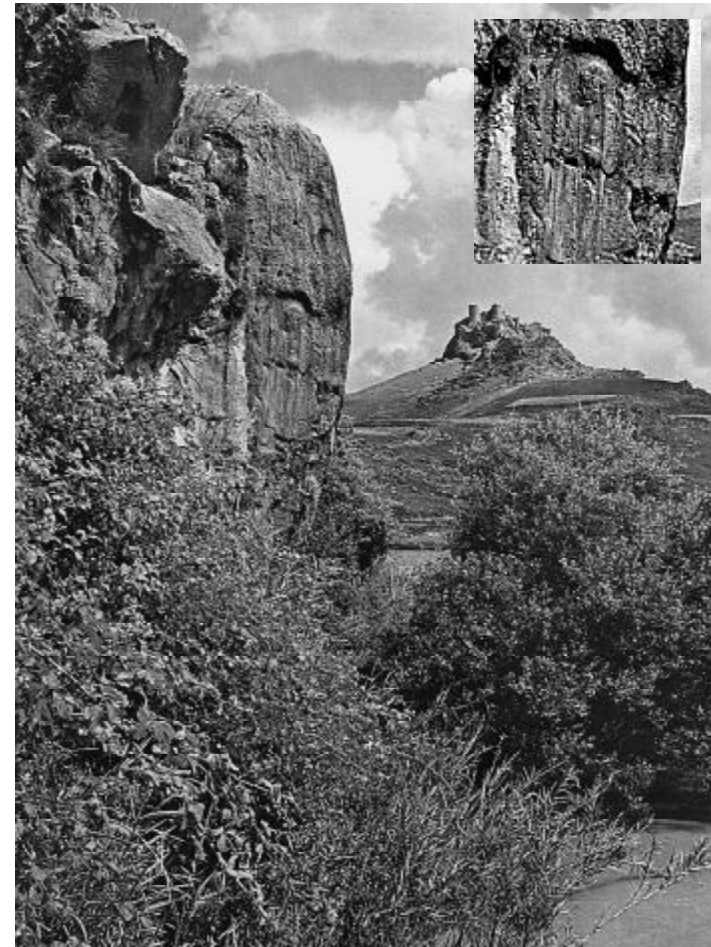
До сих пор археологи не сумели обнаружить этот город. Известно лишь, что он располагался к югу от гор Тавра, близ города Адана, поскольку там, на одной из скал, найдено изображение царя Муваталли. Зачем оно здесь появилось, если поблизости не было резиденции царя?

Мы не знаем точно, по каким причинам царь Муваталли покинул Хаттусу. По одним догадкам, он сделал это, чтобы в случае войны было легче управлять Сирией. Другие полагают, что его прогнал страх перед вторжением каскеев и царь переехал в более спокойное место. Наконец, на него мог подействовать и пример фараона Эхнатона, который несколькими десятилетиями ранее тоже покинул свою прежнюю столицу и основал новую столицу в Амарне, в Среднем Египте. А может быть, он — как полторы тысячи лет спустя римский император Диоклетиан — решил разделить власть в своей державе? Югом Хеттской империи управлял отныне он сам, а севером — его брат Хаттусили, оборонявший исконные хеттские земли от набегов каскеев. Его столица располагалась в городе Хакписсе, у северной границы царства. Практически страной управляли два царя.

Хаттусили оказался удачливым правителем. Он покорил каскеев и даже принял этих новых «федератов» к себе на службу, а когда его брат начал войну с Египтом, послал ему на помощь каскейские отряды — этакую «дикую дивизию» бронзового века.

Известно, впрочем, что отношения между братьями-царями были далеко не безоблачными. Муваталли дважды по неизвестным нам поводам возбуждал судебные дела против своего брата. Историки полагают, что тут не обошлось без придворных интриг и наветов. Сам царь принимал происходившее с удивительным терпением и не мстил брату.

Вот, собственно, и все, что мы знаем о царе Муваталли из хеттских источников. В них не сохранилось даже ни слова о «звездном

*Царь Муваталли (1315—1282 гг. до н.э.).
Скальный рельеф, расположенный близ города Адана*

часе» Муваталли — о битве при Кадеше. Тем не менее благодаря египетским документам мы неплохо знаем подоплеку войны и подробности главного сражения.

В то время столкновение с Египтом было практически неизбежно. Во второй половине II тысячелетия до нашей эры египетские фараоны начинают вести несвойственную их предкам политику. Вековой порядок правления забыт. Кто-то из фараонов отвергает всех прежних богов и заставляет подданных поклоняться новому и единому богу; кто-то покидает пределы Нильской долины и пускается завоевывать соседние страны, нарушая мировое равновесие. Великая война начинается на Ближнем Востоке — в Сирии, через которую пролегли важнейшие торговые пути. Здесь сталкиваются интересы хеттов и египтян.

Сирия уже была покорена прежде Египтом; ею завладел фараон Тутмос III, но впоследствии Эхнатон, занятый своей религиозной реформой, потерял благодатные северные земли. Напрасно правители сирийских городов взывали к нему: «Да даст мне царь 20 человек защищать город царя, моего господина. Тогда я пойду к нему, чтобы созерцать лицо его... Да знает царь, что мы заперты со стороны материка, что у нас нет ни воды, ни дров... Да обратит лицо свое царь на своего раба и выступит в помощь ему» (пер. Б.А. Тураева). Теперь молодой фараон Рамсес II вознамерился вернуть Сирию. Хетты же решили дать египтянам отпор.

Битва при Кадеше стала кульминацией этой борьбы. По словам Бориса Тураева, «у Кадеша столкнулись силы всего культурного мира того времени». Эта битва могла обернуться для египтян катастрофой — сродни Седану для Наполеона III. Однако хетты, как всегда, не использовали плоды победы и не разгромили Египет, а ограничились лишь подписанием мирного соглашения — первого в мировой истории.

Война началась с измены. Царь Амурру, небольшого государства в Ливане, на границе Египта и страны Хатти, вышел из состава Хеттской федерации и перешел на сторону египтян. Хетты ре-

шили покарать его за измену, ведь его поступок нарушал равновесие на международной арене. Потеря «буферного государства» Амурру заметно ослабляла южные рубежи страны.

Что было причиной измены? Возможно, фараон Рамсес подкупил царя Амурру. Его измену он использовал сполна — тут же направил в сторону Сирии свои войска. Это случилось на пятом году правления, а поскольку Рамсес правил Египтом невероятно долго, 66 лет, очевидно перед началом войны в Сирии ему было всего 20—25 лет.

Навстречу ему двинул свои войска царь Муваталли.

Точная дата битвы при крепости Кадеш неизвестна. По разным данным, она состоялась в 1296, 1290, 1285, 1275 годах до нашей эры. Зато неоспоримо ее значение. Распря Египта и Хеттского царства знаменовала новый передел мира.

Сражение произошло в Сирии, на берегах реки Оронт. Фараон Рамсес II привел сюда двадцать тысяч солдат. Его армия состояла

Хеттские воины. Рельеф из Каркемиша. Высота — 111 см.
Ассирийский стиль. Вторая половина VIII в. до н.э.

в основном из нумидийских наемников. В ней было две с половиной тысячи колесниц. Хеттское войско царя Муваталли насчитывало около тридцати тысяч воинов и три с половиной тысячи колесниц. В войске хеттов сражались и союзные им племена и народы, в том числе, так сообщают египетские писцы, филистимляне и дарданцы, известные по «Илиаде» Гомера. Сирийские наместники тайно держались хеттской стороны.

Неподалеку от Кадеша к Рамсесу привели двух перебежчиков. «Мы хотим стать слугами фараона, — рассказали они, — мы хотим сбежать от жалкого хатти. Жалкий хатти остановился в стране Хальпа. Он боится фараона и не хочет идти на юг».

Армия египтян подошла к реке. Их обоз растянулся на пятнадцать километров. На переправу ушло бы не меньше пяти-шести часов. Вот передовые отряды двинулись на другой берег. Походная колонна разорвалась. Стоило ли ждать отстающих? Фараон вынес свой приговор: «Хетты пока не подошли сюда. Им быть в пути еще несколько дней. Никакой опасности нет!»

Под стенами самой грозной крепости Сирии, готовясь ее осадить, египтяне разбили лагерь и выпрягли лошадей из колесниц, не зная, что хеттский царь, распусивший ложные слухи, находился неподалеку. Все это время Муваталли спокойно оставался в укрытии, поджидая, пока Рамсес попадет в ловушку, уготованную ему.

Вот уже колесницы хеттов, взбивая пыль, мчат сюда, но в лагере египтян все спокойно. Что волноваться? Это спешит подмога. Отдых солдат прерывают их разъяренные враги, быстро истребляя доверчивый отряд. Дивизия Ра уничтожена; египетская пехота смята. Уже гибель фараона близка. Уже к нему подвигаются хеттские воины, уже многие воины и даже колесничий, забыв о сражении, бросаются собирать богатую добычу, но радоваться рано. Битва лишь началась. Воины, подошедшие к египтянам, окружили хеттов и стали их истреблять.

Дальнейшее напоминает навязчивый сон. Снова пыль облачком, облаком, тучей темнит горизонт. Новая тысяча хеттских колес-

ниц напирает на египтян. Те едва терпят страшную атаку, как вдруг... положение меняется. Подмога, пришедшая к египтянам... Все это, кажется, было, было! Перепуганные хетты пробиваются в крепость. Поле боя остается за египтянами. На следующий день все повторяется... К вечеру хетты вновь удаляются в крепость, но и египтяне спешат отступить.

Так колебались чаши весов в этой битве. Так две мировые державы поделили власть над Востоком, и фараон «с миром вернулся в Египет, с пехотой своей и колесницами своими». Позднее эта битва была воспета в гимнах и возвеличена на фресках на стенах храмов в Карнаке, Луксоре и Абу-Симбеле. До наших дней сохранились памятные строки: «Я один был спокоен, стоя на колеснице, запряженной Победой-в-Фивах и Возрадовалась-Богиня-Мут — двумя моими великими лошадьми». Колесницы врагов ложились, разбитые, «пред копытами лошадей моих», — так полегло их две с половиной тысячи.

Конечно, в этом горделивом рассказе фараона многое преувеличено, но историки, споря о битве, где поражение и триумф чередовались с каждым часом, неизменно отдают дань храбрости фараона. Хетты почти добились успеха, но неспособны были его удержать.

Силы противника оказались равны, хоть и неравноценным было их оружие. Боевые повозки египтян были небольших размеров (1 × 0,5 метра), очень легки и подвижны. Поместиться в них могли два, редко три человека. Обычно там располагались двое: возница и воин — опытный лучник. Стреляя из лука, египтяне успевали поразить врага прежде, чем тот приблизится. Для египтян колесницы были «боевыми платформами, с которых можно было на большой скорости поражать врагов метательными снарядами, внося в ряды противника максимум замешательства», пишет Джеймс Маккуин.

А вот для хеттов «колесницы представляли собой тяжелую наступательную силу, способную мощной организованной атакой про-

рвать и уничтожить оборонительные линии вражеской пехоты». На боевых колесницах хеттов находилось по три человека: два воина и возничий. Это давало хеттам тактическое преимущество. Они могли доставить на поле сражения вдвое больше воинов, чем их противник. Кроме того, обязанности воинов распределялись: один, не думая ни о чем, атаковал противника, нанося удары копьями для ближнего боя; второй щитом защищал его и возницу с тыла. Колеса были с шестью спицами; это повышало маневренность колесницы. Основу ее составляла деревянная рама, обитая кожей. Своими военными успехами хетты во многом обязаны именно колесницам — они были настоящим «чудом искусства» (Дж. Маккуин).

В середине второго тысячелетия до нашей эры ни в один военный поход нельзя было отправиться без колесниц. Немецкий историк Ханс-Петер Юрпман полемично заявил: «Тогдашнее стратегическое значение лошадей можно сравнить сегодня разве что с атомным оружием». Кто командовал армией колесниц, тот владел победой.

Колесницы являлись главной ударной силой армии. Они были самой передовой техникой того времени. Благодаря им армия передвигалась намного быстрее, чем прежде. Она легко маневрировала. Как гром среди ясного неба обрушивалась на неприятеля. Как стая львов преследовала разбитые, разрозненные части врагов после сражения.

Было у хеттов и еще одно преимущество — их железное оружие. Оно было мощнее бронзового египетского. Хетты стремились сблизиться с врагом, чтобы нанести разящий удар копьем. Напад из засады, они теснили египтян. Когда же к тем подходило подкрепление солдат, они еще издали расстреливали хеттский отряд.

11. Почему договор хеттов хранится в ООН?

Битва при Кадеше закончилась ничем. Хетты сумели дать отпор войскам фараона. Кадеш остался в руках хеттов. История топчет на горе трупов и никуда не движется.

Царство Амурру вновь отошло к хеттам. Муваталли сместил прежнего правителя и назначил вместо него одного из преданных ему князей. Сирия по-прежнему осталась владением хеттов. Они даже продвинулись в сторону современного Дамаска (Кадеш лежал близ современного сирийского города Хомса). Моральную победу одержали хетты. Египет перестал считаться самой могущественной державой мира. Хетты оказались достойным противником.

...Потом были еще восемнадцать лет вражды. Они кончились «вечным миром». Был заключен первый в истории известный нам международный договор. Подписав его, египтяне признали победу хеттов в Кадеше. Египетский фараон и хеттский царь поклялись жить в мире и дружбе. Сферы влияния хеттов и египтян были четко разграничены. Палестина, большая часть Финикии и Южная Сирия остались за Египтом. Северная Сирия отошла к хеттам.

Это был звездный час Хеттской державы. Теперь она простирается от Черного моря на севере до Бейрута на юге, от Милета и побережья Эгейского моря на западе до Алеппо и верховий Евфрата на востоке.

Царь Муваталли не дожил до заключения мирного договора. Договор прославил другого хеттского царя — Хаттусили III. Он был младшим сыном Мурсили II, но совсем не походил на своего строгого, рассудительного и благочестивого отца и добродушного брата. Он рос болезненным ребенком; его считали мало на что годным и ожидали его скорой смерти. Лишь заступничество брата помогло ему получить место в храме Иштар в Самухе. Очевидно, сам отец был невысокого мнения о своем сыне, раз за него пришлось замолвить словечко брату. Став царем, Муваталли вновь позаботился о брате и назначил его правителем северных провинций страны.

Однако Хаттусили, если верить дошедшим до нас документам, отплатил своему покровителю черной неблагодарностью. Едва получив власть, он стал плести заговоры против царя. Хаттусили — вопреки воле брата — привлекают к суду, но обвинить в государственной измене не удается.

Конечно, с высоты веков можно было бы счесть это обвинение клеветой, но ведь впоследствии он и впрямь пришел к власти, подняв мятеж против законного царя — своего племянника. Даже его сын, Тудхалия IV, назовет отца «мятежником». Он же считал свои дела «предопределением богов» и полагал, что ему покровительствует его недавняя «повелительница» — богиня Иштар Самухи. Он был уверен в своей правоте: «Богиня, госпожа моя, всегда держала меня за руку. Я был тем человеком, кому была явлена власть богини, и перед лицом богов в божественном чуде я шел. Мне не случалось делать дурного дела человеческого».

У покойного царя Муваталли не было сына от главной жены. Поэтому новым царем стал его сын от жены второго ранга — Урхи-Тешуб, принявший имя Мурсили III. Он вззошел на трон в полном соответствии со старинной традицией — то есть с указом Телепину.

Однако недавний соправитель царя, Хаттусили, не рискнувший захватить власть в стране, почувствовал себя обойденным. Он все еще правил как самодержец северной частью царства, оставаясь в своей столице — Хакписсе. Его своеволие дошло до того, что он еще при жизни Муваталли, наперекор царю, приютил у себя изменника: Бентесину, правителя Амурру, по вине которого сошлись в битве египетская и хеттская армии. На его дочери он женил одного из своих сыновей.

Неудивительно, что Хаттусили всячески стал третировать своего племянника, вмешиваясь в управление страной. Сделать это было тем легче еще и потому, что Урхи-Тешуб к тому времени вновь перенес свою столицу в Хаттусу, поскольку угроза египетского нападения миновала. По словам Хаттусили, его племянник постепенно стал отнимать его владения. «Он забрал у меня Хакписсу и Нерик, и тогда я перестал подчиняться и восстал против него... Я сделал это не греховным путем, не напал на него в колеснице и не напал на него в доме, а [открыто] объявил ему войну... Пусть Иштар Самухи и бог Грозы Нерика рассудят нас». В конце концов Иштар оказала Хаттусили «великие милости»; он запер юного царя «как сви-

ню в закуте», а затем прогнал в Сирию. «И вся Хаттуса перешла на мою сторону».

Сам же Хаттусили в пятьдесят лет поднялся на трон, который ему не подобал. Чтобы задобрить священников, он, вероятно, щедро осыпал их дарами. Кроме того, он женился на Пудухепе, дочери жреца из Киццуватны, видимо, самой выдающейся правительнице в истории хеттов.

Свергнув племянника, Хаттусили сделал еще один умный и коварный ход: назначил его правителем Нухашше — отдаленной провинции, лежавшей в Северной Сирии. Понятно ведь, кто правил царством и был лишен его, тому не в радость владеть одной жалкой провинцией. Он попытается вернуть себе власть; он будет интриговать — и лишь вернее запутается в расставленных вокруг него сетях. Он непременно совершит государственную измену и будет законно наказан. «И выдала мне Иштар, моя повелительница, — радовался Хаттусили, — в руки мне моих завистников, хулителей и противников. И умерли одни из них насильственной смертью, другие — естественным путем. Но всех покарал я». Низложенный Урхи-Тешуб был удален из Нухашше и отправлен «в сторону моря», — возможно, на Кипр.

«Все другие хеттские цари тоже были честолюбивы, — писала Маргарита Римшнайдер, — но никто из них не был таким непривлекательным человеком, как этот обманчиво тихий, но суровый интриган».

Словно ожидая хулы от потомков, он спешит оправдать в своей летописи совершенные им деяния. Хроника Хаттусили III разительно отличается от традиционных хеттских хроник, поражающих своей четкой, логичной системой изложения. Скорее она напоминает защитительную речь, но речь сбивчивую, изворотливую, речь человека, который боится взглянуть фактам в лицо. Так, описывая свои походы, он всякий раз преувеличивает силы врагов, а свои силы явно преуменьшает — тем не менее стараниями богини Иштар он всегда одерживает победу: «Случилось же, что напал враг

из города Писуры... Колесниц у него было 800 упряжей, а пеших солдат и вовсе не счесть. Меня же послал мой брат Муваталли. И дал мне 120 колесничных упряжей. Пеших солдат же со мной не было ни одного человека. И тут опять помогла мне Иштар, моя госпожа, и так победил я врагов своими силами».

События биографии Хаттусили III можно трактовать по-разному, но одно не вызывает сомнений. Именно ему, «суровому тихоне», довелось пожинать плоды побед, возвращенные его предшественниками.

Переговоры с Египтом продолжались долго и были очень трудными, ведь в истории обоих государств не было подобного прецедента. Вспыхнувшая эпидемия, а также смена царя на хеттском престоле отсрочили подписание договора. И вот наконец правители Египта и Хеттской державы обменялись условиями вечного мира, выгравированными на серебряных пластинках.

«Идея мирного сосуществования двух сверхдержав, выраженная в этом договоре, — отмечает немецкий историк Ева Канцик-Киршбаум, — совершенно нова. Для Хеттской державы характерна странная смесь древневосточных традиций и ультрасовременных идей. Ничего похожего мы не найдем в тогдашнем мире».

Договор действовал вплоть до падения Хеттской державы. Его текст сохранился на египетском и аккадском языках — в то время последний был языком международной дипломатии. Копия этого договора хранится сейчас в Нью-Йорке, в здании ООН как символ стремления народов к мирному сотрудничеству на договорной основе.

Этот договор стал образцом для всей древневосточной дипломатии. Даже завет, заключенный Иисусом Навином с народом Израиля (Ветхий Завет), составлен по образцу светских договоров того времени. Вначале упоминаются участники соглашения и излагается его предыстория. Затем рассказывается, как отныне должны вести себя участники договора. Египтянин и хетт заключали договор, «чтобы был добрый мир и доброе братство между нами веко-

вечно: он в братстве со мной, и я в братстве с ним, в мире с ним вековечно... И не случится вражды между нами вековечно. И не нападет правитель хеттов на землю Египетскую вековечно» (*пер. Н.С. Петровского*). Такой же вековечный мир обещан всему народу Израиля, если не посягнет он на владения Господа: «...служите Ему в чистоте и искренности, отвергните богов, которым служили отцы ваши... а служите Господу» (Иис. Нав. 24, 14). Затем перечисляются отдельные положения договора: «Если выступит другой враг против земель... великого властителя Египта...», «Если же выступит другой враг против земель правителя хеттов...», «Если же выступят подданные правителя хеттов против него...», «Если вы оставите Господа и будете служить чужим богам...» (Иис. Нав. 24, 20). Затем следует перечень свидетелей. В одном случае это египетские и хеттские боги, призванные в свидетели. В другом случае — «...вот, камень сей будет нам свидетелем, ибо он слышал все слова Господа, которые Он говорил с нами [сегодня]» (Иис. Нав. 24, 27). Наконец следуют магические формулы и проклятия.

Серебряные пластинки, на которых был записан договор между хеттами и египтянами, теперь утеряны. Текст договора сохранился лишь на глиняных табличках, найденных в Богазкее, а также в надписях на стенах Карнакского храма и заупокойного храма фараона в Фивах — Рамессеуме. Обе редакции совпадают по содержанию и разнятся в небольших, но важных деталях. Так, египетские писцы упоминают первым «великого властителя Египта, могущественного», а хеттские писцы — «царя хеттов Хетесера [Хаттусили], могущественного». Хаттусили диктует: «Смотри, вступил Хетесер, правитель хеттов в договор с Усермаатра-Сетепенра [Рамсесом], великим властителем Египта». Рамсес диктует с точностью до наоборот.

Данный документ представляет собой, во-первых, пакт о ненападении, а во-вторых, документ о военном сотрудничестве в случае нападения на одного из союзников «другого врага». Договор гарантирует мир и безопасность всем странам Леванта. Значитель-

ная часть его текста представляет собой соглашение о выдаче государственных преступников — перебежчиков, будь то знатные люди либо люди, «которых не знают [люди незначительные]».

Тринадцать лет спустя договор был скреплен брачными узами — женитьбой фараона Рамсеса на хеттской царевне Наптере, ставшей его главной женой. К этому времени Хеттская империя находилась на вершине своего могущества. Недаром в египетских надписях так сказано о прибытии невесты: «Хозяин дворца был рад, когда узнал об этом необычайном событии, подобного которому в Египте совершенно не было известно. Он выслал войско и знатных людей, чтобы они ее тотчас встретили».

Воистину свадьба Рамсеса и Наптеры стала одним из крупнейших празднеств того времени: «Дочь великого царя хеттов прибыла в Египет. Пешие воины, конные воины и знатные люди его величества сопровождали ее, смешавшись с пешими воинами, конными воинами и людьми знатными страны Хатти... Все люди страны Хатти смешались с людьми Египта. Они сидели и пили вместе. Они были единокорны, как братья и сестры, и не один не питал злобу против другого. Мир и дружба были между ними».

В таком же эпическом стиле описывается сама невеста: «И тут увидел его величество, что ее лицо прекрасно как лицо богини. И было это великим, удивительным событием, великолепное, неведомое прежде чудо, подобного которому никто и поведать не мог, подобного которому не найти в письменах предков... Он [фараон] полюбил ее больше, чем всех других, чем все прекрасное, что даровал ему отец [бог] Птах... Это было непостижимое, неведомое чудо, что привел в Египет его отец Птах».

Так, почти через столетие после неудачной женитьбы сына Суппилулиумы I хеттский и египетский цари все-таки породнились. Что не удалось вдове Тутанхамона, свершил последний великий правитель Египта — Рамсес II. К сожалению, мы ничего больше не знаем о хеттской принцессе Наптере, хотя ее муж правил Египтом еще тридцать лет.

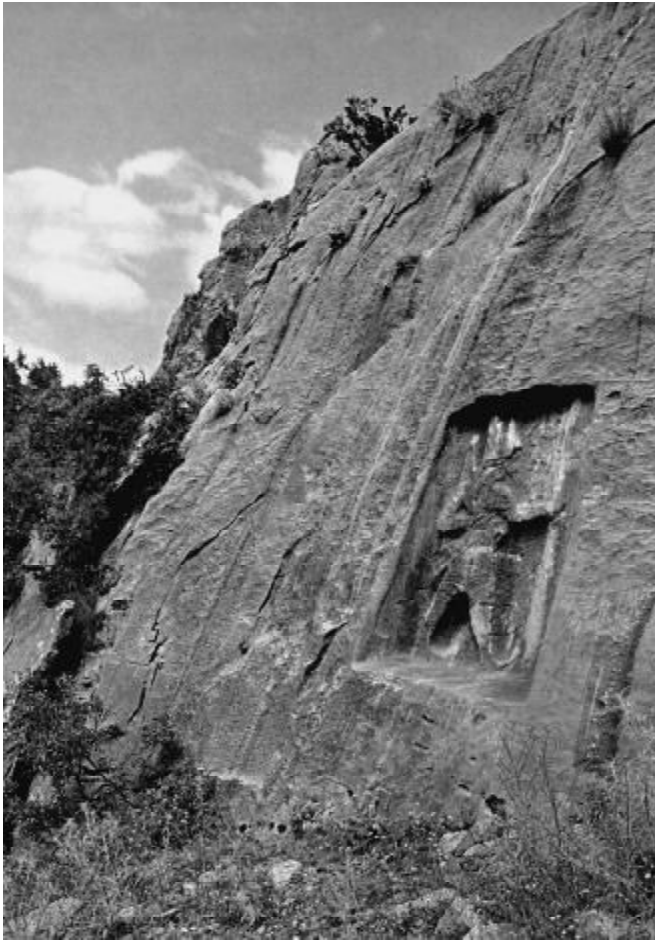
Можно по-разному трактовать характер Хаттусили III, его человеческие качества, но трудно отрицать, что он был одним из самых великих хеттских царей. Он ведет мудрую международную политику. Даже в свой звездный час Хаттусили III продолжает укреплять положение Хеттской державы.

На восточных границах страны он пытается сравить Вавилон и Ассирию, применяя все свое дипломатическое искусство. Сближившись с Вавилоном, он дружит с ним «против ассирийцев», рассылая подметные письма вроде следующего послания к юному царю Вавилона: «Я слышал, что мой брат теперь стал мужчиной и отправляется на охоту. Теперь скажу моему брату: ступай и разграбь страну врага (Ассирию. — *Авт.*)... О моем брате говорили: «Царь, что сложил оружие и сидит [без дела]!» Да не скажут о тебе теперь такого!.. Мой брат, не сиди там! Ступай в страну твоего врага и разбей врага! Ведь знай, что ты идешь против страны, которую превосходишь числом в три-четыре раза!»

Раздавая подобные «дружеские» советы, царь Хаттусили с полным правом мог горделиво заявлять: «Цари, что были в согласии с Хеттской страной до меня, остались в согласии и со мной. Они изъявляли готовность направлять ко мне посланников; они изъявляли готовность посылать мне подарки. Подарки же, которые они мне присылали, они никогда не присылали ни моему отцу, ни моим предкам. Кто из царей обязан был мне повиноваться, повиновался мне. Но кто был моим врагом, того победил я».

Сын Хаттусили III, Тудхалия IV, пришедший к власти вскоре после свадьбы сестры с фараоном Рамсесом, стал правителем великой, могущественной державы. Время его правления еще относится к периоду расцвета Хеттского царства.

Внутреннее положение державы было стабильно, а границы защищены от врагов. Хетты не потеряли ни пяди земли в Сирии. Правители страны Амурру, разделявшей хеттские и египетские владения в Сирии, по-прежнему считали себя вассалами Хеттского царства. Так, царь Тудхалия считает себя вправе запретить прави-

Близ Измира, на западе Малой Азии, в местечке Карабел, высечен громадный скальный рельеф — портрет победоносного хеттского царя Тудхалии IV, вооруженного луком, мечом и пикой

телю Амурру торговать с Ассирией: «Пусть не идет от тебя купец в страну Ассирию и не пускай к себе в страну купца оттуда, да не идет он по твоей стране».

Лишь на западе периодически приходилось совершать походы против Аххиявы и Арцавы, да на востоке все же произошло столкновение с ассирийцами, но эти конфликты не угрожали положению империи.

Царь Тудхалия, очевидно, сознавал опасности, грозившие Хеттской стране. Своими указами он стремился поднять дисциплину в войсках: «Если офицеры или солдаты дезертируют, об этом должно быть немедленно сообщено во дворец. И если сам царь идет в поход, то и солдаты должны сражаться изо всех сил. И если нужно сделать работу, пусть выполняют ее по совести и делают надолго».

Тудхалия укрепил границы империи на западе, разбив страну Ассува. Очевидно, в память об этой победе близ Измира, на западе Малой Азии, в местечке Карабел, высечен громадный скальный рельеф — портрет победоносного хеттского царя, вооруженного луком, мечом и пикой. Название же побежденной страны — Ассува (Assuva) — возможно, дало название западному побережью Малой Азии, а затем и всей части света, лежавшей для греков и римлян по ту сторону Эгейского моря — Азия.

Вероятно, в пору правления царя Тудхалии IV (по мнению некоторых историков, в пору правления Арнуванды III) при поддержке сирийского флота был захвачен и остров Кипр (Аласия), изобиловавший медью. Здесь имелись самые богатые медные рудники Древнего мира. Хеттский царь захватил много серебра, золота и пленных, а также увез с собой царя Аласии, его жен и сыновей.

Об интересе хеттов к Аласии свидетельствует и хеттский документ, найденный в 1961 году. В нем говорится о победе в морском бою над судами Аласии (вероятно, этот бой состоялся при Суппилулиуме II). Примечательно, что остров Кипр — единственное заморское владение хеттов. Никогда прежде они не проявляли интерес к морским плаваниям и покорению земель, лежащих за морем.

Царь Тудхалия IV под защитой бога Шаррумы. Рельеф на восточной стене святилища Язылыккая. 1250—1220 гг. до н.э.

Тудхалия IV был великим царем. В годы его правления хеттское искусство достигло своего расцвета. Пожалуй, ни от одного хеттского правителя не сохранилось столько портретов, сколько от Тудхалии IV. Так, в святилище Язылыккая он изображен дважды. По всей вероятности, там же находилась и его статуя. Историки предполагают, что изображения богов на стенах этого святилища тоже высечены по указанию Тудхалии. Он проявлял большой интерес к религиозным праздникам и даже реформировал проведение некоторых церемоний.

На своем гербе Тудхалия IV первым из хеттских царей поместил надпись «Сар кисати», «Царь обитаемого мира» (буквально «царь всего»). Это был ассирийский титул — так именовал себя царь Адад-Нирари I (1290—1265 гг. до н.э.). Очевидно, Тудхалия решил взять этот титул, чтобы подчеркнуть свое главенствующее положение в Передней Азии. До гибели Хеттской империи оставалось несколько десятилетий.

При преемниках Тудхалии IV — его сыновьях Арнуванде III и Суппилулиуме II — Хеттское государство постепенно приходит в упадок.

На западе все сильнее влияние Аххиявы. Высвобождается из-под хеттской власти Арцава. Вторгаются племена фригийцев.

Часть третья ХЕТТСКИЙ МИР ВО ВСЕМ КРОВОЖАДНОМ МИРЕ

1. Серебро за око, серебро за зуб

Хетты умели сражаться, но, по меркам того времени, были людьми мягкими и избегали жестокости. «У хеттов, — подчеркивал Оливер Герни, — полностью отсутствовала страсть к пыткам и жестокости, которая так явно проглядывает в победных анналах ассирийских царей». Побеждая врага, они не попирали его; покоряя, не истребляли; подчиняя, не уничтожали. Да, они правили твердой рукой, но действовали очень дипломатично. Они делали все для того, чтобы жители завоеванных земель уважали своих новых правителей, повиновались им из любви, а не из страха, как то было в Ассирийской державе.

Судя по всему, хетты очень остро чувствовали справедливость. Их законы довольно гуманны. Почти за любое преступление виновные караются натуральным или денежным штрафом. Так, убийца мог отделаться тем, что хоронил убитого за свой счет и отдавал его родным четырех людей — своих рабов или домоладцев. Смертная казнь фактически находилась в Хеттской державе под запретом. Лишь царь вправе был приговорить кого-либо к смерти.

К сожалению, нам неизвестен полный свод хеттских законов — такой, как «Законы Хаммурапи» или «Кодекс Юстиниана». Мы лишь располагаем двумя таблицами, содержащими по сто законов каждая, и знаем немного о том, как применялись эти законы.

На взгляд дилетантов, сборники законов — книги, совершенно скучные и однообразные. Их применяют по необходимости и выборочно, подбирая к тому или иному инциденту наиболее подходящий закон. Главное, что требуется от сборника законов, — это строгая упорядоченность. Однако хеттские законы в том виде, в каком мы их знаем, менее всего похожи на строгую систему. Они носят казуальный характер и не охватывают всех сторон общественной жизни. Вторая таблица вообще производит впечатление беспорядочной выписки каких-то установлений, и ее содержание лишено всякой логики. Вряд ли это законодательство писал юрист.

Так, часть второй таблицы занимает перечень цен на продукты и расценок за выполнение определенных работ, что очень необычно для законодательства. Вот примеры подобных статей:

«Цена ткани хуппусант — 1 сикль (8,4 грамма. — *Авт.*) серебра. Цена тонкой ткани — 30 сиклей серебра. Цена голубой шерстяной ткани — 20 сиклей серебра... Цена тонкой одежды — 3 сикля серебра... Цена 1 циппадани (100 кубических сантиметров) растительного масла — 2 сикля серебра, 1 циппадани сала — 1 сикль серебра, 1 циппадани сливочного масла — 1 сикль серебра, 1 циппадани меда — 1 сикль серебра» (*здесь и далее пер. В.В. Иванова*).

«Если кузнец сделает медный желоб весом в 1/2 мины (505 граммов. — *Авт.*), [то] его плата [составляет] 1 1/2 [?] меры зерна. Если он сделает топор весом в 2 мины, [то] его плата [составляет] 1 меру полбы». А если он сделает скобу? Закон молчит.

Разве может закон диктовать единые тарифы и расценки для различных районов страны и на все времена? В условиях древнего общества соблюдение подобного закона немислимо. Историки предполагают, что эти законы лишь устанавливали «ценовой максимум».

Возможно, полагают некоторые исследователи, эти таблицы представляют собой не законодательство, а лишь «проект пересмотра отдельных хеттских законов». Хетты, отмечал Оливер Герни, «без колебаний вносили в законы реформы»; их право «было развивающимся институтом». Составитель (или составители) этих таблиц в одних случаях, очевидно, был не согласен с принятыми прежде наказаниями. Поэтому в тексте законов порой появляется ссылка на то, каким было прежде наказание за этот проступок, например: «Если кто-нибудь украдет тяжелую повозку со всеми принадлежностями, [то] прежде обычно давали 1 сикль серебра. Теперь же он должен дать [?] сиклей серебра». «Если свободный человек совершит кражу в доме, то он должен отдать вещи в целостности и сохранности. Прежде за воровство обычно давали 1 мину серебра. Теперь же он должен дать 12 сиклей серебра».

«Если кто-нибудь украдет 2 улья или 3 улья, [то] прежде его [виновного] отдавали на съедение пчелам. Теперь же он должен дать 6 сиклей серебра».

Иногда наказание, выносимое прежде человеку, заменяли теперь наказанием животного — своего рода «козла отпущения». Вот подобный пример: «Если кто-нибудь посеет семя [на засеянное поле], то его шея должна быть положена под плуг... Человек должен умереть, и быки должны умереть. И тот, кто прежде [первым] засеял поле, должен взять его. Прежде делали так. Теперь же человек заменяется 1 овцой, [и] 2 овцы заменяют быков. Он должен дать 30 хлебов [и] 3 кувшина пива... И тот, кто прежде [первым] засеял поле, должен снять с него урожай».

Возможно, что автор таблиц считал нужным вообще исключить некоторые законы из прежнего законодательства и добросовестно их выписал. Вот почему эти таблицы содержат упоминания о каких-то незначительных, а то и невероятных проступках. Судите сами: «Если кто-нибудь бросит овцу волку, ее хозяин должен взять мясо, а он [сам] должен взять себе шкуру овцы».

«Если собака сожрет свиное сало и хозяин сала найдет ее, он ее может убить и достать сало из ее желудка».

«Если кто-нибудь украдет во время ссоры дверь, то он должен возместить все, что пропадет [в доме]».

«Если мужчина совершит грех с лошастью или мулом, наказания быть не должно».

В то же время многие важнейшие правовые статьи вообще отсутствуют. Так, здесь мало законов, посвященных семейным отношениям; в частности, никак не регулируются вопросы наследства и усыновления. Нет законов, относящихся к заключению договоров. Практически не рассмотрены вопросы брачного права.

Можно полагать, что брак в стране хеттов был моногамным. Лишь цари могли по восточной традиции содержать гарем. По различным документам восстановлены и другие брачные обычаи хеттов; они схожи с вавилонскими. Вначале заключалась помолвка, причем девица могла ее разорвать, вернув жениху подарок. Во время женитьбы семья невесты снова получала подарок от жениха, а невеста — приданое от своего отца. По смерти жены ее приданое наследовал муж в том случае, если она жила в его доме; если же она оставалась в родительском доме, наследство, вероятно, получили дети.

Всего этого нет в известных нам хеттских законах. Возможно, причина подобных пробелов в том, что автор этих законов занимается лишь реформированием отдельных разделов права, которые, на его взгляд, требуют улучшения или переработки.

Подобные рассуждения наводят на мысль о том, что у хеттов существовал определенный кодекс, текст которого пока не найден, хотя копии уже известных нам законов обнаруживаются. В развалинах Богазкея найдено много фрагментов глиняных табличек с законами.

Возможно, полагают некоторые исследователи, у хеттов все-таки никогда не было полного свода законов. Зато, по примеру некоторых других древних народов, хетты выставляли в храмах и на ры-

ночных площадях таблицы с некоторыми законами, чтобы каждый мог прочитать их, — и именно эти таблицы попадают археологам.

Если же у хеттов существовал свой кодекс законов, то возникает вопрос: «Когда он появился?» Может быть, хетты жили по этим законам еще до того, как переселились в Малую Азию, и они представляют собой древнейший образец индоевропейского права?

Впрочем, даже располагая лишь отдельными выписками из хеттских законов, мы можем рассуждать о том, каким было хеттское законодательство. А оно было поразительно современным. Вот, например, ни в одном из законодательств древнего Востока не уделяется внимание умышленным убийствам. Ведь человека, совершившего убийство, карают — по праву кровной мести — родственники убитого.

Между тем в уже известном нам «Указе Телепину» тоже упоминается кровная месть, но здесь уже появляется выбор: «Закон крови таков. Кто совершит кровное преступление, то, что ни скажет «хозяин крови» (то есть ближайший родственник. — *Авт.*), то и будет. Если он скажет: «Пусть он умрет», то он умрет, но если он скажет: «Пусть он заплатит за содеянное», тот заплатит за содеянное. Но к царю обращаться не должно».

В найденных же табличках законов (а они относятся тоже к XVI веку до нашей эры, когда правил Телепину) говорится уже не о кровной мести, а о возмещении ущерба, причем наказание ставится в зависимость от того, было ли убийство намеренным или же нет. В первом случае цена убийства выше: «[Если] кто-нибудь убьет [во время ссоры мужчину] или женщину, то [он должен сам доставить труп]; 4 человека он должен дать [взамен], мужчин или женщин соответственно, и в дом его [их] он должен отправить». Во втором случае наказание таково: «[Если] кто-нибудь ударит свободного мужчину или несвободную женщину, и если тот [та] умрет, причем рука его [неумышленно] [совершит] зло, то он должен сам доставить труп; 2 человека он должен дать [взамен], и в дом его [их] должен отправить».

Хетты были первыми, кто стал подобным образом разграничивать убийства. По всей видимости, под людьми, доставленными в дом убитого, имеются в виду рабы, которым придется заменять погибшего работника, а вовсе не люди, приносимые в жертву при погребении. Ведь при похоронах убитого раба не могли совершать никаких жертвоприношений, однако закон также требовал дать человека взамен убитого раба.

В свою очередь, убийство по неосторожности, похоже, не выделяется в отдельную категорию преступлений. Вот пример одного из хеттских законов: «Если свободный человек подожжет дом, [то] он должен снова построить дом. Он непременно должен возместить за то, что пропадет в доме, будь то человек, крупный рогатый скот или овцы». Для автора закона данный случай представляет собой «поджог», а не покушение на убийство находившегося в доме человека, который считается «случайно пострадавшим».

Хеттский законодатель (или реформатор хеттских законов), возможно, им был царь Телепину, реформировавший систему престолонаследия в стране, — подчеркнем еще раз, человек гуманный. Ему не нравятся жестокие, бесчестящие людей наказания, например, вырывание ноздрей и ушей. Сохранился документ, в котором царь увещевает судей, как подобает им судить. Им нужно «делать то, что законно» и «правосудие вершить мягко».

Среди хеттов возобладала идея исправления допущенного злодеяния и покаяния человека, содеявшего зло. Вот еще некоторые выписки из хеттских законов: «Если кто-нибудь убьет хеттского торговца, то он должен дать 100 мин серебра, и в дом его их должен отправить».

«Если человек, мужчина или женщина, умрет насильственной смертью в другом селении, то тот, на чьей земле он умрет, должен отрезать 100 гипессаров [от своего] поля, и он [наследник] должен получить их» (гипессар = 176,4 квадратного метра — *Авт.*).

«Если кто-нибудь откусит нос рабу или рабыне, [то] он должен дать три сикля серебра, и в дом его их должен отправить».

«Если кто-нибудь ударит собаку пастуха и она издохнет, [то] он должен дать 20 сиклей серебра. И их в дом его он должен отправить».

Разумеется, милосердие не бывает без границ. В том же документе сказано: «Если кто-нибудь выступит против царя, его дом будет разрушен». Хеттские документы, хоть и редко, допускают применение смертной казни. Так, в некоторых случаях наказывают колдовство: «Если свободный человек убьет змею [и] произнесет при этом имя другого [человека], то он должен дать одну мину серебра. Но если он [виновный] — раб, то он должен умереть». Смертью наказываются и кража культовых предметов: «Если кто-нибудь украдет бронзовое копье в воротах дворца, то он должен умереть». Так же сурово наказывали за противление властям: «Если кто-нибудь воспротивится решению сановника, то ему должны отрезать голову».

Вообще же хеттские законы меньше всего напоминают законы мести. В уголовном законодательстве хеттов нет места привычному на древнем Востоке принципу: «Око за око, зуб за зуб» (Лев. 24, 20). В хеттской редакции этот принцип выглядит более прозаично: «Если кто-нибудь ослепит свободного человека или выбьет ему зуб, [то] прежде обычно давали одну мину серебра, теперь же он должен дать 20 сиклей, и в дом их он должен отправить».

Хеттские законы, скорее, возмещают ущерб от содеянного — ущерб, который приходится исчислять в минах и сиклях серебра. Самому преступнику предлагается восстановить справедливость, отдав определенное количество денег или какие-либо предметы пострадавшему или его семье. Хетты стремятся восстановить порядок, а не покарать за его нарушение. Их законы — рациональны и рассудительны; эти законы удерживают людей от слепой ярости, от расправы с преступником. Разумеется, эти законы прощают людей, допустивших расправу в состоянии аффекта, то бишь в порыве гнева, но удерживают судей от повторения той же ошибки. Так,

мужчина вправе убить жену и соблазнителя, застигнутых им, но, если он приведет их на суд, «царь может даровать им жизнь».

Судебные разбирательства, насколько нам известно, ведутся тщательно. Мы располагаем протоколами судебных разбирательств, проводившихся при дворе хеттского царя. В эти протоколы вносились признания свидетелей; на их основе и принимались решения. Свидетелей опрашивали с необычайной педантичностью, расследуя случившееся пункт за пунктом. Для нас в подобных методах допроса нет ничего удивительного, однако на древнем Востоке такой способ вынесения приговора был в диковинку. Библейская история царя Соломона дает хорошее представление о методах восточного судопроизводства. Подобно Соломону, судьи полагались на мудрость Божию. Хетты же предпочитали наитию долгий, утомительный расспрос.

Любопытно, что похищение человека наказывалось ими строже, чем убийство. «Если в городе Хаттусе какой-нибудь человек страны Хатти украдет человека страны Лувия, [то] прежде обычно давали 12 человек, теперь [же] он должен дать 6 человек, и в дом его их он должен отправить». Объясняя этот парадокс, можно предположить, что в то время похищение людей было широко распространенным способом добычи себе работников. Рассматривая подобные преступления, судьи оценивали, кто был преступником и кто — потерпевшим, свободный человек или раб, а также, откуда родом был человек — из страны Лувия или из страны Хатти — и где совершено преступление. Разумеется, что в своей стране хотелось бы большей безопасности, чем в чужой.

Хеттское право не знает деления людей на классы; их разделяют лишь на свободных и несвободных, причем за преступления, совершаемые против последних, наказание бывает в среднем в два раза меньше, чем за такие же преступления, совершаемые против свободных людей.

Отношения между господином и его рабами носят, скорее, патриархальный характер. Хетты не видят ничего унижительного, на-

зывая себя «рабами бога» и даже считают, что люди относятся к своим рабам лучше, чем боги к ним (подобное сетование встречается, например, в «Молитве Мурсили»). Даже наказывая раба, хетты считают, что наказание должно быть «соразмерным» проступку. Разве понятна была эта мысль ассирийцам? Те готовы были мстить любым врагам — и истреблять их. Что уж говорить о рабах?!

В любом случае права рабов в хеттском обществе определенным образом уважались. Так, рабы могли жениться на свободных женщинах, и это не понижало социальный статус последних. Женщины оставались свободными — за исключением двух случаев: «Если надсмотрщик или пастух убежит со свободной женщиной и не даст за нее [брачного] выкупа, [то] она должна стать рабыней на третий год». Непонятно, правда, почему две эти профессии — надсмотрщика и пастуха — считаются такими унижительными для человека, что низводят его спутницу жизни до рабского состояния.

При внимательном рассмотрении очевидна и схожесть некоторых хеттских законов с древневосточными. Вернемся, например, к упомянутому закону: «Око за око, зуб за зуб». Мы уже говорили, что хетты отказываются от этого принципа, распространенного на древнем Востоке и увековеченного не только Библией, но и законами вавилонского царя Хаммурапи (ок. 1792—1750 гг. до н.э.), например: «Если человек выколол глаз сыну человека, [то] должны выколоть ему глаз».

«Если он переломил кость человеку, [то] должны переломить ему кость».

«Если человек выбил зуб человеку, равному ему, [то] должны ему выбить зуб» (пер. Л.А. Липина).

Однако нам известны также более древние месопотамские законодательства, например законы Ур-Намму (ок. 2112—2094 гг. до н.э.), приписываемые основателю третьей династии Ура. Согласно им, за преступление не мстят, а требуют возмещения его ущерба, например: «Если человек другому человеку оружием [?] конечность повредил, он уплатит десять сиклей серебра».

«Если человек другому человеку сломал орудием кость, он уплатит одну мину серебра».

«Если зубы ему он выбил, он уплатит два сикля серебра» (пер. В.А. Якобсона).

Почему хеттские законы ближе древнейшим законам Месопотамии, а не законам Хаммурапи? Возможно, хетты переняли эти законы вместе с клинописью около 2000 года до нашей эры, то есть во время правления третьей династии Ура.

2. Империя? Царство?

Соединенные Штаты Азии?

Завоевательная политика хеттов также решительно отличалась от традиционной для того времени практики. Чаще всего хетты стремились присоединить соседние страны не военным путем, а дипломатическим. Они аннексировали их, заключая договоры с их элитой. Ева Канцик-Киршбаум называет политику царей Новохеттского царства, начиная с Суппилулиумы I, «просто гениальной». Подобная аннексия «требовала минимальных затрат, а значит, была экономически очень выгодным делом».

Так, были поглощены, — как правило, мирным путем, — ряд мелких государств, лежавших к югу от Анатолии: Каркемиш, Тархунтасса, Алалах, Угарит и Хальпа.

Миролюбием проникнуты хеттские хроники. Если ассирийский царь Саргон II посвящает целую стелу (430 клинописных строк) резне, учиненной им во время похода в Урарту, то хеттские авторы почти не интересуются подобными «подвигами». Так, в надписи, оставленной во время правления царя Мурсили II, восемнадцать строк посвящены предыстории его войны с царем каскеев Пиххунией и лишь пять строк — походу в страну каскеев и итогу этой войны.

Как подчеркивает немецкий исследователь Франк Штарке, «хетты отмечали, прежде всего, какими средствами царь и его прибли-

женные пытались уладить назревавший конфликт, какие переговоры вели с противной стороной и почему мирное решение не заладилось и дело дошло до войны». Для начала хеттский царь послал противнику письмо с требованием выдать перебежчиков. Если тот отказывался от полюбовного решения спора, то его извещали, что разрешить дело может лишь война, а значит, в дело вмешиваются боги, хранящие их державы. Хеттский царь предупреждал своего противника: «Боги станут на мою сторону и решат дело в мою пользу». Подобным образом цари хеттов вели себя даже в конфликтах с мелкими племенными вождями.

А итогом разразившейся войны не могла быть резня. Хеттские правители — в отличие от пришедших им на смену ассирийцев — не требовали с покоренных земель непомерной дани. Чаще всего они не покушались даже на суверенитет захваченных ими стран. Договор предусматривал, что заключивший его царек по-прежнему оставался у власти. Передача власти законным наследникам гарантировалась. Если вассал был предан Хеттской державе, ему позволялось участвовать в управлении ею. Он был допущен хеттским царем к принятию важнейших решений, получая, так сказать, «совещательный голос». Разумеется, он отправлял хеттскому царю дань — рабов, золото, различные продукты, ведь тогда это было естественным правом победителя, но в остальном с ним обходились как с «братом», делали все, чтобы его страна не восстала. Аннексированная территория теряла право лишь на проведение независимой внешней политики, да и то не всегда.

Из сохранившихся документов известно, что некоторые из таких территорий, например Хальпа, продолжали поддерживать оживленную торговлю с ярим противником хеттов — Ассирией. Лишь когда между двумя державами разгорелась война, хеттский царь наложил запрет на торговлю с Ассирией, которому должна была подчиниться и Хальпа. Впрочем, прием иностранных посольств категорически запрещался.

Таким образом, Хеттское царство было устроено по... федеративному принципу, столь популярному в наше время. Его можно назвать (как мы уже это делали не раз) «Хеттской федерацией». Подобная «воля к децентрализации», как выразился Франк Штарке, была абсолютно внове для древнего Востока. Хеттская держава в некотором смысле была не царством, не империей, а «Соединенными Штатами Азии».

Сложная система договорных отношений со своими соседями позволила хеттам создать вокруг своих границ сеть «буферных государств», что давало возможность контролировать всю Переднюю Азию. Под влиянием хеттского царя оказались регионы, лежавшие далеко от Хаттусы. В то же время управление ими не требовало особых экономических затрат.

Данный военно-политический блок просуществовал более ста лет и выдержал серьезнейшую проверку — войну с египтянами. Ассирия и Египет пытались переманить на свою сторону сирийских союзников хеттов — но без особых успехов. «Братские» отношения с хеттами казались местным правителям выгоднее полной покорности перед каким-либо деспотом или же независимости, которую никто из них не мог отстоять.

Эти «верноподданнические настроения» — заслуга самих хеттов. Они очень серьезно относились к любым договорам, заключенным с соседями. Если договор будет нарушен, страшно не то, что обиженный царь может начать войну — в этом как раз угрозы часто не было! — а страшно то, что боги, перед ликом которых клялись, могут отвернуться от бесчестного правителя и тогда на страну обрушатся беды. Когда небесный порядок нарушен и боги оскорблены, тогда вершится страшное: «Сын убивает отца, брат губит брата, и истребляет себя всякая плоть и кровь». В моровой болезни, разразившейся у себя в стране, царь Мурсили II видит кару богов, ниспосланную за то, что его отец нарушил союзнический договор.

Тексты договоров хетты почитают как святыню. Их высекают на табличках, отлитых из драгоценных металлов — серебра, золо-

та, железа, скрепляют оттиском царской печати и хранят в храмах. В случае утраты таблички спешно готовят ей замену. В дворцовых архивах хранят копии договоров на глиняных табличках — именно они и сохранились до наших дней.

Для хеттских договоров характерно наличие преамбулы — короткого, внятно изложенного резюме событий, которые предшествовали заключению договора. Ничего подобного мы не встречаем в договорах того времени, которые заключали между собой правители других стран. Эта преамбула выдает рациональный подход хеттов к происходившим событиям, острое чувство истории, присущее им.

Заключая договор с иноземным правителем, хетты хорошо представляют себе, с кем имеют дело и что можно ждать от этой страны и этого человека. Порой хеттский царь заключает повторный договор с правителем, нарушившим прежний договор, предавшим его, вместо того чтобы пройти по стране врага огнем и мечом, как это сделал бы другой восточный царь. Нет, хетты дают возможность отступникам загладить свою вину, и чаще всего те не обманывают их в следующий раз. Естественно, что вся эта история предательств тоже поминается в преамбуле в назидание неверному царьку. Там же упомянуты услуги, оказанные вассалу в прошлом. Сам договор трижды в год зачитывают, чтобы святость изреченных слов истребила всякий помысел о нарушении клятвы. Один из таких предателей, царь Киццуватны, перебежавший к Митанни, должен был ежегодно являться в Хаттусу, чтобы засвидетельствовать свое почтение.

Древнейший известный нам договор хетты заключили именно с царем Испутасу из Киццуватны. С хеттской стороны этот договор подписал знаменитый реформатор — царь Телепину.

Особенно часто заключал договоры с союзниками царь Суппилиума I — с царством Хайаса (Ацци), лежавшим к северо-востоку от Хеттской державы, с Киццуватной в Киликии и Амурру в Сирии. Именно при нем вдоль границ Хеттского царства появились «буферные государства», защищавшие его от нападения со стороны Ассирии, Вавилона и Египта.

Впрочем, царь Суппилулиума I не вполне доверял своим новым союзникам. Стремясь обезопасить себя на случай их мятежа он основал в Сирии два вице-царства, управлять которыми назначил своих сыновей. Их столицами стали крепость Каркемиш на Евфрате и город Хальпа.

Эти реформы позволили хеттам окончательно укрепиться в Сирии. После падения их царства именно Сирия приняла бежавших с севера хеттов, и в течение нескольких веков здесь существовали осколки Хеттской державы.

3. Когда «президент» подчинился «Верховному совету»

Особенно примечательно, что правитель аннексированной территории — «новой федеральной земли» — заключал договор не с хеттским царем, а со «страной хеттов». Очевидно, что у хеттов, опять же впервые в истории, возобладала идея верховенства государства над фигурой конкретного правителя. Царь не правит страной, а служит ей — таков очевидный смысл этого юридического оборота.

После сказанного уже не вызывает удивления, что первая известная нам конституция также появилась в стране хеттов. Именно этим словом — «конституция» — можно назвать указ царя Телепину, реформировавший систему передачи власти в стране, детально описавший действующие органы управления и четко разграничивший их полномочия. Сделано это было для того, чтобы избежать братоубийственной вражды среди хеттов, прежде ослаблявшей их.

«Теперь кровопролитие стало обычным в царской семье... Теперь боги и люди объявили: «Смотри же! В Хаттусе кровопролитие стало обычным». Теперь я, Телепину, созвал тулию в Хаттусе. С настоящего времени никто не сделает вреда члену (царской) семье и не ударит его кинжалом».

Тогда на смену прежним распрям пришло время единения, что во многом подготовило скорый расцвет Хеттской державы.

Разделение власти было таким:

а) царь, чья фигура стала символом единения страны;
б) тулия (совет старейшин), куда входили братья и сыновья царя; они исполняли обязанности министров, были советниками царя, командовали армией;

в) панкус (собрание воинов). Его историю достаточно убедительно воссоздал российский хеттолог В.В. Иванов. Первоначально панкус представлял собой лишь собрание членов рода, но постепенно состав его расширился. В период Древнего царства (1650—1500 гг. до н.э.) в это собрание входили как высшие сановники (родственники и свойственники царя), так и воины.

Власть в стране хеттов принадлежала всему царскому роду, а не одному лишь монарху. Члены панкуса занимали ключевые посты в управлении страной. Царь был *primus inter pares*, первым среди равных — среди собрания воинов. Именно на заседаниях панкуса решались основные вопросы управления страной. «Правители присоединенных федеральных земель, — отмечает Франк Штарке, — были равноправными членами этого собрания».

Если прибегнуть к современной терминологии, то панкус был своего рода «Верховным советом», причем, избранным отнюдь не на демократической основе. Царь являлся своего рода «пожизненным президентом Хеттской державы». Члены панкуса несли ответственность за надлежащее исполнение своих обязанностей. Они, как и высшие должностные лица государства, как и сам царь, могли быть осуждены «Верховным советом» и отставлены от должности «за служебное несоответствие». Таким образом, панкус был еще и своего рода древнейшим «конституционным судом». В случае чьих-либо провинностей, например, преступных речей или прегрешений перед божеством, царь испрашивал мнение панкуса, прежде чем судить преступника. Это же собрание решало в спорном случае вопросы престолонаследия. Царь предлагал на обсуж-

дение панкуса возможную кандидатуру преемника, и не всегда собрание соглашалось с мнением царя.

Панкус напоминал германский тинг. Подобный институт был в то время совершенно неизвестен на древнем Востоке. «По сравнению с соседними восточными странами, — писал Иоганн Леман, — подобный совет выглядел прямо-таки демократическим органом».

Разграничение полномочий, предложенное царем Телепину, успешно прошло проверку временем и сохранялось в Хеттской державе в течение последующих трехсот лет — вплоть до ее падения. Однако вопрос о функциях панкуса в период Нового царства (1400—1200 гг. до н.э.) остается открытым. Приведем мнение советского хеттолога В.Г. Ардзинбы: «В период Нового царства термин панкус не встречается в исторических, политических и юридических документах... Панкус продолжал фигурировать в новохеттский период лишь в религиозных текстах, обозначая совокупность участвовавших в обряде». Возможно, замечал Оливер Герни, «что сфера деятельности панкуса сузилась, перестала охватывать важные дела по мере того, как царство стабилизировалось».

Современные исследователи подчас задаются также вопросом: «Не является ли термин панкус синонимом слова тулия?» Мы знаем совершенно точно, что совет старейшин (тулия) функционировал у хеттов вплоть до падения Хеттского царства и представлял собой «царский совет» — собрание ближайших доверенных лиц царя, решавшее основные вопросы управления страной. В любом случае надлежит отметить, что Хеттское царство так и не превратилось в обычную для Востока абсолютную монархию — в восточную деспотию, а осталось своего рода «демократической страной» — в той мере, в какой это было возможно в бронзовом веке.

Становление системы управления у хеттов — одна из самых сложных проблем хеттологии. Почему же хетты были так не похожи на окружавшие их народы? «Увы, мы не знаем пока, как сформировались идеи управления государством, характерные для хет-

тов. Они словно изначально были присущи им. Возможно, — полагает Ева Канцик-Киршбаум, — все дело в том, что хетты буквально, как губка, впитывали различные идеи у народов, с которыми соприкасались. Они обладали невероятной способностью заимствовать чужие идеи, усваивать и развивать их». Мы привыкли говорить, что хетты — это «народ тысячи богов», но не менее точным будет сказать о них: «Народ тысячи идей».

4. Феминистки древнего Востока

Хеттские женщины пользовались немалым уважением в обществе, особенно если сравнить с другими странами древнего Востока. После замужества их вовсе не считали собственностью мужа. Они могли распоряжаться судьбой своих детей, например выбирать жениха для дочери или лишать сына наследства — для этого ей достаточно было «отбросить свою одежду прочь от сына своего».

Законы хеттов были очень терпимы в области семейного права. Процедура развода была проста для обоих супругов. Как явствует из закона, женщина могла даже прогнать своего мужа. Правда, много ли ей было от этого радости? «Если женщина прогоняет мужчину... мужчина должен взять [себе] своих детей».

Особую роль у хеттов играла «таваннанна», царица. Ее титул образован от имени ее прародительницы — жены царя Лабарны. Она могла вмешиваться в управление страной, хозяйничать во дворце и распоряжаться царскими владениями. Овдовевшая царица сохраняла титул и положение. У нее были свой двор и штат «придворных»; она могла самостоятельно вести судебные дела. На ее содержание уплачивался определенный налог. Вплоть до своей смерти она играла важную роль в религиозных церемониях. Лишь после ее кончины невестка получала титул царицы, пусть даже муж ее давно правил Хеттским царством.

Подобное положение значительно осложняло отношения невестки с вдовствующей царицей. Некоторые из сохранившихся кли-

нописных текстов доносят до нас подробные отчеты о дрязгах в царском семействе. Мы уже упоминали о подобных конфликтах между Мурсили II и царицей-таваннанной, между Хаттусили I и его сестрой-таваннанной.

Привилегированное положение царицы является, несомненно, пережитком прошлого. Из текста некоторых «каппадокийских табличек» явствует, что в XIX веке до нашей эры в городах-государствах Анатолии царствовали одновременно два соправителя — царь и царица. Подобная система организации власти частично сохранялась вплоть до падения Хеттского царства.

Самой выдающейся правительницей в истории хеттов, очевидно, была Пудухепа, жена Хаттусили III. Не случайно следующий правитель Хеттского царства, Тудхалия IV, указывая свою генеалогию, называет и свою мать — Пудухепу. Ни одна таваннанна не пользовалась таким влиянием, как она. Она постоянно упоминается вместе с мужем в государственных документах и сама переписывается с царицей Египта. У нее даже есть своя официальная печать.

5. «В этой местности так много богов...»

Еще один пример терпимости хеттов к другим народам и культурам хорошо известен. Мы мимоходом упоминали его. Хетты были людьми очень религиозными и почитали множество богов. За ними закрепилось название «Народ тысячи богов», данное им удивленными археологами.

Расселившись по Анатолии, хетты не принуждали местное население отказываться от почитаемых им богов. Они сохраняли здешние святилища и культы; они даже не «хеттизировали» местных богов — в отличие от римлян, которые переняли у греков Зевса, Ареса, Афродиту, Гермеса и других богов, но переименовали их в Юпитера, Марса, Венеру, Меркурия.

Хетты одинаково уважительно относились к своим и чужим богам. У них наблюдался «духовный федерализм», метко заметил не-

мецкий историк Антон Моортгат. Многих своих богов хетты заимствовали у других народов — прежде всего хаттов и хурритов. Так, один из главных хеттских богов — бог Грозы Тешуб, насылавший на землю бури и дожди, — был хурритским богом. Даже в эпоху Новохеттского царства хетты молились богам на их «родных» языках. Мы, например, не знаем хеттские имена некоторых богов.

Сейчас подобную духовную открытость мы наблюдаем, пожалуй, лишь среди приверженцев индуизма — древнейшей религии, созданной индоевропейскими народами. Вот что пишет об этой религии российский историк Е.Ю. Ванина: «Индуизм развивался особым путем. Он вбирал в себя культы многих народов и племен, не отталкивал их, не уничтожал, а впитывал... Чтобы ярче представить себе отличие индийской от других культур, попробуйте вообразить, что христианство, приходя на смену религии древних греков или славян, не разрушало языческие храмы, не топило идолов в Днепре, а объявило Зевса или Перуна детьми Бога-отца. Трудно представить подобное, а ведь в Индии произошло именно это».

Но именно такой была и хеттская религия, созданная в далекой древности одним из индоевропейских народов. Со временем хеттские боги, словно удельные князья, стали править отдельными городами и областями. Так, свои боги Грозы были в городах Уда,

Золотые статуэтки хеттских богов и демонов. XV/XIII вв. до н.э.

*Хеттский бог в образе воина.
Рельеф Царских ворот
Хаттусы. XIII в. до н.э.*

Циппаланда, Нерик и других. Кроме того, все заметнее становилось «разделение труда» среди хеттских богов. Появились боги, отвечавшие отдельно за гром, молнию, дождь и т.д.

Пантеон хеттов пополняли также их цари. Ведь хетты, подобно другим народам древности, обожествляли своих царей после смерти. По-видимому, лишь царь Тудхалия IV первым из хеттских царей стал считать себя богом при жизни. Воплощениями богов были для хеттов также реки и источники, горы и скалы.

Хетты почти не делали попыток установить иерархию среди той «тысячи богов», которым поклонялись. Большинство клинописных табличек, найденных при раскопках Хаттусы, содержат различные религиозные тексты. Однако, изучив их, ученые так и не сумели расставить хеттских богов по ранжиру — «построить упорядоченный пантеон» (О. Герни). Мы можем выделить лишь некоторые важнейшие фигуры хеттского пантеона, например, отметить особое отношение хеттов к богу Грозы и богине Солнца Аринны. Вообще же в хеттских документах, например в заключительных статьях государственных договоров, совершенно бессвязно перечисляются самые

разные боги независимо от их происхождения и функций; главные божества упоминаются вперемешку с местными богами. В договоре о мире, заключенном Рамсесом II с Хаттусили III, в свидетели взяты «тысяча богов из богов и богинь страны хеттов».

Похоже, хеттам было важно почитать всех до единого богов. Не случайно их главное торжество — праздник весны — длилось 38 дней, ведь царь как верховный жрец обязан был почитать на этом празднике всех хеттских богов. Предполагается, что во время праздника он переезжал из одной части страны в другую, чтобы оказать почести всем местным богам. По замечанию В.Г. Ардзинбы, своими поездками по стране «царь имитировал «движение» солнца по

*Шествие богов. Рельеф на стене святилища Язылыкая.
1275—1250 гг. до н.э.*

небосклону и воспроизводил «рождение» нового сезона (смену одного времени года другим)».

Но сколько все-таки богов было у хеттов? Стоит ли доверять расхожей фразе «народ тысячи богов»? В лучшем случае, пишет Маргарита Римшнайдер, ученые могут насчитать несколько сотен богов. Больше, пожалуй, у хеттов и не было. Да и из известных нам божеств большинство представляют собой местные разновидности одних и тех же богов. Во многих городах и областях Хеттского царства общехеттские боги почитались под особыми именами. Сами верующие наверняка сознавали, что это обман, что «их» бог тот же самый, что у жителей соседнего города, но все равно сознание тешила мысль, что хотя бы по имени это «их» бог и ничей другой.

И все же двух хеттских богов стоит выделить особо. Во-первых, «царица страны Хатти, царица Неба и Земли, владычица царей и цариц страны Хатти» — богиня Солнца Аринны. Это местная, протохеттская (хаттская) богиня. Мы не знаем ее хеттского имени, а только хаттское: Вуресуму. Она даже могущественнее бога Грозы. Это указывает на ее древнейшее происхождение. Поклонение ей зародилось еще в эпоху матриархата. Именно к ней хеттские цари обращались прежде всего, когда на страну обрушивались бедствия. Центром ее культа был город Аринна (археологи пока не нашли его); из Хаттусы добраться в этот город можно было за день.

Однако богиня Солнца Аринны вовсе не супруга бога Солнца, как можно было бы ожидать. Ее муж — бог Грозы, «царь Небес, господин страны Хатти». Мы опять же не знаем его подлинного хеттского имени. Чаще всего его называли хурритским именем Тешуб. Он пользовался особым уважением в стране хеттов, ведь здесь часто случались бури и грозы. Во многих хеттских городах существовал его культ.

Всмотримся внимательно в бога Грозы. Остроконечная шапка, напоминающая «фригийский колпак», закрывает затылок и щеки бога. С задней стороны шапки свисает лента, доходящая до локтя.

Бог облачен в короткую, подпоясанную юбку. За поясом у него меч; в правой руке — топор и символическая молния. Носки обуви высоко загнуты. Подобные изображения бога Грозы встречались не раз при раскопках хеттских городов. Порой его изображали также в колеснице, в которую были впряжены два быка.

У богини Солнца Аринны и бога Грозы был сын Телепину, покровитель урожая. Когда он удаляется («исчезает»), в стране наступает засуха и голод. Очевидно, Телепину был богом плодородия. В одном из хеттских текстов о нем сказано: «Он боронит и пашет, он орошает поля и растит колос». Ученые сравнивают его с такими древневосточными богами, как Адонис, Осирис, Аттис.

В святилище Язылыкая изображен другой сын бога Грозы — от хурритской богини Хепат, которую, впрочем, уже во времена Хаттусили III отождествили с богиней Солнца Аринны. Этого сына звали Шаррума (Шарма), но мы не знаем, чем он занимался.

К божествам, отвечавшим за природные феномены, относились бог Солнца (одновременно он был богом Неба и подземного мира, в котором пребывал в темное время суток, богом правды и справедливости) и бог Луны, почитаемый в Северной Сирии и Верхней Месопотамии. Оба они были тоже хаттского происхождения.

Хетты почитали также знаменитую вавилонскую богиню Иштар (хурриты называли ее Сауска). Она считалась сестрой Тешуба и была богиней войны и любви. Ее изображали в виде крылатой богини, стоящей на льве. Царь Хаттусили III считал ее своей покровительницей.

Люди мнили себя слугами и рабами богов. Относиться к богам следовало так же, как рабы относятся к своим господам. «Разве сущность людей и богов различна? Нет. Их сущность точно такая же, — сказано в одном из хеттских текстов. — Когда слуга стоит перед своим господином, он вымыт и одет в чистые одежды. И он дает ему (господину. — *Авт.*) либо есть, либо пить. И он, господин, ест и пьет, и доволен в душе своей, и благосклонен к нему. Если же он, слуга, небрежен и невнимателен, то отношение к нему меняется».

Как видите, боги мыслились чем-то вроде людей, только бессмертных. Лишь в некоторых областях Хеттского царства все еще поклонялись богам в образе животных, да и то эти божества были второстепенными. Все основные боги хеттского пантеона имели человеческий облик. Они ощущали голод и жажду, трудились, болели и даже... умирали, — правда, не навсегда, ведь они же были бессмертными. Боги выглядели как люди и так же одевались. Подобно людям, боги испытывали те же страсти и желания. «Что желают люди и боги, все едино, — сказано в одном из хеттских текстов, — чего не хотят, тоже едино». Впрочем, в отличие от людей, боги были всемогущи, достигали невероятных размеров и могли пребывать сразу в нескольких местах кряду. Иногда боги пускались в странствия или засыпали, и тогда все мольбы людей о помощи, возносимые к ним, оказывались тщетными.

Служители храмов — домов, где обитают божества, — заботились о богах, то есть ежедневно приготавливали им еду и питье, дарили одежду и украшения, омывали и умащивали их изображения, развлекали их танцами и музыкой. Жрецам помогали светские люди. Чтобы насытить богов, сановники и богачи приносили им мясо и хлеб, а бедняки подавали хотя бы кашу. Лишь сытые боги выполняли желания людей. Недаром хеттская мудрость гласила: «Сердцитою человека поите пивом досыта». Тогда «гнев его пропадет».

Пользуясь слабостями богов, например чувством голода, от которого им никуда не деться, хетты готовы были даже шантажировать своих небесных повелителей, грозили им, что откажутся поить и кормить их, если они, бездельники, не помогут. Так, царь Мурсили в своей «Молитве во время чумы» не только каялся перед богом, но и торговался с ним — просил оставить в живых хотя бы священников, чтобы было кому заботиться о богах: «И те немногие жрецы, приносящие в жертву хлеб, и жрецы, совершающие жертвенные возлияния, что еще остались в живых, пусть у меня больше не умирают!»

После того как боги утолили свой голод, священники, их жены, слуги и рабы — и никто, кроме них! — могли вкушать «остаток» пищи.

Подобная практика наверняка побуждала некоторых бедняков избирать себе поприще священника.

Очевидно, боги, как и священники, помогавшие им, любили пиво, ведь в списках даров, принесенных богам, непременно значатся, наряду с пшеницей, овцами и культовыми предметами, также бочки пива.

Пивом и вином гасили костер, на котором сжигали тело покойного царя. Это напоминает троянскую традицию тушения погребального костра, упомянутую Гомером: «Багряным вином оросивши пространство все, где огонь разливался пылающий» («Илиада», сцена похорон Гектора).

Если же богам что-то не нравилось, то, разгневавшись, они могли покинуть святилище и возвратить их туда удавалось только с помощью очистительных ритуалов, молитв и обильных даров.

Хетты молились лишь главным богам своего пантеона. Очевидно, тексты молитв составляли наиболее сведущие жрецы и писцы. Нередко они брали за образец вавилонские молитвы.

Молитвы принято произносить в трудную минуту. По молитвам хеттов можно восстанавливать некоторые роковые эпизоды их перемычливой истории. Так, «Молитва Мурсили во время чумы» была сложена, когда в его стране разразился жестокий мор.

Позднее царь Муваталли переносит столицу из Хаттусы в Южную Анатолию — в Тархунтассу. Перед этим он взывает к сонму богов и особенно к южноанатолийскому (лувийскому) богу Грозы — Тархунту. Оливер Герни предлагал отождествить его с этрусским Тархоном (от имени этого бога происходит известное царское имя этрусков — Тарквиний).

6. Обряды

Волю богов хетты старались узнать заранее. Искусство гадания было возведено у них в настоящую науку. Хеттские жрецы самым подробным образом опрашивали богов, что было удивитель-

но даже для древневосточного мира. Этот опрос помогал понять, благоприятно или нет складываются обстоятельства. Жрец буквально анкетировал божество, задавая ему вопросы такого рода: «Если случится то-то и то-то, это будет к лучшему или худшему». Всякий раз, получив ответ, жрец уточнял сказанное и задавал еще более конкретный вопрос. Божество, по мнению хеттов, могло отвечать лишь «Да» (благоприятное знамение) или «Нет» (неблагоприятное знамение), поэтому жрецы составляли обширный перечень вопросов, чтобы понять, возмущен ли бог данным поступком, согласен

Сфинксы, охранявшие Ворота сфинксов Хаттусы. XIII в. до н.э.

ли он с происходящим и что думает о будущем. В конце концов, жрецы получали единственно возможный ответ.

Нередко, приступая к гаданию, жрец оценивал возможный исход. Если оценка совпадала с итогом гадания, значит, боги благословляли вершащееся событие. Как и в современных научных экспериментах, полученный результат перепроверялся. Гадали поочередно по полету птиц, по виду внутренностей жертвенного животного, а также по старинной хеттской традиции — бросали жребий. Последнее было уделом женщин-ворожей, которых называли «старыми женщинами». Чем чаще предсказание сбывалось, тем вероятнее было событие.

Гадание позволяло выбрать верный маршрут похода, изобли-

чить врагов царя и их тайные замыслы, распутать придворные интриги, узнать, довольны ли боги церемониями, устраиваемыми в их честь.

Вот пример расспросов:

«Если Солнце (то есть царь — *Авт.*) во время пребывания в Нерике или на пути домой не заболит, пусть результаты гадания по шкуре [жертвенного животного] будут благоприятными». Результат: «Неблагоприятный».

«Если болезнь, которой суждено заболеть Солнцу, поразит его, пока он находится в Нерике, пусть знаки, поданные полетом птиц, будут неблагоприятными». Результат: «Неблагоприятный».

«Когда вопрос оракулу задаст старая женщина, пусть результат будет неблагоприятным». Результат: «Неблагоприятный».

«Если болезнь поразит Солнце лишь в Нерике, но он не останется там, пусть знаки, поданные полетом птиц, будут сперва благоприятными, затем неблагоприятными». Результат: «Сперва знаки, поданные полетом птиц, были неблагоприятными, затем благоприятными».

«Когда вопрос оракулу задаст старая женщина, пусть результат будет благоприятным». Результат: «Благоприятный».

«Поскольку знаки, поданные полетом птиц, опровергли [предсказанное], значит, о бог, ты повелеваешь, чтобы Солнце продолжал болеть, прибыв сюда? Тогда пусть знаки, поданные полетом птиц, будут неблагоприятными». Результат: «Неблагоприятный».

Этот обстоятельный разговор с богом напоминает, скорее, протокол дознания. Возможно, впоследствии подобный документ использовался и как оправдательный. Ведь если бы все вышло наперекор гаданию, жрецы могли ответить на обвинение: «Смотрите, вот таблички. Мы ничего не упустили в расспросах. Вины нашей нет».

Впрочем, в случае войны подобные расспросы могли привести к неудаче — промедлению. Поэтому хеттские цари запрещали своим военачальникам заниматься гаданиями там, где требовалось действовать решительно.

Голова хеттского сфинкса

дома, и она (старая женщина. — *Авт.*) говорит следующее: «Быть тебе маленькой собачкой при столе царской четы! Как днем ты не пускаешь посторонних людей во двор, так и ночью не впускай злую силу».

Или другой способ: «Берут из могилы глину, лепят из нее комок и прижимают его к царской чете и всем частям дома. Она (старая женщина. — *Авт.*) говорит следующее: «Пусть эта глина из могилы справится со всеми злыми силами, что боги ниспослали этому дому и сладить с которым дом и человек не в силах. Пусть она вернет злую силу в могилу, где темная земля с ней справится».

Затем она кладет комок глины на подставку и делает другой комок из муки и прижимает его к царской чете, а также к дому.

Но говорит следующее: «Как человеку, корове, и овце, и всяко-

Частое обращение к гадалкам могло раздражать и в мирное время. Так, Хаттусили I возмущался тем, что его жена постоянно расспрашивает колдуний-старух, и в своем завещании наставлял ее: «Да не скажет о тебе царь и да не скажут о тебе сыны дворца так: «Смотри! Она всегда спрашивает жриц — Старых Женщин».

Нередко хетты прибегали к «профилактике» зла. Немного колдовства, и ни один злой дух не мог проникнуть в дом! Сохранилось, например, описание обряда, помогавшего отогнать зло от царской семьи: «Лепят собачку из сала и ставят ее на порог

му животному жизнь спасает зерно, так пусть это зерно спасет царскую чету и дом от злой силы».

Разумеется, защититься от злых духов пытались не только цари, но и простые хетты. Для этого они совершали определенные обряды, стремясь, например, побороть болезнь или оградить

Птицелюди. Рельеф из Каркемиша. Высота — 123,5 см. Традиционный стиль. 1050—850 гг. до н.э.

себя от неприятностей. Вот, например, лувийско-хеттский ритуал Туннави — ритуал очищения, проводимый, «если человек — мужчина или женщина — в нечистом окажутся... или у женщины долго умирают дети, или у нее долго бывают выкидыши... или человек у себя нечистое заметит». При описании этого ритуала подробно перечислены все необходимые животные: овцы, поросята и собаки, пол которых должен совпадать с полом жертвователя. Последний должен облачиться в определенную одежду черного цвета и заткнуть себе уши.

Ночью старая женщина Туннави идет к реке и, стремясь задобрить богиню Подземного мира, жертвует ей хлеб и напитки, бросая их в реку. Затем из глины, взятой со дна реки, она лепит две человеческие фигурки, двенадцать языков, двух волов и две дверные петли, которые выставляет на берегу реки вместе с другими культовыми предметами, например шерстью и крыльями орла.

Утром на берег выходит человек (мужчина или женщина), который должен пройти обряд очищения. На него набрасывают шерстяную ткань разного цвета. Затем старая женщина показывает ему животных и глиняные фигурки, произнося соответствующие магические формулы, чтобы нечистота перешла от человека на животных или предметы. Произнеся заклинания, она оmyвает руки вином. Затем повторяет заклинания, держа в руках камни, а после этого оmyвает руки водой. В третий раз она произносит заклинания, взяв в руки еловые шишки. Потом снимает шерстяные ткани с очищаемого и говорит соответствующие заклинания над каждой частью его тела, освобождая их от нечистоты. В завершение церемонии очищаемый купается в реке, чтобы смыть с себя внешнюю нечистоту, а в это время старая женщина скребет глиняные фигурки, снимая с них новую нечистоту или избавляя их от гнева богов и духов мертвых людей.

Подобным образом восстанавливали, например, и мир в семье. Описание этого обряда занимает свыше ста строк. У этого и других популярных хеттских обрядов есть одна общая черта: всю

вину, все беды и напасти, одолевающие человека, стараются перенести либо на какой-то предмет, заменяющий его, либо на животное («козла отпущения»), либо на некоего человека.

Так, если во время войны хеттские солдаты начинали болеть, то проводилась особая церемония, помогавшая изгнать моровую болезнь и наслать ее на врагов. Вот как описывается этот ритуал: «Они приводят осла и гонят его в сторону вражеской страны и говорят так: «Ты, о Ярри (этот бог отвечал за эпидемии. — *Авт.*), наслал зло на эту страну и на ее лагерь; но пусть этот осел заберет это зло и перенесет его в страну врага».

7. Двадцать тысяч текстов Хаттусы

В последние три десятилетия чтение хеттских текстов стало обычным делом. Удалось прочесть уже более 20 тысяч клинописных табличек, найденных в одной лишь Хаттусе. Это стало подлинным открытием хеттской цивилизации. Еще несколько тысяч табличек отыскали при проведении раскопок в трех других хеттских городах Анатолии. Очевидно, в ближайшие годы количество находок значительно увеличится. История Хеттского царства воскресает для нас, возникая из тьмы забвения.

Еще недавно эта история была абсолютно забыта. Теперь мы не только знаем перипетии хеттской политической жизни, но и подробно осведомлены о повседневной жизни хеттов.

Так, мы знаем цены на скот и украшения. Мы знаем, что градоначальник хеттского города был обязан следить за тем, чтобы ворота были заперты и никто не разводил открытый огонь. Мы знаем, что жрец, «ежели он возлежал ночью на ложе со своей женой», на следующее утро был обязан пройти очистительную церемонию. Мы знаем, что предметы, приносимые в жертву богам, хетты должны были передавать жрецу или его домохозянам, дабы те сами распорядились ими, причем жертвенные дары категорически запрещалось продавать. Мы знаем порядок прове-

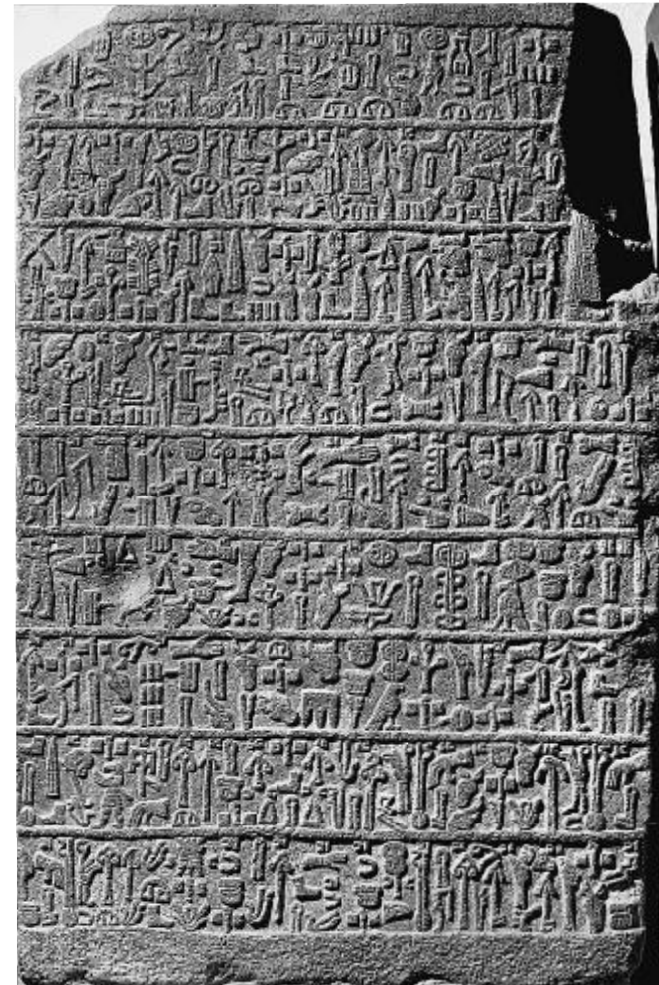
дения религиозных праздников (а они исчислялись десятками). Мы знаем многочисленные заклятия и молитвы, текст которых позволяет проанализировать психологию хеттов. Мы знаем способы лечения болезней, названия кушаний и напитков, методы приручения лошадей. Мы могли бы даже командовать царской гвардией: нам известно, где и какие караулы выставляются во дворце, кто сопровождает царя, когда он покидает дворец. Мы знаем даже, что должен делать часовой, если, охраняя царя, почувствует, что его желудок переполнен.

Эти и многие другие подробности обыденной жизни хеттов стали известны ученым благодаря клинописным табличкам. Архивы, обнаруживаемые при раскопках древних городов, бывают порой настолько обширны, что сегодня мы знаем о некоторых периодах истории древнего Востока больше, чем о некоторых периодах средневековой истории Европы (!).

Количество клинописных документов очень велико. Связано это с тем, что способность читать и писать была куда более широко распространена среди городских культур древнего Востока, чем в средневековой Европе, где грамотны были в основном лица духовного звания.

Быть может, никогда — вплоть до новейшей истории человечества — люди не любили так много писать по самым разным поводам, как в бронзовом веке; никогда не изобретали столько алфавитных систем; никогда не составляли столько библиотек. Похоже, мы отыскали пока лишь малую часть из написанного тогда. Сколько еще клинописных кладов таит этот «великий архив» бронзового века, раскинувшийся на всей территории от Северной Турции до Палестины и Ирака?

Конечно, популярность грамоты на древнем Востоке была связана еще и с тем, что для письма использовался очень дешевый и доступный материал — глина. Высушенные или обожженные таблички с клинописным текстом пережили тысячелетия. Ненужные таблички можно было использовать при строительстве и ремонте

*Иероглифическая надпись из Каркемиша. Высота — 111 см.
Ассирийский стиль. Вторая половина VIII в. до н.э.*

домов. Процарапанные на них знаки, к счастью для ученых, сохранялись.

Впрочем, клинопись на глиняных табличках, по мнению ряда исследователей, была для хеттов второстепенным видом письма. Чаще всего хетты писали кисточкой и тушью на деревянных дощечках, на которые натягивали грунтованное полотно. Именно на таком полотне удобно было писать иероглифами. Хеттская иероглифика — это, несомненно, изобретение самих хеттов, хотя ее создатели вряд ли не учитывали опыт египтян.

Писать хетты учились с детства. Известно изображение хеттского царевича, который держит в правой руке кисть, а в левой тетрадь и баночку с тушью. Тетрадь сшита из деревянных дощечек и закрывается с помощью кнопочной застежки. Подобные дощечки рассылали в виде писем. Кроме того, писали послания на свинцовых пластинках, которые сворачивали затем в трубку. Процарапанные буквы легко можно было разглядеть, а потом вновь использовать пластинку для письма. Государственные договоры гравировали на табличках из драгоценных металлов. По всей видимости, хетты использовали для письма и рисования самые разные материалы, но любимым оставалось дерево. Поэтому мы почти не располагаем хеттскими текстами, написанными иероглифами. Большинство известных нам хеттских иероглифических надписей относится к I тысячелетию до нашей эры — к эпохе сирийских княжеств. Они оставлены в основном на базальте. От Хеттской империи сохранились лишь отдельные имена, написанные иероглифами, хотя еще полвека назад Оливер Герни предположил, что иероглифический хеттский язык использовался «для всех административных записей, ведшихся в Хеттском царстве».

Неровные, сбивчивые, «подгулявшие» надписи хеттов с первого взгляда отличаются от египетских и даже ассирийских надписей — строгих, подтянутых, будто собравшихся на парад. Хетты писали бустрофедоном — доходили до конца строки и поворачивали в обратную сторону (так же поначалу писали греки, населяв-

шие побережье Ионии — области в Малой Азии). Если слова не умещались в строке, та порой выбегала за край таблички, наползала на боковую грань или, если рядом был рисунок, на него. Столь же мало хетты заботились о выравнивании строк. У египтян такого не встретишь; они тщательно соразмеряли текст с местом, оставленным для надписи. Хетты, похоже, не придавали значения внешней красотой. Они спешили сообщить, и смысл сообщения был для них важнее украшающих его атрибутов. Подчас они даже искажали форму написания букв. Их почерк был индивидуален. Вдобавок они прибегали к неожиданным сокращениям, что окончательно сбивает с толку.

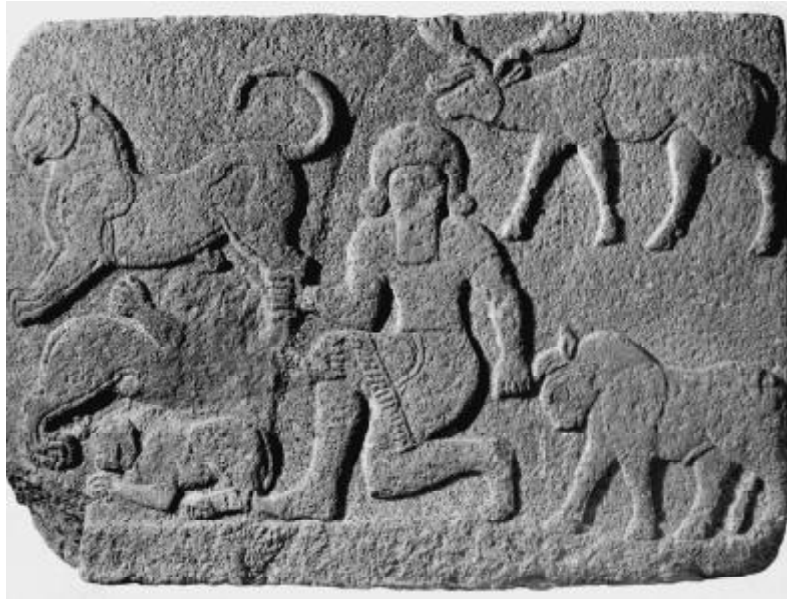
Они, например, могли вместо нескольких знаков, составляющих хеттское слово, написать один значок — соответствующее шумерское слово. Многие повседневные хеттские слова, например «женщина», «овца», «медь», при письме всегда заменялись их иностранными обозначениями — аккадскими или шумерскими, и мы даже не знаем, как они произносились по-хеттски. Использование подобных символов было сродни стенографированию; оно ускоряло запись текста. Предполагалось, что читатель, встретив этот значок, автоматически заменит его соответствующим словом («Мой Age — 20 лет» — вот хеттская манера письма). Недаром хеттологам требуется немалый опыт, чтобы правильно читать хеттские надписи.

Говоря о любви хеттов к письменности, нельзя не воздать хвалу их царям. Они были настоящими меценатами. Именно они финансировали деятельность писцов и ученых, выделяли средства на их обучение, длившееся много лет, и выплачивали им пожизненное жалованье, хотя никаких материальных выгод те вроде бы не могли принести хеттскому обществу. Ведь им чаще всего приходилось переписывать научные тексты (например исторические хроники) или литературные произведения.

Так, знаменитая «Поэма о Гильгамеше» «публиковалась» в Хаттусе, по меньшей мере, на трех языках: хеттском, аккадском и хурритском, причем в хеттской версии та часть поэмы, где действие

разворачивалось в Уруке (Месопотамия), была сокращена, зато эпизод, происходивший на территории хурритов, заметно расширен. Поэма, сказали бы мы, адаптирована в угоду местным читателям.

В хеттских библиотеках бытовало немало переводных текстов. Хеттские книгочеи не были провинциалами; они охотно штудировали и переводили чужеземные сочинения. Переводы иностранных текстов выполнены, насколько нам известно, очень близко к подлиннику. Между хеттами и их соседями установился оживленный культурный обмен; страны обменивались в том числе врачами, учеными, скульпторами. Хеттские цари непрестанно переписывались с правителями других ведущих держав того времени, даже приглашали их обменяться визитами.

«Гильгамеш». Рельеф из Каркемиша. Высота — 128,5 см.
Традиционный стиль. 1050—850 гг. до н.э.

При дворе Хаттусы воспитывались и чужеземные принцы, например из Аххиявы. Они обучались чтению и письму, проведению различных богослужебных церемоний, а также искусству управления колесницей.

Наличие обширной библиотеки в Хаттусе свидетельствует о том, какое большое значение хетты придавали образованию. Читая царские указы хеттов, нельзя не помнить, что они составлены блестяще образованными людьми.

Заметим, что в хеттском обществе писцы считались одними из самых уважаемых людей. Их профессия передавалась по наследству. Во времена Новохеттского царства подобных династий было в Хаттусе не очень много. Среди писцов встречались люди с хеттскими и лувийскими именами (как правило, писцы указывали в табличке свое имя).

Сейчас филологи хорошо представляют себе эволюцию хеттского языка. По характеру клинописи они могут датировать найденный текст с точностью до полувека, даже не вникая в его содержание.

Хетты использовали слоговое письмо. Это еще один пример их гибкости и внимания к чужим идеям. Они усвоили «очень непрактичную клинопись вавилонян, — полемично замечает Ева Канцик-Кишбаум, — и трансформировали ее так, что та стала основой слогового хеттского письма. Сами вавилоняне никогда до этого не додумались».

Рядовой хеттский писец знал от 300 до 500 клинописных символов, многие из которых — в зависимости от контекста — имели три-четыре, а то и больше значений. Как правило, писцы владели не только своим родным, но также аккадским и шумерским языками, а поскольку при письме на этих языках использовались те же самые символы, то человек, читающий текст, должен был сперва сообразить, на каком языке его следует читать. (Точно так же, гля-

дя на латиницу, человек, не знающий иностранных языков, может лишь гадать, какой словарь взять: «немецко-русский» или «шведско-русский»).

Подобный феномен был порожден историей развития клинописи (как и в современной Европе — историей алфавита). Первоначально она появилась в Шумере. Потом жители Вавилона приспособили клинопись к своему аккадскому языку, относящемуся к числу семитских языков, и превратили ее в слоговое письмо. Оно довольно точно передавало звучание текста. Это новшество позволило использовать клинописные символы и для передачи такого далекого от аккадского языка, как хеттский.

Каждый знак хеттского письма читается как слог, состоящий либо из гласной и согласной, либо из согласной и гласной, либо из согласной, гласной и согласной. Подобное письмо хорошо приспособлено к семитскому языку, где не встречаются скопления согласных, но в хеттском языке данные группы звуков обычны. Потому, используя в этих случаях слоговые символы, хетты при чтении надписи игнорировали содержащуюся в таких слогах гласную и произносили только согласную.

Хеттская клинопись напоминает, скорее, клинопись III династии Ура. Немецкий исследователь Ханс Гютербок убедительно показал, что хеттские цари после объединения всей Анатолии под своей властью призвали к себе в страну писцов из Северной Месопотамии, которые научили хеттов особой манере письма — древневавилонскому курсиву. Это лучше всего объясняет, почему хетты стали использовать старинную орфографию. Разумеется, это не исключает того, что в Анатолии еще во времена ее раздробленности могли использоваться и другие манеры письма.

Будущий писец постигал все стадии развития клинописи. Сперва он принимался изучать перечни отдельных символов. По первому ряду символов их называют сейчас tu-ta-ti-списками. Потом — те же самые списки, в которых рядом с каждым символом указывалось его значение в аккадском языке. Далее он разучивал перечни со-

ставных символов, ведь любая комбинация отдельных значков придавала написанному новый смысл. Наконец, он зубрил «глоссарии» — списки, насчитывавшие многие тысячи слов. Они были составлены следующим образом: в левой колонке помещался определенный символ (нередко указывалось его произношение), а справа приводился его аккадский аналог. Поскольку подобные глоссарии содержали лишь отдельные символы, а не слова, их не вполне правильно сравнивать со словарями в нашем современном понимании.

У хеттов подобные глоссарии состояли из трех колонок: хеттской, шумерской и аккадской. Этот принцип распространялся и на целые тексты. В хеттских архивах и библиотеках ученые отыскивали немало билингв, главным образом литературных текстов на иностранном языке, к которым хеттские писцы или ученые добавляли перевод на свой родной язык.

... Двадцать тысяч текстов Хаттусы открыли нам мир удивительной цивилизации. Список найденных документов можно продолжать еще долго, но он все равно остается явно неполным. При раскопках Хаттусы почти не обнаружено хозяйственных или административных документов, а ведь именно подобные тексты обычно хранились в архивах древневосточных городов. Эти документы, несомненно, ждут своего открытия. Археологам XXI века еще предстоит найти архивы и других хеттских канцелярий.

8. Хеттская литература

Большинство известных нам хеттских текстов записаны или переписаны в 1400—1200 годах до нашей эры. Слово «литература» применительно к ним сказано слишком громко. Даже дошедшие до нас мифы трудно отнести к подлинным произведениям эпической поэзии; они не обладают особыми художественными достоинствами.

Почти три четверти хеттских клинописных табличек содержат подробное описание религиозных праздников и ритуалов и различ-

ные религиозные установления. Благодаря им, например, мы точнее образом знаем, как совершать определенные магические действия. Нередко хеттские религиозные тексты скучны, поскольку на удивление скрупулезны; они напоминают, скорее, сухие канцелярские документы, не оставляя места чувству.

Некоторые хеттские мифы объясняют таинственные или ужасные явления природы — подобно тому, как Библия, например, объясняет Потоп. Вот миф о «Луне, упавшей с неба». В нем говорится, что однажды Луна упала с неба в город. Бог Грозы послал за ней ветер и дождь. Всех охватили ужас и дрожь. Тогда богиня Хапантали пытается побудить бога Луны вернуться, но ей это не удается, так что на помощь приходит другая богиня, прославленная своей мудростью и умением колдовать. К сожалению, эта клинописная табличка повреждена, и мы не знаем концовки истории. Известно только, что жрец читал этот миф, «когда бог Грозы сильно громыхал».

Сохранились две различные версии мифа о Змее Иллуянке. Особенно любопытна вторая версия. Змей Иллуянка победил бога Грозы и отнял у него сердце и глаза. Чтобы отомстить Змею, бог взял в жены дочь бедняка и родил от нее сына. Повзрослев, тот женился на дочери Иллуянки. А бог Грозы напутствовал сына: «Когда придешь в дом жены, потребуй у них мое сердце и мои глаза». Так и случилось. Ему отдали эти части тела. Когда бог Грозы вернул себе прежнее обличье, «он пошел к морю, чтобы сразиться, и, когда они вышли на бой с ним, ему удалось победить Змея Иллуянку». Потом сын бога попросил убить его, и тот поразил и своего сына.

В греческой мифологии есть близкая параллель этому мифу — история противоборства Зевса и змея Тифона, ужасного стоголавого чудовища. В борьбе с ним Зевс лишился сухожилий на руках и ногах, но его сын, бог Гермес, вернул отцу утраченные части тела.

Исчезновение бога Телепину — тема еще одного известного нам хеттского мифа (своими выходками Телепину, кстати, напоминает греческого бога Диониса). Без Телепину начались бедствия. «Овца

не подпускала своего ягненка, корова не подпускала своего теленка... Ячмень и полба перестали расти, коровы, овцы и женщины больше не зачинали, а те, что уже зачали, не могли родить». Тогда «боги, великие и малые, отправились искать Телепину. Бог Солнца послал своего быстрого орла, сказав: «Ступай, обыщи высокие горы, обыщи глубокие долины, обыщи синие воды». Орел улетел; но не нашел он его». В отчаянии воскликнул бог Грозы: «Что же нам делать? Мы умрем с голоду». Лишь посланная одной из богинь пчела отыскала разгневанного Телепину.

Между прочим, немецкий исследователь Иоганн Леман обратил внимание на некоторые детали описания случившихся бедствий. «Облака пыли застлали окно, дым заполнил дом, пепел в очаге был погашен, боги задыхались [в храме], овцы задыхались в овчарне, быки задыхались в хлеву... Увяли растения. Деревья увяли и не пускали побегов. Засохли луга, пересохли источники. В стране начался голод, люди и боги умирали».

Не напоминают ли эти клубы дыма и пыли, несущие смерть, такое природное бедствие, как извержение вулкана? Возможно, этот миф отразил событие, случившееся около 1520 года до нашей эры сравнительно недалеко от страны хеттов — катастрофическое извержение вулкана на острове Санторин. «Оно породило волны невероятной высоты, — писал греческий геолог Ангелос Галанопулос. — Эти волны затопили берега Восточного Средиземноморья, полностью разрушив все города и селения по всему Эгейскому побережью». В небо взлетело огромное количество пемзы, пепла, песка, лавы, камней. Вулканический пепел, ядовитый для растений и животных, покрыл поля и города. Вспыхнули эпидемии.

В библейской книге «Исход», которая описывает события, случившиеся, по мнению ряда исследователей, именно в это время, говорится, что поднялась пыль по всей земле Египетской. Кони и верблюды, волы и овцы пали от моровой язвы. Прошел «...град весьма сильный, которому подобного не было в Египте со дня основания его доныне» (Исх. 9, 18). Память об этом природном фе-

номене не могла не сохраниться у народа хеттов, как сохранилась она в Библии.

Некоторые хеттские мифы имеют хурритское происхождение, например миф «О царствовании на небесах». В нем действует Кумарби — хурритский отец богов. На небе поочередно царствуют боги — Алалу, связанный с нижним миром, и Ану. Могучий Кумарби, склонившись у ног Ану (от шумерского «Ан» — Небо), «стоял перед ним, словно стольник, еду ему подавал» (пер. В.В. Иванова). Девять веков миновало, и Кумарби восстал. «Вниз с неба он Ану стащил... откусил его силу мужскую». В ответ Ану сказал победителю:

*Но радуешься ты напрасно.
Я тяжесть в тебе оставляю:
Во-первых, теперь ты чреват
Отважнейшим богом Грозы.
Чреват ты теперь, во-вторых,
Рекою безудержной — Тигром,
И, в-третьих, теперь ты чреват
Отважнейшим богом Тасмису.
Родятся три бога могучих,
Как тяжесть в тебе их оставляю.*

Еще Ханс Гютербок указывал на сходство этого мифа с «Теогонией» древнегреческого поэта Гесиода. Там поочередно царствуют Гея (Земля) и Уран (Небо). Могучий Крон оскопляет Урана (в греческом мифе — своего отца), но затем вместе с женой порождает бога-громовежца — Зевса. Последний побеждает своего отца. Можно предположить, что и хеттский миф (его концовка нам неизвестна) тоже заканчивался победой бога Грозы над «Кумарби могучим».

Обнаруженное сходство убеждает, что греческий миф о происхождении богов, вероятно, имеет хурритское происхождение, а Зевс-громовежец, прежде чем вознестись на Олимп, успел в другом обличье поцарствовать в стране хурритов и Хеттской державе.

9. Хеттские хроники

Демократичность Хеттской державы нашла отражение даже в ее историографии. Хеттские хроники описывают деяния не только царя, но и его приближенных. Они подробно сообщают, что хорошего сделали те для своей страны. Такого не встретишь ни в одной другой древневосточной хронике. Там всегда речь идет лишь о царе. Его окружение, как правило, остается безликой, безымянной массой.

И сами цари, изображенные придворными историографами, вовсе не напоминают других правителей древнего Востока. Ассирийские и вавилонские хроники часто очень подробно сообщают о деяниях своих царей, но их фигуры, скорее, напоминают каменных, безликих колоссов, чем людей. К ногам этих изваяний их жалкие слуги складывают целые страны, завоеванные в нещадной борьбе. Им приносят в жертву вражеские города, выжигая их дотла. Во славу их рубят головы бессчетным врагам и выбивают из подданных дань. Грозные и бесстрастные цари молча принимают эти дары, но ничто не способно потревожить их вечный покой. Они, как боги, спустившиеся на землю, все приемлют, ничего не прощают и никогда не подают надежду.

Хеттские хроники, в отличие например от вавилонских, очень реалистичны. Редко когда хеттский царь приписывает победы себе. Нет, он лишь орудие, которым помыкают высшие силы. В нем мало божественного, но им руководят боги. Их не обманешь похвальбой; перед всеведущим взором богов не припишешь себе победы; от них не скроешь поражений. Если в хронике искажаются факты, значит писец грешит перед богами, пытается им лгать. И не в этой ли лжи причины неудач, порой терзающих страну? Быть может, боги доверились рассказу нерадивого писца, скрывшего от них тяготы и беды, и не сделали того, что им надо было сделать, чтобы помочь людям?

Хеттские цари совсем не похожи на безликих восточных деспотов. Почти у каждого из них свой неповторимый, человеческий ха-

рактар. Они — земные цари, что мечтают стать богами; они тянутся к небу и никогда при жизни не достигают его. Вот разочарованный Хаттусили I размышляет о своих детях и ни в ком не может найти опоры. Вот юный честолюбец Мурсили I проникает в величайший город Земли и крадет статуи богов — словно Прометей, похищающий священный огонь; вот он возвращается домой, и, как хищные птицы, домочадцы бросаются на него и терзают его тело. Вот недоверчивый Суппилулиума I вновь и вновь перечитывает письмо египетской царицы; он не всеведущ, он не знает судьбы; кажется, еще мгновение, и он бросит жребий, чтобы понять, как ему поступить. Вот хитроумный Хаттусили III гасит пламя войны и вражды, устанавливая вечный «мир во всем кровавом мире».

Персонажи хеттских хроник, скорее, напоминают героев греческой истории. Нельзя не отметить, что безвестные хеттские летописцы (ученые сомневаются, стоит ли приписывать авторство хеттских хроник их царям) мастерски используют приемы, предвосхищающие стилистику греческих историков. Так, они вводят в повествование речи, произнесенные участниками событий, пересказывают письма, отправленные персонажами, оживляют рассказ историческими анекдотами — вот только не сообщают точные даты. Их «таблицы о мужественных деяниях» царей пестрят пометками «на следующий год», «на следующий год». Но с какого года вести отчет?

Долгое время хеттская хронология «висела в пустоте». У хеттов вообще не было своей хронологии. Они не отсчитывали события своей истории от определенного момента времени и, в отличие от других народов, не отмечали время правления своих царей. Если бы у хеттов не было никаких соседей, мы вряд ли установили бы, когда именно правили те или иные цари и даже когда существовали хетты.

Лишь сравнительная хронология позволяет нам восстановить время событий истории хеттов. Так, зная, что царь Мурсили взял штурмом Вавилон, мы обращаемся к вавилонской хронологии и

определяем дату этого события, а значит, приблизительно устанавливаем время правления самого Мурсили, а также его предшественников и преемников. Вот другой пример: письмо вдовы Тутанхамона к царю Суппилулиуме I позволило определить время жизни последнего. Однако и здесь в работах различных историков появляются самые разные цифры: например, 1375—1335 (Маргарита Римшнайдер), 1380—1346 (Генрих Оттен), 1381—1355 (Фридрих Корнелиус), 1380—1346 (Экзем Акургал; Джеймс Маккуин), 1380—1330 (Хорст Кленгель), 1380—1340 (Оливер Герни).

Часть четвертая
ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО ХЕТТСКИМ ГОРОДАМ

1. Климат

Малая Азия — неуютная страна. «Плоскогорье Малой Азии, — писал Оливер Герни, — в известном смысле является продолжением русской степи». Местный климат суров. Летом степь выжигает солнце; зимой на нее обрушиваются снегопады и дует резкий, неприятный северный ветер. Лишь кое-где эту гористую страну прорезают реки, по берегам которых тянутся скудные пашни — ведь только в речных долинах вдоволь хватает воды. Дожди редки, чаще всего они выпадают близ черноморского побережья или на юге полуострова, на склонах Тавра.

Вавилоняне называли здешние земли «ужасными». Греки, даже поселившись в Синопе или Трапезунде, старались не удаляться от побережья. В любой момент они готовы были сесть на корабли и бежать из дикого степного края. Даже герои их мифов никогда не проникают в глубь Анатолии — туда, где лежало древнее Хеттское царство. Недаром греки ничего не сообщают о хеттах, хотя многим обязаны им.

На родине хеттов, на северо-востоке Малой Азии, реки встречаются чаще и местность не выглядит такой унылой. Возможно,

*Фигура льва из Сакче-Гези. Базальт. Высота — 84 см.
Ассирийский стиль. Вторая половина VIII в. до н.э.*

что около четырех тысяч лет назад здешний климат был более мягким, в древности по склонам малоазийских холмов росли густые леса, постепенно погубленные человеком.

Люди издавна селились в Малой Азии, на этих «ужасных» землях, ведь они изобиловали полезными ископаемыми — особенно залежами металлов. Местные жители занимались их добычей и обработкой, а также сельским хозяйством. Выращивали ячмень, полбу, горох, бобы, лен, виноград, яблони, оливковые деревья, а также, возможно, гранатовые и грушевые деревья. В лесах и степях водились львы, леопарды, волки, олени, кабаны, дикие буйволы, горные козлы, змеи, орлы.

2. Прогулки по Хаттусе

Основные памятники Хаттусы были открыты уже в первое десятилетие ее раскопок. Хаттуса располагалась в горах, среди скал и ущелий, представлявших собой естественное укрепление. Рельеф местности заметно отличал хеттскую столицу от других древневосточных «мегаполисов».

Хаттуса была возведена на пересечении двух древних торговых путей. Поначалу все постройки в городе группировались вокруг большого храма. Позднее они рассредоточились по всему горному плато, и были возведены новые укрепления.

В течение столетий Хаттуса приобрела пышный вид. Это — один из самых величественных памятников древности. В период расцвета ее площадь превышала 120 гектаров. Город украшали огромные дворцы и храмы. Здесь имелось несколько источников питьевой воды и была сооружена система водоснабжения и канализации. В Хаттусе было разбито несколько прудов. Жилые здания за-

Когда-то здесь находилась столица Хеттского царства — Хаттуса

нимали менее половины городской территории. По оценке Джеймса Маккуина, в Хаттусе проживали 30—40 тысяч человек, но эти данные весьма спорны.

Город был обнесен циклопическими стенами, сложенными из громадных камней (длиной до двух метров) неправильной (полигональной) формы, прилегавших друг к другу без строительного раствора. Подобные стены встречаются и в Микенах, а вот в Трое и на Крите стены возводили из тесаных камней средней величины.

Исследователи отмечают, что хеттская архитектура скорее напоминает архитектуру Мохенджо-Даро и Хараппы, чем стран древнего Востока. Это не должно удивлять, ведь древнеиндийская цивилизация, очевидно, была первой городской цивилизацией, с которой познакомились индоевропейские племена.

Высота стен Хаттусы, построенных уже к 1400 году до нашей эры, достигала шести метров, а ширина — восьми метров. Вероятно, над ними была возведена надстройка из сырцового кирпича, но она не сохранилась до нашего времени. Крепостные стены Хаттусы фактически состояли из двух расположенных рядом стен, промежуток между которыми был засыпан щебнем и камнями. Внешняя (главная) стена была выше и шире внутренней (вспомогательной). Между ними возводились поперечные переборки, мешавшие врагам проломить стену. Другие города хеттов также были окружены стенами подобной конструкции. Экрем Акургал справедливо называл хеттов «лучшими строителями крепостей на древнем Востоке».

Особенно хорошо Хаттуса была укреплена с юга, поскольку южный склон плато был пологим и нападения врагов приходилось ждать именно отсюда. Здешний отрезок стены частично уцелел до наших дней. Северный склон плато круто обрывался вниз, образуя естественную защиту.

В крепостной стене было обустроено несколько ворот. Из них хорошо сохранились лишь Восточные (Царские) и Западные ворота — две главные достопримечательности современного Богазкея.

С обеих сторон городские ворота были защищены прямоугольными башнями, чей вид можно реконструировать по имеющимся изображениям.

Наиболее известны Львиные (Западные) ворота. Их охраняют два сидящих льва. Правый лев сохранился практически полностью, а у левого сильно повреждена голова. Своими разверстыми лапами они отгоняют от города злые силы. Такое же назначение было у статуй львов, сооруженных возле так называемых Львиных ворот в Микенах. Впоследствии так же стали делать ассирийские архитекторы.

У Южных ворот возвышались два сфинкса, смотревшие в сторону города. В настоящее время их статуи выставлены в музеях

Хаттуса. Царские ворота. XIII в. до н.э.

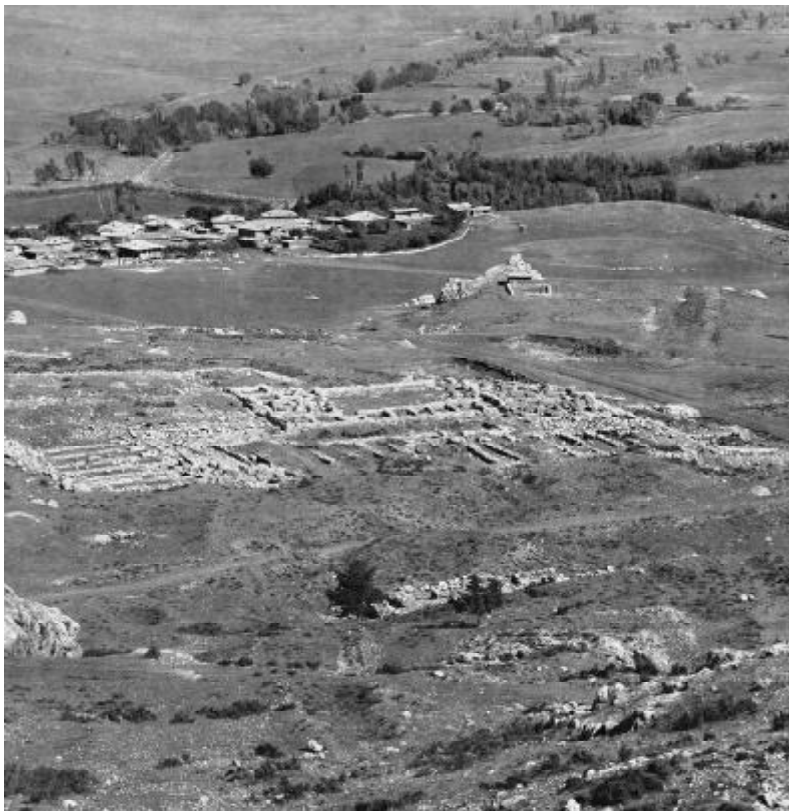

Хаттуса. Остатки северо-западной стены царской крепости. 1400—1180 гг. до н.э.

Стамбула и Берлина. Львы и сфинксы — единственные уцелевшие произведения монументальной хеттской скульптуры. Почти все остальные памятники, дошедшие до нас, представляют собой рельефы.

Царская крепость Бююккале находилась на вершине скалы. С востока и юга она была неприступна, а с запада ее защищала еще одна система стен. Крепость достигала в поперечнике километра и была одной из крупнейших цитаделей древности. Она напоминала крепость Трои VI. Размеры самого большого здания кре-

пости составляли почти 40 x 50 метров. Вероятно, оно служило хранилищем. Трудно судить однозначно о назначении остальных построек, датируемых XIV—XIII веками до нашей эры; от них оста-

*Хаттуса. Основание храма бога Грозы и богини Солнца Аринны.
XIII в. до н.э.*

лись лишь фундаменты и стены нижнего этажа. Лишь царский дворец выделяется своей капитальностью; он возведен из гранитных глыб. Перед дворцом простирался двор, окруженный колоннадой. Дворец был официальной резиденцией хеттских царей, но жить они предпочитали за стенами крепости, в городе.

Все постройки царской крепости меркнут на фоне крупнейшего городского храма — храма бога Грозы и богини Солнца Аринны. Он лежал в северо-западной части города. Этот храмовый комплекс занимал территорию размером 160 x 135 метров. Его план, как и весь план Хаттусы, выдает любопытное своеобразие хеттской архитектуры: весь город, как и отдельные здания, возведен совершенно асимметрично. Храмовое святилище, целла, лежит не прямо напротив входа, а в стороне от него. Главный вход в храм также расположен не посередине одной из стен, а смещен в сторону.

В отличие от греческих храмов, в хеттском святилище имелись окна, поэтому в дневные часы оно было освещено солнечными лучами. Яркий свет заливал статую божества, стоявшую в целле. Возможно, в глубокой древности хетты поклонялись своим богам на открытом просторе. Об этом может свидетельствовать и существование близ Хаттусы скального святилища Язылыкая.

Главный храм Хаттусы окружен узкими пристройками — хранилищами. В этом нет ничего удивительного, ведь жертвенные дары, принесенные богу, надо было где-то хранить, — а поскольку царь был одновременно и верховным жрецом, то сбор жертвенных даров мало чем отличался от сбора налогов с населения. В этих хранилищах, как и в Кносском дворце на Крите, нашли огромные глиняные кувшины (пифосы). Вообще весь храмовый комплекс напоминает критские сооружения.

Огромные подземные хранилища зерна были обустроены в различных частях Хаттусы. Так, во время раскопок 1990-х годов было найдено зернохранилище, запасов которого хватило бы, чтобы прокормить в течение года 30 тысяч человек. Здесь еще лежало несколько тонн обугленного зерна.

В Хаттусе располагалась и древнейшая библиотека мира. Для сравнения назовем время создания других известных нам древних библиотек: библиотека царя Тиглатпаласара I в Ашшуре и библиотека Ашшурбанипала в Ниневии были основаны соответственно около 1100 и 650 годов до нашей эры.

Эта библиотека находилась в царской крепости. Ее здание насчитывало не менее двух этажей и достигало 32 метров в длину. На его месте обнаружено множество глиняных табличек и их фрагментов. Первоначально эти таблички («книги») стояли на деревянных полках. С одной стороны таблички были слегка выпуклыми, что позволяло легко извлечь нужную «книгу» с полки. В помещении поддерживались чистота и порядок. Небольшие прямоугольные или овальные таблички (длина — 6—7 сантиметров; ширина — 4—5 сантиметров) указывали названия книг, представленных на той или иной полке. Очевидно, их прикрепляли к полке. Вот названия

Скальное святилище Язылыкя. 1275—1220 гг. до н.э.

некоторых табличек: «Таблички о деяниях Мурсили», «32 таблички о празднике пурулли в городе Нерике». Археологи обнаружили также каталоги. В них скрупулезно помечено, все ли таблички («страницы») сохранились или какие-то отсутствуют.

3. Святилища хеттов

Среди важнейших обязанностей хеттских царей было проведение праздника весны — пурулли — в честь бога Грозы; он длился 38 дней. Одним из главных событий этого праздника было представление, во время которого бог Грозы сражался со Змеем Иллуянккой — жизнь побеждала смерть, а добро торжествовало над злом.

Главным центром празднования пурулли было горное святилище Язылыкя (Расписные скалы), расположенное близ Хаттусы. Оно представляло собой два соединенных друг с другом ущелья. При Тудхалии IV перед ними был возведен храм.

Стены святилища были украшены рельефами, а также иероглифическими надписями. На западной (левой) стене ущелья А изображены 42 божества, в основном мужчины, а на противоположной стене — женские божества. Они словно бы движутся навстречу друг другу. У ног двух богинь находится двуглавый орел (впоследствии его изображение украсит герб Российской империи, а теперь — и Российской Федерации). В центре композиции изображены бог Грозы Тешуб и его супруга — Хепат. В глубине ущелья обе процессии богов — всего их здесь 63 — сходятся.

Любопытно, что в основном эти боги принадлежат хурритскому пантеону. В связи с этим также не раз высказывались предположения, что династия новохеттских царей, родоначальником которой стал Тудхалия II, была хурритского происхождения. Если вспомнить об именах, которые хеттские правители носили до своего воцарения, эта гипотеза становится еще более убедительной. Впрочем, Экрем Акургал считал, что речь идет лишь о «модной тенденции» — подражании всему хурритскому.

Скальное святилище Язылыккая. Фрагмент восточной стены.
1250—1220 гг. до н.э.

Боги святилища Язылыккая одеты в короткие туники или плащи, обуты в башмаки с загнутыми носками; на их головах — конические шапки. Они держат мечи. Богини облачены в длинные юбки. Те и другие носят серьги и браслеты. Если боги изображены в вавилонской и ассирийской манере — часть тела в профиль, а часть анфас, то богини показаны в полный профиль. Возможно, что это изображение было новаторским в древневосточном искусстве.

Самое большое изображение в Язылыккае — это изображение царя Тудхалии IV на восточной стене ущелья А. Его высота — 2,95 метра, в то время как «рост» участников процессии не превышает 2,20 метра. За его спиной открывается вход в ущелье В, охраняемый крылатыми чудовищами с львиными головами. Появление царского портрета свидетельствует о том, что мировоззрение хеттов изменилось. Теперь, подобно другим народам древнего Востока, они стали почитать своего царя как бога.

Это особенно заметно в ущелье В, превращенном в святилище царя Тудхалии IV. Там он изображен еще раз; бог Шаррума покровительственно берет его в руку, защищая и поддерживая. Возможно, что это помещение предназначалось для погребения царя. В не-

Шествие двенадцати богов. Рельеф на западной стене
святилища Язылыккая. 1250—1220 гг. до н.э.

большой нише, вырубленной в скале, мог храниться пепел покойного царя.

Следует добавить, что эта сценка — бог, хранящий царя, — выполнена с непривычным для хеттов композиционным мастерством. Высказывалось предположение, что идея этой композиции не могла принадлежать местному художнику.

Храмы Хеттской державы славились не только своими рельефами. В них устанавливали крупные статуи богов, отлитые из бронзы, серебра или золота. Об этом сообщают дошедшие до нас инвентарные списки. Сами же статуи практически не сохранились.

Долгое время была известна лишь одна статуя, найденная на холме близ Фасиллара, да и то она была сильно повреждена. Она изображала бородатого бога, стоявшего на двух львах. Среди недавних находок стоит упомянуть статую бога Грозы, обнаруженную в местечке Девлек. Большинство специалистов датируют ее XIV веком до нашей эры. В поднятой руке бог наверняка держал топор или пучок молний, — именно так традиционно изображали бога Грозы, — но здесь эта деталь утрачена. Облик других хеттских богов передают небольшие, иногда высотой всего несколько сантиметров, статуэтки из золота или серебра, которые хетты, возможно, брали с собой в качестве талисмана. Известны подобные статуэтки, относящиеся к X и даже VIII векам до нашей эры, например найденная недавно фигурка божества, стоящего на колеснице.

Нередко изображения богов были символическими, например бога Грозы представляли в виде быка. В перечнях жертвенных даров упоминаются «большой бык из железа», «большой бык, покрытый свинцом» или «большой бык из серебра» и т.п. Богов изображали также в виде оружия — меча или копья.

4. Раскопки Сариссы

Важным археологическим событием последних лет стали раскопки холма близ деревни Кусакли в Центральной Анатолии, нача-

*Царь Тудхалия IV (1250—1220 гг. до н.э.) ступает по вершинам гор.
Рельеф на восточной стене святилища Язылыкая*

тые около десяти лет назад. Эти раскопки ведет профессор Марбургского университета Андреас Мюллер-Карпе. Он идентифицировал найденное здесь поселение с Сариссой — известным из письменных памятников культовым центром хеттов. Здесь почитали бога Грозы Тешуба.

Город был защищен такой же системой укреплений, как и Хаттуса. Археологи раскопали здесь храм, посвященный богу Грозы. Это — самое большое из всех известных нам хеттских святилищ. Его внутренний двор достигал следующих размеров: 34 × 43 метра.

В 2001 году в Сариссе был найден и небольшой архив. Две самые крупные клинописные таблички (всего их обнаружено десять) содержат около семидесяти строк текста.

В окрестности Сариссы найдены следы еще одного хеттского города — возможно административного центра державы. Однако турецкое правительство пока не разрешило археологам проводить здесь раскопки.

5. Хеттская Сирия

В Сирии хетты создали два зависимых от метрополии вице-царства со столицами в Каркемише и Хальпе. Суппилулиума I назначил правителями этих царств своих сыновей, основав таким образом две дружественные Хеттской державе династии.

Судьба хеттской Сирии еще раз подчеркивает, как разительно отличалось Хеттское царство от восточных деспотий. Разве можно назвать сирийские владения хеттов «колониями» в традиционном смысле этого слова? Если бы эти страны были завоеваны хеттами в жестокой борьбе, а не присоединились к ним добровольно, то после распада державы здесь начались бы гонения на все хеттское. Язык прежних завоевателей был бы совершенно вытеснен местными языками. В Сирии же почти пять веков тщательно хра-

* Здесь и далее — до н.э.

нились и поддерживались хеттские традиции. Местные государства стали прибежищем для многих хеттов, вынужденных покинуть родину.

Хеттский язык в городах-государствах знали не только отдельные книгоучи, как латинский язык в эпоху Просвещения. Нет, в Сирии на нем составлялись царские указы. В хеттской Сирии мелькают и знакомые нам имена правителей, только произносятся несколько иначе: Сапалулме вместо Суппилулиумы, Каттуцил вместо Хаттусили, Муталлу вместо Муваталли. Очевидно, сирийские цари стремились постоянно напоминать о славном прошлом хеттского народа. Эпоха блестящих царствований, отразившись в этих славных именах, бросала свой отблеск на современность.

В Сирии сохраняются и традиции хеттского искусства. Здесь складывается ряд местных художественных школ, однако их традиции мало изучены и отдельные произведения с трудом поддаются датировке. В этих произведениях уже ощутимо влияние ассирийских и финикийских традиций.

Важным центром хеттского искусства в это время стал Каркемиш. Многочисленные ортостаты — вертикально установленные плиты или камни, как и надписи, свидетельствуют о вековом сохранении традиций Хеттской державы. Правда, поздние рельефы

Хеттский царь. Рельеф из Каркемиша. Высота — 128,5 см. Ассирийский стиль. 850—700 гг. до н.э.

*Дети царя Арараса. Рельеф из Каркемиша. Высота — 119 см.
Ассирийский стиль. Вторая половина VIII в. до н.э.*

Каркемиша уже напоминают ассирийские рельефы. Их персонажи облачены в длинные ассирийские мантии, ассирийские головные уборы и ботинки с прямыми носками. Пример тому — рельеф, изображающий царя Ярири с семьей и телохранителями (первая половина VIII века до нашей эры); он обнаружен неподалеку от храма.

Раскопки последних лет показали, что и в Хальпе сложилась своя скульптурная школа, своеобразно трактующая традиции метрополии.

Несколько десятилетий назад к северу от Хальпы, в Айн-Даре, раскопан огромный хеттский храм (38 × 32 метра), по своей архитектуре мало похожий на традиционные хеттские образцы. Он напоминает, скорее, типично сирийские постройки. Храм был украшен многочисленными базальтовыми фигурами львов и сфинксов, причем они очень походят на сфинксов Хаттусы.

Часть пятая

ХЕТТЫ У СЕБЯ ДОМА

1. Как выглядели хетты?

Хетты были индоевропейцами, и потому их трудно было спутать с другими народами древнего Востока. Египетские художники, очень точно подмечавшие разницу между теми или иными народами, наделяли хеттов очень характерными чертами. Их профиль напоминает «греческий»: у них — высокий лоб, слабо намечена переносица. Телосложение хеттов, скорее, крепкое, коренастое, чем стройное; они несколько склонны к полноте.

В отличие от египтян и других азиатских народов, хетты не подрезали волосы, не выбривали голову наголо и не носили парики. Их светло-каштановые волосы свободно спадали на плечи. Иногда волосы были перевязаны лентой или заплетены в косицы. В эпоху Древнего царства хетты гладко выбривали лицо. Позднее в моду вошла борода; мода эта пришла из Сирии.

Хеттские цари изображались с накладной бородой и в шапке. Обычно цари носили круглые шапки, но по случаю важных государственных празднеств надевали высокую коническую шапку. Тогда же они облачались в длинный плащ.

Вообще по праздникам все хетты надевали рубахи (туники) подлиннее и по красивее. Обычно же они носили туники, доходив-

шие до колен. Рукава рубах были длинными. Иногда туника была украшена вышивкой или металлическими вставками. Одежду хетты чаще всего не подпоясывали, а скрепляли на плечах бронзовыми булавками. Хеттские воины облачались в легкую тунику и юбку. Хетты, жившие в Сирии, тоже носили разукрашенные юбки, подобно критянам и филистимлянам.

Обувь — башмаки или сапоги — предпочитали носить закрытую, со слегка загнутыми вверх носками. В подобных туфлях — они

Траурная процессия. Рельеф из Каркемиша. Высота — 112 см. Традиционный стиль. 1050—850 гг. до н.э.

напоминали кавказские чувяки и имели хаттское происхождение — было легче карабкаться по горным тропам. На ноги надевали также чулки или гетры.

В отличие от критянок, хеттские женщины одевались очень скромно и сдержанно. Поверх широких, слегка плиссированных юбок, перехваченных широким поясом, надевали блузку и накидку из плотной ткани, доходившую до пят. Она хорошо защищала от пыли и ветра.

Из украшений хетты — и мужчины, и женщины — носили обычно браслеты и ожерелья, реже — серьги. Популярностью пользовались подвески в виде солнечных дисков, полумесяцев, фигурок животных, особенно быков.

2. Жилища хеттов

По своей планировке хеттский дом не похож на греческий. В нем не было вестибюля и центрального зала. Комнаты располагались в произвольном порядке, группируясь вокруг внутреннего дворика. Тот иногда находился прямо перед домом.

Хетты строили дома обычно из кирпича-сырца на каменном фундаменте. Отдельные камни заподлицо подгоняли друг к другу, обходясь без строительного раствора. В лесистой местности использовались деревянные балки. Нередко здания насчитывали несколько этажей. Из окон или дверей верхних этажей можно было по приставной лестнице спуститься вниз, на соседнюю крышу.

Крыша дома была плоской; ее мастерили из сплетенных и обмазанных глиной ветвей, положенных на деревянные стропила. По крыше можно было ходить. Если хозяин болел и не мог добраться до храма, то очистительные церемонии совершались прямо у него дома — чаще всего именно на крыше.

Дом освещался и проветривался благодаря огромным низким окнам, которые закрывались ставнями; решетка на окнах отсутствовала. Хеттские дома, дворцы и храмы были залиты светом; в них

Хеттское надгробие на могиле супружеской пары. Высота — 100 см. Арамейский стиль. Конец VIII — начало VII вв. до н.э.

всегда притекал свежий воздух; они казались распахнутыми настежь. Пусть города хеттов были ограждены стенами, но хеттский дом вовсе не напоминал собой крепость.

Интерьер хеттского дома отличался простотой. В доме имелись очаг и каменный стоk. Основными предметами мебели являлись кровать, стул, стол и сундук. Мебель была менее громоздкой, чем наша. Ее легче было вынести из помещения и перевезти на другое место. Внутри хеттских домов встречаются также небольшие мощенные комнатки, возможно ванны или туалеты.

Присаживаясь, хетты для большего удобства подкладывали под себя подушки. Самое высокое сиденье в доме предназначалось для главы семьи или уважаемого гостя. Возвратиться на это сиденье можно было лишь с помощью специальной скамеечки. В домах знатных людей и кровать была такой высокой, что на нее поднимались по ступенькам или приставным лестницам. Воистину, за возвышение при дворе требовалось смириться с определенными неудобствами. Бедняки, разумеется, не затрудняли себе жизнь подобным способом.

В зажиточных домах на полу перед кроватью лежали тканые коврики, чтобы, сняв обувь, человек не простудился, перешагивая по каменным плиткам.

Подвал хеттам заменял огромный (высотой около двух метров) глиняный сосуд, врытый в пол. В нем хорошо сохранялись продукты, ведь внутри было сухо и прохладно.

В доме непременно имелась зернотерка. Она состояла из двух камней: камня с углублением, в которое насыпали зерно, и ступы, умещавшейся в руке. Среди других предметов, которые встречались в домах хеттов, можно назвать веретено, ткацкий станок, металлическое зеркало, глиняные амулеты, игрушки.

Пища хеттов была простой, но сытной и здоровой. Рацион простых людей составляли овощи, фрукты, хлеб, пиво, молоко и молочные продукты. Люди побогаче чаще питались мясом. Вино и выпечку приберегали для праздников; ими же угощали богов. Пиво

считалось народным продуктом. Его пили теплым, не разливая в чашки, а потягивая с помощью тростниковых трубочек прямо из больших сосудов.

3. ХОЗЯЙСТВО ХЕТТОВ

В хеттских городах жило много ремесленников; они селились целыми кварталами. Мастерские были достаточно крупными. Так, в одном из хеттских законов упоминается количество людей, работавших в мастерской: «Если ремесленник и человек его [наследственной] доли живут вместе, [и] [если они поссорятся] и решат разделить свое домашнее имущество, [то] если на их земле было 10 человек, ремесленник должен взять 7 человек и человек его [наследственной] доли должен взять три человека».

К сожалению, мы мало что знаем о жизни хеттских ремесленников. Известно, что при дворе царя работали пекари, шорники, портные, сапожники, кузнецы. Очевидно, среди ремесленников преобладали люди именно этих профессий. Сохранились также упоминания о ряде других профессий — врача, ювелира, медника, прядильщика, рыбака. Однако мы мало что знаем о том, какими приемами и орудиями труда они пользовались, поскольку не сохранилось изображений, показывающих людей, занятых повседневным трудом.

Анатолия изобиловала полезными ископаемыми. Поэтому нет ничего удивительного в том, что хетты хорошо разбирались в обра-

Глиняный сосуд в форме двуглавой утки. Высота — 20,2 см. XV в. до н.э.

ботке металлов. Еще до появления хеттов в Анатолии добывали медь и серебро. Однако самым ценным металлом считалось железо. Оно пользовалось большим спросом у правителей соседних стран, но технология его плавки была плохо освоена; секрет его изготовления знали лишь отдельные мастера. Из железа изготавливали украшения, небольшие культовые предметы, а иногда и оружие. Подробнее о производстве железа мы поговорим ниже.

К числу ценных металлов, наряду с золотом, серебром и железом, относился и свинец. Из него также мастерили культовые предметы. Бронза и медь ценились менее высоко. Они шли на изготовление бытовой утвари и оружия.

Хетты умели ковать и чеканить прекрасную металлическую посуду. Во второй половине II тысячелетия до нашей эры хетты все

*Два быка. Каркемиш. Базальт. Высота — 102 см.
Традиционный стиль. 1050—850 гг. до н.э.*

больше пользуются ею, чем керамической посудой. Часто встречается посуда с острыми кромками и выступающими деталями. Впрочем, хетты были народом практичным и не любили попусту украшать обиходную утварь.

Мало что мы знаем и о жизни хеттских купцов. Вероятно, после ухода из Анатолии ассирийских купцов их место заняли хетты. Однако торговые документы попадают среди клинописных табличек редко, может быть потому, что хетты не считали их важными документами и не берегли.

Между тем торговля в Хеттском царстве была оживленной. Мы можем косвенно судить об этом хотя бы потому, что мулы стоили очень дорого — втрое дороже лошадей. Цена упряжной лошади, согласно хеттским законам, равнялась 20 сиклям серебра (примерно 168 граммов. — *Авт.*), а цена мула — одной мине серебра (505 граммов. — *Авт.*). Странно? Но ведь при перевозке товаров по горным дорогам Анатолии мулы были незаменимы; без этих выючных животных отправиться в дальний путь было рискованно. Даже войска, пересекая горные перевалы, ведут с собой нагруженных поклажей мулов или ослов, в то время как на равнинах Сирии груз кладут в повозки.

В качестве денег хетты, как и другие народы древнего Востока, использовали весовое серебро в слитках или кольцах. При необходимости, — если требовалось уплатить небольшую сумму, — от этой «монеты» отпиливали кусок и расплачивались им. Мелкие покупки оплачивали также кусочками свинца. Чеканные монеты появятся уже после падения Хеттской державы — в Лидии.

4. Тайна железа

Жители Малой Азии — хатты — изготавливали железо еще в III тысячелетии до нашей эры. В.В. Иванов в своей работе «История славянских и балканских названий металлов» впервые детально описал становление металлургии железа. Он подчеркнул,

что в древности металлургия была неразрывно связана «с другими видами деятельности, которые только позднее дифференцируются, становясь отдельными ремеслами (гончарное производство, ювелирное дело, стеклодувный промысел)».

Так, первоначально оксиды железа могли использовать гончары, ведь цвет глины меняется от содержания в ней этих оксидов. При производстве керамики, а также меди и бронзы древние мастера получали железо в виде шлаков, но относились к нему как к отходу производства. Однако в некоторых районах Малой Азии в погребениях XXI века до нашей эры уже встречаются железные изделия.

В «каппадокийских табличках» не раз упоминается драгоценный металл «амутум» — железо. Его сбыт строго контролировали правители анатолийских городов-государств.

Как показали лингвистические исследования, проделанные В.В. Ивановым, хетты, переселившись в Анатолию, переняли у живших здесь хаттов технологию выплавки железа и само название этого металла. Впоследствии это название проникло в хурритский и аккадский языки, а затем в языки многих других народов Евразии, например в греческий, славянские, литовский, древнекитайский языки. К этому названию восходит и русское слово «железо». «Греки до времен Эсхила сохраняли память о «халибах» — хатти, первых изобретателях железа и стали, живших на черноморском берегу Малой Азии», — отмечал В.В. Иванов. В то же время оказалось, что исконное кавказское название железа, восстановленное по данным адыгейского, убыхского, кабардинского языков, совпадает с хаттским.

Хатты, как позднее и хетты, использовали железные предметы в различных ритуалах; они служили символами царской власти. Так, известно сообщение о том, что царь Анитта получил от правителя хаттского (или хурритского) города Пурусханды железные скипетр и трон. Сам хеттский царь именовался «великим царем из железа».

Как показали советский хеттолог Г.Г. Гиоргадзе и его чешская коллега Я. Зигелова, хеттские мастера использовали несколько видов железа: обычное «железо», которое изготавливали из руды, «черное небесное» (также «черное» или «небесное») железо — так называли метеоритное железо; оно было более крепким, чем рудничное, — и «хорошее/чистое» железо (очевидно имелась в виду сталь).

В.Г. Ардзинба составил пространный перечень предметов, которые хетты изготавливали из железа: «Три типа трона, скипетр, калмус (посох, напоминающий авгурский), жезл, копье; символы, использовавшиеся в ритуале и культе: шарики (и кусочки) из железа, модельки яблок, языков, неба, земли, модельки кораблей, дверей, алтари, различные виды сосудов, гвозди, подставки для статуэток, статуэтки, обычно выполненные в виде фигурок, изображающих мужчину или женщину, животных или просто палицу (булаву)... Из железа изготавливались различные украшения: кольца (для ношения на руке и на ноге), серьги, нагрудные украшения. Но особенно существенно то, что из железа делались и предметы хозяйственного, бытового назначения и оружие: «длинные сосуды», ножи, молоты, серпы, кинжалы (и в особенности железные лезвия), мечи, копья, топоры, палицы... Возможно, что одним из самых массивных железных изделий хеттских мастеров являлся сакральный трон; в ритуалах на священном престоле часто совместно восседали два человека — царь и царица».

5. Развлечения хеттов

Хетты занимались стрельбой из лука, фехтованием, бегом и верховой ездой. Женщины тоже ездили верхом; они садились на боковое седло и ставили ноги на специальную подставку.

Во время празднеств устраивались культовые игры, участники которых, разбившись на две команды, сражались деревянным или бронзовым оружием. Впрочем, описание данного состязания мало понятно.

*Охота на льва. Рельеф на стене крепости Аладжа-Хююк.
Высота — 130 см. XIV/XIII вв. до н.э.*

Известно также, что хетты проводили гонки колесниц. Ахейцы учились этому искусству у хеттов.

Популярна у хеттов была охота на зайцев и оленей. В добычу стреляли из лука; загоняли ее с собаками; брали на охоту и ловчих птиц — соколов. В Киликии и Сирии на охоту выезжали на колесницах, а иногда и верхом.

В Северной Сирии, где чаще встречаются реки, среди хеттов было популярно плавание. В Каратепе найдено даже изображение парусного судна. В Сирии была популярна рыбная ловля; рыбу

ловили вершами, а также с помощью ловчих птиц, которых пускали с лодки. Рыба считалась деликатесом; ее подавали к княжескому столу.

Хетты часто изображали музыкантов. Вполне возможно, что традицию игры на музыкальных инструментах переняли у них греки.

Сами хетты многому научились у вавилонян; они заимствовали у них систему счисления, астрономические и медицинские знания.

6. Искусство хеттов

Хеттская культура бедна подлинными шедеврами искусства, если сравнивать ее с месопотамской, минойской или египетской культурами. «Тут мало воображения, тонкого изящества, вдохновенного таланта или технического совершенства, одна грубая сила, которая сразу ощущается и в огромных настенных рельефах, и в изделиях малых форм», — писал Джеймс Маккуин. Впрочем, многие произведения хеттского искусства, возможно, еще не найдены. Так, нам неизвестны царские гробницы хеттов. В той же Хаттусе достоянием археологов стали в основном монументальные каменные барельефы, если не считать небольшие печати и статуэтки.

Хеттские цилиндрические печати — «весьма исключительное явление, и изображения на них не восходят к вавилонскому репертуару» (О. Герни). Печать имела

*Базальтовая статуя льва,
найденная при раскопках местечка
Малатия на Верхнем Евфрате.
Высота — 131 см. Традиционный
стиль. 1050—850 гг. до н.э.*

форму небольшого конуса, цилиндра или кубика. Реже попадались кольца с печатями или печати, похожие на пуговицы. На царских печатях встречались клиновидные письмена, сообщающие имя царя, «монограмма» царя под крылатым солнечным диском, а также различные символические сцены, например изображение бога-покровителя, обнимающего царя (подобными печатями скрепляли договоры). Часто встречались изображения орла, грифона или какого-либо другого животного.

Поразительно пристрастие хеттов к монументальным наскальным произведениям. Пожалуй, вряд ли назовешь другой народ, который взялся бы высекать такой громадный рельеф, как в Карабеле, на побережье Малой Азии. «Вероятно, горы для хеттов были чем-то бóльшим, чем просто среда обитания, — писала российский искусствовед Наталья Боровская. — В религии хеттов существовал культ камня, даже небесный свод они считали каменным». Недаром самым известным памятником хеттского искусства является скальная галерея в Язылыкае, описанная выше.

В конце XIV века до нашей эры хеттские скульпторы стали создавать наскальные рельефы и в отдаленных районах Хеттской державы — на горных перевалах, по берегам рек и обочинам важных дорог. Чаще всего их сопровождали надписи на хеттском языке; они приписывали их создание воле царя или его родственников. Сами заказчики обычно тоже были изображены на этом рельефе.

Сохранившиеся произведения хеттского искусства позволяют судить о некоторых принципах, которыми руководствовались художники. Очевидно, хетты, как дети, принимались изображать человека с головы, поэтому голова получалась крупнее обычного, а ноги, наоборот, укорачивались.

Хеттский художник вообще не задумывался о композиции изображения. Он начинал вырезать рельеф примерно посередине и продолжал сразу по всем направлениям — словно у каменной плиты не было краев. Его как будто не волновало, что одни фигуры пови-

*Сфинкс из Кара-тепе. Базальт. Арамейско-финикийский стиль.
Около 700 гг. до н.э.*

сали в воздухе, другие оказывались явно несоразмерными. Если ассирийцы старались расположить персонажи композиции на одной линии, то хетты не делали этого. На хеттских рельефах люди и животные повисают — «плывут как рыбы в аквариуме». Руки, ноги, предметы парят в пространстве, напоминая, скорее, иероглифы, выпавшие из строки. И, наоборот, хеттские надписи, выполненные иероглифами, кажутся иной раз миниатюрными рисунками.

Произведения хеттского искусства довольно натуралистичны. В то же время некоторые элементы композиций хеттские мастера изображали строго в соответствии с канонами. Так, голова мужчины всегда изображалась в профиль, плечи и грудь — анфас, а ступни ног — тоже в профиль. Это соответствовало представлениям художников древнего Востока об идеальном мужском портрете.

Часть шестая ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ХЕТТОВ

1. Хетты в канун переселения народов

Отремела великая битва. От стен Кадеша отступили две армии. Теперь Хеттская держава находилась на вершине могущества. Она была сильна как никогда. Ее правители поддерживали тесные отношения со всеми соседними странами, стараясь решать любые споры дипломатическим путем и редко ввязываясь в крупные военные конфликты, ведь они могли угрожать самому существованию их державы.

Вместе с союзными ей территориями Хеттская держава простиралась от Восточной Анатолии до Эгейского моря на западе и от Черного моря на севере почти до Леванта. На востоке она поглотила соперничавшее с ней прежде царство Митанни, а также часть территории ослабшей Ассирии. На юге хетты подчинили себе Северную Сирию, непосредственно соприкасаясь с владениями Египта, отношения с которым стали со временем дружественными. На западе хетты настойчиво колонизовали окраину Малой Азии.

Так минуло время царствования Хаттусили III и Тудхалии IV. В пору правления Арнуванды III, сына Тудхалии IV, политическая обстановка в Анатолии резко изменилась. Из «Обвинения веролом-

ного Маддуватты из [страны] Циппасла» мы узнаем, как осложнилось положение хеттского царя.

Страна Циппасла лежала где-то на западе Малой Азии. Первоначально Маддуватта был мелким вассалом Хеттского царства. Свои земли — «горную страну Циппасла» — он получил в дар от царя Тудхалии IV, но постепенно он завладел всей юго-западной частью Малой Азии. Арнуванда говорит: «И преступил Маддуватта клятву, [принесенную] отцу Солнца, и захватил всю страну Арцаву». У Маддуватты хватило сил даже напасть на Аласию (остров Кипр).

Из этого же «Обвинения» явствует, что восстали и другие области Хеттской державы. На ее западной границе образовалась коалиция хеттских врагов. На востоке объявился некий мятежник Мита. Зато на южных рубежах страны опасность улеглась. В Ассирии после убийства царя Тукульти-Нинурты I, — заклятого врага хеттов, угнавшего в неволю тысячи хеттских подданных, — вспыхнула смута, и ассирийцам было не до новых походов. Беда пришла с запада. Начиналось великое переселение народов.

2. Хетты и ахейцы, троянцы и греки

На западе хеттам противостояла Аххиява — объединение ахейских племен, занимавших Пелопоннес, Македонию, Крит, острова Эгейского моря и Милет (Милаванду). Это объединение, традиционно называемое Микенской Грецией, было на исходе бронзового века третьей великой державой Восточного Средиземноморья.

С середины II тысячелетия до нашей эры микенские греки поддерживали тесные отношения с Троей. Правда, можно лишь в общих чертах представить себе, как складывались эти отношения до знаменитой Троянской войны. Археологи пока не отыскивали городские архивы Микен. Гораздо лучше нам известны официальные документы хеттов. Вот и получается, что историю Микенской Греции — Аххиявы, как она именуется в хеттских сообщениях, — нам приходится изучать по текстам, найденным при раскопках Хаттусы.

В копиях писем, адресованных в Микены, хеттский царь всякий раз, даже жалуясь на набеги греков на берега Малой Азии, называет царя Аххиявы «своим братом», пусть это обращение и звучит формально. Такой титул ставит правителя Аххиявы вровень с египетским фараоном и самим царем хеттов. Судя по тому, что мы знаем, хетты и микенцы долго пребывали в переписке друг с другом. Были в их отношениях и напряженные моменты, были и более счастливые времена. Они то дружили, то враждовали. Однако отношения между собой поддерживали всегда.

К сожалению, письма самих микенских властителей, адресованные «хеттскому брату», до сих пор так и не найдены в архивах Хаттусы. Поэтому мы можем лишь по косвенным фактам реконструировать отношения между двумя странами.

В Микенах и других городах Греции найден, например, целый ряд глиняных табличек, где упомянуты выходцы из Малой Азии. Там не раз встречаются Tros (троянец), Troia (троянка), Aswiai (азиаки), Milatai (женщины Милета) и другие.

Неизменно речь идет о чужеземцах, попавших в Аххияву. Там, где упомянуты женщины, это работницы, привезенные из Малой Азии. Все названия свидетельствуют о том, что жизнь микенских греков задолго до Троянской войны была тесно связана с Малой Азией, островами, лежащими у ее берегов, и Троей. Очевидно, греки не раз совершали разбойничьи походы, нападая на побережье Малой Азии и соседние острова и вывозя оттуда добычу — пленников.

Вот пример тому — письмо одного из пострадавших царьков могучему правителю хеттов Муваталли (оно датировано примерно 1300 годом до нашей эры). Он жалуется, что некий Пиямараду напал на его остров Лазбу (Лесбос) и увел оттуда ремесленников в Миллаванду (Милет) — своего рода форпост микенских греков в Малой Азии.

Впрочем, ясно и другое. В разбойничьи походы ради добычи рабов пускались и хетты. Для того времени это было привычным

делом. Правда, согласно хеттским документам, эти походы ограничивались лишь окончательностью Малой Азии. Пока не обнаружено никаких упоминаний о женщинах, увезенных в рабство из Аххиявы, например, из Пилоса, Микен или «семивратных Фив». Наблюдается одностороннее наступление: с запада на восток, из Аххиявы в Малую Азию, но никак не наоборот.

В XIII веке до нашей эры эта экспансия — или, говоря старинным языком, грабительские набеги — стала обыденным явлением. Она напоминает натиск «северных разбойников» — норманнов — на Францию, Британию и Ирландию в IX веке нашей эры. Хеттские цари вначале вызывают к благоразумию своих соседей, просят их прекратить набеги, сдержать своих «героев»-разбойников. Терпению хеттов приходит конец. Давние отношения надо разорвать.

И вот уже Тудхалия IV требует от своего «вассала» из сирийского государства Амурру не торговать с греками. В этом договоре, заключенном в 1220 году до нашей эры, хеттский царь отказывается даже упоминать правителя Аххиявы в традиционной формуле рядом с царями Египта, Вавилона, Ассирии. Этот жест означает не только недовольство политикой греков, но и настоящую вражду с ними. Вражда положила начало войне.

*Ахейские мужи во тьме снаряжают коня,
Зубчатыми пилами в стены вгрызаются крепко,
Никак не уляжется крови сухая возня,
И нет для тебя ни названья, ни звука, ни слепка*
(О. Мандельштам).

По мнению современных исследователей, целый ряд фактов доказывает, что историческая основа «Илиады» — поэмы Гомера о Троянской войне — не вызывает уже никакого сомнения. Микенские греки были тесно вовлечены в политические и военные события, разыгравшиеся в XIII веке до нашей эры в западной части Малой Азии.

В XIII веке небольшое государство Вилуса, — оно пребывало в зависимости от хеттов, — стало объектом постоянных атак со стороны микенских греков или их союзников.

Вилуса располагалась на северо-западе Малой Азии — там же, где лежала Троя, воспетая Гомером.

С лингвистической точки зрения название Wilusa (Вилуса) можно соотнести с греческим названием (W) Ilios (Илион). Это была Троя.

Дальше начинаются разногласия.

Вот первый сценарий прошлого. Что если самой Троянской войны не было никогда? Был лишь ряд грабительских набегов, разбойничьих походов или военных экспедиций. В памяти потомков эти события слились в одну долгую войну, длившуюся — почему бы нет? — десять лет кряду. Возможно, вместо одной большой войны был десяток походов, один из которых увенчался взятием и разрушением Вилусы-Илиона. Возможно, некоторыми из этих походов руководили племенные вожди, которых звали Одиссей, Ахилл, Аякс, Менелай, Агамемнон. Некоторые ученые полагают, что гомеровский эпос описывает события, протекавшие на протяжении ста с лишним лет.

В памяти рапсодов и аэдов — странствующих певцов, что разносили по городам и весям рассказы о славном прошлом, — эти события слились воедино. И «Илиада», возможно, начиналась с разрозненных песен, своего рода саг, воспевавших походы отдельных героев к берегам Малой Азии. Очевидно, поэме предшествовал цикл героических песен наподобие французских средневековых сказаний о Карле Великом или былин о киевских богатырях.

Можно добавить, что возвращение домой после удачного похода тоже было сопряжено с риском. Ахейцы — эти норманны античности — подчас скитались по всему Средиземному морю, сталкиваясь с дикими племенами, населявшими отдельные острова и побережья. Из рассказов про эти приключения сложилось историческое ядро «Одиссеи» — другой великой поэмы Гомера, все еще принимаемой за сказочный вымысел.

Впрочем, не менее велика вероятность, что за цветистой канвой «Илиады» скрывается не множество «булавочных уколов», а один великий поход. Вот другой возможный сценарий и доводы в защиту Гомера.

Археологические находки доказывают, что во второй половине XIII века до нашей эры в Милете произошла смена власти: город захватили ставленники хеттов. До сих пор именно из Милета, или Миллаванды, ахейцы вмешивались в события, протекавшие в Хеттской державе, поддерживали ее врагов и мятежных вассалов и даже предпринимали военные походы. Очевидно, царь Тудхалия IV решил искоренить этот очаг опасности, находившийся почти на границе с Хеттской державой. Вероятно, именно тогда на одном из горных перевалов близ Милета была оставлена хеттская надпись, найденная археологами летом 2000 года. В древности подобные наскальные надписи служили сигналом всем сопредельным странам: «Здесь правят хетты». Итак, другой сценарий развивается в более привычном нам русле. Ближе к концу II тысячелетия до нашей эры греки усилили натиск на восточную часть Средиземноморья. В XV веке они нападают на Крит. Этот царственный остров теряет статус великой морской державы. Под влияние греков попадают и союзники критян в Малой Азии. С этого времени микенские греки надежно обосновались в Милете. Отсюда они пытаются расширить свою область влияния. Они наносят удары по окраинам Хеттской державы, ведь в ту пору в зависимости от хеттов пребывает не только почти вся Малая Азия, но и острова, лежащие у ее побережья. Однако этот натиск окончился ответным ударом хеттов. Аххиява потеряла свой форпост в Малой Азии — Милет. Ее правитель не мог смириться с неудачей. Вот уже несколько столетий греков очень интересовала «житница Малой Азии».

Сам Милет — со стратегической точки зрения — был довольно уязвим. Поэтому греки попытались завоевать плацдарм в другой части полуострова, а именно — в Трое. Этот богатый, цветущий город давно привлекал их внимание. Они устремились в поход.

Навстречу им, возможно, двинулась армия хеттов. Пришло время греку Ахиллу сразиться с хеттом Гектором? Быть может, греко-троянская война, на самом деле была греко-хеттской войной? Ответ могут дать новые археологические раскопки. Историки же отмечают несколько любопытных стихов «Одиссеи»:

«Так, Эврипила, Телефова сына, губительной медью

Он [Неоптолем. — *Авт.*] ниспроверг, и кругом молодого вождя все кетейцы пали его» (XI, 519—521).

В этих стихах «кетейцы» — хетты, а их вождь Эврипил, сын Теллепину («Телефа»), чье имя было распространено среди хеттов, и Астиохи, сестры троянского царя Приама. Итак, эти строки означают, что племянник царя Трои командовал армией хеттов и погиб, защищая город. Кому ж доверить эту армию, как не хетту? Кто ж тогда его дядя, Приам? Хетт или местный царек, породнившийся с хеттами через сестру.

Среди «кетейцев» больше всего грекам знакомы были жители Вилусы-Трои. Поэтому они могли всех хеттов звать «троянцами» — как в наши дни всех выходцев из бывшего СССР американцы зовут «русскими». Великое Хеттское царство ученые отыскивали всего сто лет назад и долго удивлялись тому, как прочно оно было забыто. А может быть, его никогда не забывали, помня под именем Трои? Тень пограничного города накрыла целое царство...

3. Закат Хеттской державы

Троя пала около 1200 года до н.э. Тогда же погибла Хеттская держава. Мы не знаем точно, как это произошло, но мы знаем, что в этой дате кроется важный смысл. Около 1200 года всю тогдашнюю ойкумену потрясают страшные катастрофы: на всем протяжении от Греции до Египта одна страна воюет с другой, один народ — с другим. Не извержения вулкана губят культуры того времени и не падения метеоритов в Атлантику — но мировая война.

Все началось с изменения климата. Громадные приливные волны стали обрушиваться на побережье Северного моря; низменности были затоплены. На обширной территории Европы — в Англии, Германии, Нидерландах, Бретани — начался голод. В ту пору здесь жили племена, хоронившие своих покойных на необычный манер: они кремировали их, а прах помещали в керамические сосуды — погребальные урны. Археологи так и назвали их культуру — культурой полей погребальных урн.

Чтобы выжить, племена двинулись на юг. Ведь они знали, что где-то на юге лежат богатые страны — Греция, Египет. Издавна они торговали с южанами, выменивая товары на янтарь, который часто находили на берегу моря. На этот раз к берегам Средиземного моря шли не отдельные торговцы, а целые народы, вооруженные бронзовыми мечами, копьями, круглыми щитами, а также рогатыми шлемами, наподобие тех, что в средние века носили норманны. Фрески египтян и греков запечатлели облик этих рослых, воинственных северян.

Колонны беженцев все разрастались. Огромной волной они захлестнули Венгрию, докатились до Македонии, осадили Афины, пересекли Малую Азию и достигли нильской дельты, где, в конце концов, были уничтожены войсками египтян.

Первое нашествие европейских племен на Египет отбил фараон Мернептах в 1219 году до н.э. Шестичасовая битва стоила «варварам» до 8500 человек убитыми и свыше 10 тысяч пленными. Однако вскоре на страну обрушилась новая, более мощная волна переселенцев. На этот раз они двигались не только посуху, но и плыли на лодках, за что и получили свое памятное название «народов моря». Лишь в 1170 году фараон Рамсес III окончательно разбил непрошенных пришельцев. Он был так горд своей победой, что велел запечатлеть сцены битв на стенах храма в Мединет-Хабу; общая площадь этих изображений достигала 10 тысяч квадратных метров. В завещании Рамсеса III говорится: «Я повергнул их в кровь, сделал из них горы трупов. Заставил я их уйти до границы Египта. Привел я

тех, кого оставил живыми... Их жены и дети — в количестве десятков тысяч, их скот числом в сотни тысяч» (пер. И.П. Сологуб).

Очевидно, что Хеттское царство тоже пало жертвой этого великого переселения народов. Для греков Малая Азия была исконной родиной фригийцев. О хеттах они ничего не знали, хотя их предки — микенцы — были давними торговыми партнерами и соперниками хеттов. Что же стало с хеттами? Для нас их судьба все еще является загадкой.

4. Куда уехал царь?

В середине XIII века до нашей эры Хеттская держава была на вершине своего могущества. В ее столице развернулось крупное строительство. Трудно себе представить, что через какое-то столетие эта процветающая цивилизация внезапно исчезнет, практически не оставив следа в памяти других народов. Тысячи лет спустя, когда ученые стали встречать в египетских текстах упоминание страны Kheta, они даже не знали, где ее искать.

Наконец Хаттусу нашли. Начались раскопки — обычная рутинная работа. Одно удивляло археологов: при раскопках Хаттусы им почти не встречались предметы из золота и серебра, украшения из драгоценных камней, статуи. Город был дочиста разграблен врагами? Нет, скорее, тщательно эвакуирован. В последние годы ученые лишь укрепились в этом мнении.

Очевидно, Хаттуса постепенно пришла в упадок, и сами хетты во главе с царем покинули ее, вывозя оттуда все самое ценное. Они покидали город отнюдь не в спешке, под натиском наступающих врагов. Переезд из Хаттусы был тщательно спланирован, он не был похож на паническое бегство. Вопрос только: «Куда?» Куда была перенесена хеттская столица около 1200 года до нашей эры?

Очевидно, после отъезда знатных людей бедняки окончательно подчистили брошенную метрополию. Когда в конце концов враги добрались до Хаттусы, там нечем было поживиться. «Все на-

*Голова богини.
Рельеф из Каркемиша.
Высота — 82 см. Традиционный
стиль. 1050—850 гг. до н.э.*

ходки свидетельствуют, — говорит немецкий археолог Юрген Зееэр, — что Хаттуса постепенно пришла в запустение». Сожженные здания оказались в основном пусты. Всего из 27 храмов Хаттусы были сожжены одиннадцать. Прочие здания вообще не пострадали от огня.

«Хаттуса потеряла статус столицы еще до падения Хеттской державы» (Ю. Зееэр). Царь Суппилулиума II, его ближайшее окружение, а также чиновники, военные и жрецы покинули город и отбыли в неизвестном направлении. За ними последовали прочие горожане — прежде всего ремесленники и торговцы. Это массовое переселение уничтожило городскую инфраструктуру. Пока можно лишь гадать о причинах массового исхода. Воз-

можно, всему виной было несчастливое стечение обстоятельств.

Известно, что в конце XIII века в царской семье возобновились династические споры. Придя к власти, Суппилулиума II даже потребовал от сановников принести ему клятву на верность: «Я буду защищать лишь потомков моего господина Суппилулиумы. Я никогда не поддерживаю другого человека, потомка Суппилулиумы Первого, потомка Мурсила, потомка Муваталли и Тудхалии». Археологи нашли не одну подобную табличку.

Тем временем в северных районах страны начался голод, и хеттам пришлось импортировать хлеб из Египта. Новые набеги кас-

кеев лишь ухудшили ситуацию. Кроме того, из-за бурных событий, происходивших около 1200 года в Восточном Средиземноморье, изменились торговые пути.

Новый царь уже не мог остановить начавшийся распад империи. Ему оставалось разве что рассылать в провинции письма, увещевая и обвиняя мятежников. Однако в отпавших землях теперь хозяйничали пришлые племена. Превращая вековая расстановка сил в Передней Азии была ими опрокинута, сметена.

Одни кочевники двигались по дорогам Анатолии; другие морем добирались до Сирии, захватили Кипр... В этот момент Суппилулиума II предпринимает отчаянную попытку отвоевать остров: «Я пустился в путь... и быстро достиг моря, я, Суппилулиума, великий царь. Но против меня прямо в море трижды выходили в сражение корабли Аласии (то есть Кипра. — *Авт.*). Я уничтожил их; захватив корабли, я сжег их в море. Когда же я достиг берега, толпы врагов, [захвативших] Аласию, вышли против меня сражаться». Что было дальше, мы не знаем. В конце концов хеттский царь и его подданные оставили старую столицу и переселились в более благополучное место — подобно поздним римским императорам, покинувшим Рим и поселившимся в Равенне, среди болот.

Экрем Акургал так реконструирует происходившие тогда события. Когда Троя пала, для фракийских племен, населявших Балканский полуостров, открылся путь в Малую Азию. Сперва они заселили северо-восток Малой Азии и попытались продвинуться вглубь полуострова. Постепенно они добрались до Сирии и Ассирии, поначалу, похоже, даже не конфликтуя с хеттами, чье царство рассыпалось буквально на глазах. Вторгшиеся племена расселились на востоке и юго-востоке Анатолии — как впоследствии в Западной Римской империи расселятся варвары; об их появлении упоминают и сами хетты, и ассирийцы. Хетты оказались окружены враждебными племенами, и около 1180 года до нашей эры их держава пала.

...Итак, судьба последнего хеттского царя Суппилулиумы II остается неясной. Царь запер дворец и храмы и отбыл в неизвест-

ном направлении. Мы можем лишь предсказать его посмертную судьбу. Хетты, насколько мы знаем, не сооружали в честь своих царей ни пирамиды, ни мавзолеи, ни пышные гробницы. Они «быстро и скромно» (Ф. Штарке) сжигали их и предавали их пепел земле. Никаких золотых сокровищ в царских могилах не найти — еще одна странная, с точки зрения древних, черта поведения хеттов.

5. Следы столицы теряются на минном поле

Пока мы не знаем, куда переехала хеттская столица. Пока не знаем. Нет ни одного письменного упоминания об этом событии. Архивы, относящиеся к последней эпохе правления хеттских царей, еще не найдены.

Известно только, что после распада Хеттского царства образовались три новые державы, притязавшие на роль хранителей векового наследия: Каркемиш, Тархунтасса и Мира. Здесь хеттские традиции сохранялись вплоть до VIII века до нашей эры. Сюда из Северной Анатолии бежало множество хеттов.

В начале I тысячелетия до нашей эры в Сирии, к югу от Таврского хребта, существует целый ряд хеттских городов-государств, из которых наиболее известен Каркемиш. Большинство их возникло уже после распада Хеттской державы. Князья этих карликовых образований именуют себя под стать великим царям прошлого: «Муталлу из Куммуха» или «Лубарна из Хатти». Прежде они были вассалами Хеттского царства, но постепенно исчезли и эти страны, поглощенные своими соседями.

Вероятно, «цари Хеттейские», упомянутые в Четвертой книге царств, были царями Каркемиша и союзных с ним городов, а не правителями Хеттской империи. Урия Хеттеянин (2 Цар. 11) — тоже уроженец одного из этих небольших государств. Образ великой Хеттской державы к тому времени изгладился из памяти ее соседей.

Буркхардт и другие путешественники, видевшие в Сирии камни с иероглифами, обнаружили памятники письменности, оставлен-

ные именно жителями поздних хеттских государств. Их язык не похож на язык клинописных текстов, найденных в Богазкее.

Десятилетиями филологи пытались расшифровать хеттские иероглифы, но безуспешно. Они были совершенно не похожи на египетские иероглифы. Некоторые исследователи усматривали в них сходство со значками на древнеиндийских печатях, а также с символикой загадочного Фестского диска, найденного на Крите.

Наконец, в 1947 году немецкий археолог Хельмут Теодор Босерт обнаружил в руинах города Каратепе, на юге Турции, большую надпись-билингву на дворцовой стене. Здесь за хеттскими иероглифами следовала надпись на финикийском языке. Надписи сравнили. По всему видно было, что их содержание одинаково. Дальнейший анализ показал, что надпись была выполнена на лувийском языке.

К сожалению, сохранилось слишком мало текстов, относящихся к эпохе хеттских городов-государств. Это не позволяет нам восстановить их историю. Правда, в Каркемише археологи нашли тексты, в которых приведен подробный перечень царей этого города. Пока же почти все, что мы знаем об истории хеттов в ту эпоху, мы узнали из ассирийских анналов и документов, найденных в других странах древнего Востока.

Археологи так и не сумели локализовать столицу царства мира. По мнению некоторых, она лежала близ Абасы — греческого Эфеса. Неизвестно и расположение столицы Тархунтассы. А вот место, где находился Каркемиш, ученые знают, но вести там раскопки невозможно из-за политической ситуации в регионе. Древний город оказался на границе Турции и Сирии. На территории, где могли бы работать археологи, пролегают минные поля.

Раскопки в Каркемише велись один-единственный раз в 1912—1914 годах. Вел их не кто иной, как... Лоуренс Аравийский. Деревня Каркемиш лежала на стратегически важной дороге, которая вела в Багдад, и археологическая экспедиция была удачным прикрытием для британской разведки. Впоследствии ученые так и не исследо-

вали местность, где когда-то лежала столица Хеттского царства. Остается лишь гадать, какие тайны скрывает этот город.

Тысячелетняя хеттская история погребена под руинами Каркемиша. Очевидно, здесь сохранился обширный клинописный архив, способный пролить свет на загадочное исчезновение хеттов, но архив пока недоступен. Ученые могут надеяться лишь на смягченные политической обстановки в этом регионе.

Возможно, разгадки многих тайн хранит архив Тархунтассы, но город пока не найден.

Возможно, разгадки многих тайн хранит архив Абасы, но он пока не найден.

Возможно, разгадки многих тайн хранит некий другой архив, лежащий в любом районе Турции. Остается уповать лишь на случайную находку.

6. В конце истории

появляются ассирийские солдаты

Теперь сильнейшей державой региона стала Ассирия. В ее анналах по-прежнему встречаются упоминания о «хеттах». Постепенно это имя теряет свою конкретику и становится обозначением вообще населения. Так, незадолго до 1000 года до нашей эры в Сирию проникают арамейские, то есть сирийские, племена, и ассирийцы тоже называют их «хеттами». Впрочем, арамеи перенимают у хеттов их строительные традиции; их искусство напоминает хеттское, но говорят арамеи совсем на другом языке и поклоняются своим особым богам. Современные историки могут отличить арамеев от хеттов по их письменности. Арамеи использовали финикийский алфавит, а хетты — иероглифическое (лувийское) письмо.

Столетиями Ассирия то наращивала мощь, то переживала упадок. Наконец в начале IX века она возобновляет военные походы. Ее войска стремятся выйти к берегам Средиземного моря, а по пути

покоряют одно за другим мелкие арамейские и хеттские государства. Они не встречают серьезного сопротивления. Так, царь Каркемиша соглашается заплатить ассирийскому царю большую дань, в том числе 20 талантов серебра (1 талант = 30,3 килограмма. — *Авт.*). Хеттские города смирились со своей участью, признали верховенство ассирийцев и пользуются частичной автономией, платя за это золотом и серебром.

В конце VIII века до нашей эры царь Тиглатпаласар III (745—727 г. до н.э.), проводя административные реформы, аннексировал часть хеттских территорий. Они стали провинциями Ассирии. Постепенно хеттский язык забылся; культура хеттов умерла. Их художники отказались от своих древних традиций и переняли ассирийские, а потом и арамейские традиции. Их города постепенно становятся добычей ассирийцев. Последние из них — Хамат, Гургум, Куммух, Каркемиш, Табал — завоеваны Саргоном II в 720—709 годах до нашей эры. Славная история Хеттского царства изгладилась из памяти людской. Само слово «Хатти» было совершенно забыто. Как будто хеттов никогда и не было в Малой Азии!

Например, греки считали, что Малую Азию всегда населяли фригийцы.

Статуя хеттского царя из Малатии. Известняк.

Высота — 3,18 м.

Ассирийский стиль.

Конец VIII в. до н.э.

На самом деле это индоевропейское племя переселилось туда около 1200 года до нашей эры с Балканского полуострова. Следы фригийского поселения нашли и в Богазкее; оно возникло после ухода оттуда хеттов. Очевидно, что фригийцы, чья история нам известна плохо, не могли не перенять некоторые обычаи живших здесь прежде них хеттов. Так, фригийский колпак — странная коническая шапка из сукна, ставшая одним из символов Великой французской революции, — явно имеет хеттское происхождение. Подобный головной убор носил хеттский бог Грозы.

И все же знаменитый репортер древности — «отец истории» Геродот — оставил нам сообщение о хеттах, сам не подозревая того. Вблизи греческого города Смирна, в Карабеле, на западном побережье Малой Азии, он увидел непонятную статую и иероглифы. Он назвал увиденное памятником фараону Сесострису (то есть Сенусерту, одному из правителей Среднего царства. — *Авт.*) и «египетскими священными письменами». На самом деле то были хеттская статуя и образец хеттского иероглифического письма.

Кстати, поразительно, что археологам практически не удается отыскать в Центральной Анатолии следы поселений, относящихся к 1200—800 годам до нашей эры. Очевидно, в то время эта область либо была слабо заселена, либо здесь жили кочевые племена, не оставившие после себя никаких городищ. Последствия фракийского вторжения в Малую Азию следует признать катастрофическими. Оживленная цветущая страна превратилась в пустыню. На территории Центральной Анатолии вплоть до становления Фригийского царства в VIII веке до нашей эры, возможно, не было ни одного города. Прежние города лежали в запустении, а строить новые было некому.

Но хетты все-таки не исчезли, как и их божества. Последние проникают во Фригию и Лидию, Грецию и Рим. Некоторые хеттские божества сохраняют даже, пусть и в измененном виде, свои прежние имена. Позднейшие религиозные культы Малой Азии, несомненно, несут на себе отпечаток хеттских ритуалов.

Некоторое время — вплоть до начала нашей эры — еще сохраняются и хетто-лувийские языки. На них говорят на западе и юге Малой Азии, от Карики до Киликии. Хеттские мотивы исподволь проникают в сочинения греческих поэтов, в сказки и легенды местных народов и распространяются по всему свету. Как писала Маргарита Римшнайдер, «...многое из того, что мы считали подлинно греческим, будь то лира певца или султан на шлеме воина, засвидетельствовано уже в поздних хеттских рельефах. Не внешнее сходство важно, но оно подает знак. С лирой по свету странствует песня, со шлемом — бог войны».

7. Хетты в ожидании открытий XXI века

Прошло почти сто лет с начала раскопок Богазкея — с открытия Хеттской державы, но и сегодня у ученых нет ответов на многие вопросы, связанные с судьбой хеттов.

«Историческая география Малой Азии эпохи Хеттской дер-

Бог Грозы. Базальтовый рельеф. Высота — 127,5 см. Ассирийско-арамейский стиль. 850—700 гг. до н.э.

жавы, — отмечает Андреас Мюллер-Карпе, — слишком полна пробелов, так что приходится иметь дело со многими неизвестными». С археологической точки зрения, Троя представляет собой остров, расположенный посреди неизвестной земли. Ведь мы очень плохо знаем карту Малой Азии бронзового века. Она изобилует белыми пятнами. Вся западная часть Малой Азии в эпоху бронзового века — это *terra incognita* для ученых. Между тем, «наряду с Троей имеется довольно много других мест, которые могли играть важную роль в тогдашних событиях, но они пока не локализованы нами».

Так, один из хеттских царей, бахвалясь, перечисляет 90 городов, разрушенных им во время карательного похода в западную часть полуострова. Ни один из этих городов пока не удалось идентифицировать. Между Троей и Хаттусой, столицей Хеттского царства, простирается археологическая пустыня.

Сейчас вырисовывается следующая дилемма. За последние тридцать лет филологи постоянно расшифровывают все новые хеттские клинописные тексты. Археологи же почти не расширяют зону поисков, продолжая раскопки все в тех же давно известных поселениях и городах. Как результат историки могут назвать около 1400 хеттских городов, известных им из сохранившихся текстов. Археологи же не могут указать на карте и дюжины этих городов. Так что археологическое открытие Хеттской державы фактически еще не состоялось. Это — задача ученых XXI века.

Даже не дожидаясь новых открытий, мы должны признать, что уже в бронзовом веке Малая Азия играла выдающуюся роль в мировой истории. На ее побережье скрещивались два важнейших торговых пути древности: морской, что вел из Эгейского моря в Черное, и сухопутный — из глубин Азии на Балканы. Здесь соединялись Восток и Запад, европейские новации сливались с новшествами, принесенными сюда из Месопотамии и Ближнего Востока. Местные жители впитывали новые идеи, развивали, совершенствовали их, обменивались ими с жителями соседних стран. Отсюда —

через Трою и другие города на побережье Эгейского моря — новаторские идеи проникали в Микенскую Грецию.

Ученых волнуют и другие вопросы. Так, в Библии говорится, что хетты жили в Палестине, когда среди них поселился пророк Авраам. По оценкам историков, это событие произошло около 1700 года до нашей эры — как раз в то время, когда хетты объединили под своей властью Анатолию. Тогда их войска еще не совершали походы даже в Сирию. Вообще говоря, Палестина никогда не принадлежала хеттам даже в период их наивысшего могущества. Она всегда оставалась в сфере влияния египтян. Быть может, Авраам встретил в горах Палестины хаттское (протохеттское) племя, перекочевавшее сюда из Анатолии в незапамятные времена?

Между тем филологи продолжают работу. «Некоторые сделанные ранее переводы, — признает Франк Штарке, — устарели, ведь с открытием новых текстов мы все лучше понимаем лексикон хеттов. Приходится перечитывать заново уже известные документы. Случайно найденная глиняная табличка может дать ключ к прочтению непонятого прежде текста».

Наконец, до сих пор окончательно непонятно, откуда именно в Малую Азию пришли хетты — из Европы или Азии. Филологи обращают внимание на то, что хеттский язык относится к той же группе индоевропейских языков, что и греческий, итальянский, кельтский и германские языки. Во всех этих языках для обозначения числа «сто» используется слово *centum* и его различные вариации. Вплоть до наших дней в этих языках встречаются слова *cent*, *cento*, *Zentimeter*, *Zentner*, *Jahrzehnt*. В восточных индоевропейских языках число 100 обозначается различными вариантами слова *satem*.

Опираясь на эту особенность языка хеттов, многие исследователи полагают, что этот народ пришел в Малую Азию из Европы, вероятно, миновав Балканский полуостров. Другие историки так же настойчиво доказывают, что хетты пришли в Анатолию со стороны Кавказских гор.

8. Хетты стали немцами?

Неясно также, почему хетты — народ с тысячелетней историей — так быстро исчезли после падения Хеттской державы. Часть хеттов перебралась в Сирию, но что произошло в Анатолии? Почему там не осталось хеттов?

Историки довольно рано стали предполагать, что хетты, спасаясь от «народов моря», возможно, бежали на Кавказ. «Некоторые, — анализировал возможные следы хеттского влияния Борис Тураев, — хотят видеть последний остаток хеттских языков в грузинском и баскском, другие (Н.Я. Марр, Л.З. Мсерианп) находят его следы в армянском».

Сто лет исследований так и не прояснили судьбу хеттов. Зато появились самые неожиданные версии. Вот одна из них. Ее изложил на страницах книги «Хетты. Народ тысячи богов» немецкий историк Иоганн Леман. Для этого он обратился к давнему прошлому германцев.

Римлянин Тацит, описывая германские племена, упомянул и хаттов, «обитающих не на столь плоских и топких местах, как другие племена равнинной Германии: ведь у них тянутся постепенно реденеющие цепи холмов... Этот народ отличается особо крепким телосложением, сухощавостью, устрашающим обликом, необыкновенной непреклонностью духа. По сравнению с другими германцами хатты чрезвычайно благоразумны и предусмотрительны... и что совсем поразительно и принято лишь у римлян с их воинской дисциплиной, больше полагаются на вождя, чем на войско» (пер. А.С. Бобовича).

Это германское племя жило между реками Рейн и Везер — там, где сейчас лежит федеральная земля Гессен. Конечно, созвучие имен выглядит простым совпадением. Может ли древний культурный народ, потерянный в Малой Азии, тысячу лет спустя объявиться среди диких германских племен? Гипотеза кажется надуманной. Но ведь есть некоторые факты.

Археологи давно находят в Европе изображения бога, восседающего на быке. Их встречают по берегам Дуная и Рейна и даже в Англии и Италии. Особенно много таких находок сделано в Анатолии, ведь хетты любили изображать бога Грозы — главного своего бога — именно в такой позе. Если теснимые «народы моря» хетты скрылись на Балканах, а оттуда направились в Центральную Европу, где со временем растворились среди соседних племен, то они не могли не взять с собой в путь единственную надежду и опору — фигурки своих богов.

В конце концов, полудикие греческие пастухи, которых встречали путешественники пару столетий назад, тоже ничем не напоминали наследников эллинской мудрости, как и неприметное племя хаттов — потомков народа, основавшего великую державу бронзового века.

*Они ушли, мужи высокой славы,
Те первые, кому среди племен
Венец бессмертья миром присужден.
Где? Где они? За партой учат дети
Историю ушедших в тьму времен,
И это все! И на руины эти
Лишь отсвет падает сквозь даль тысячелетий.*

(Дж.Г. Байрон. Паломничество Чайльд Гарольда.
Пер. В.В. Левика).

ХРОНОЛОГИЯ ХЕТТОВ

(В скобках даты из истории других стран древнего Востока)

(Около 2650 года до нашей эры — сооружены самые большие пирамиды в Египте.)

После 2500 года* — вторжение индоевропейских племен в Центральную Анатолию.

(Около 2500 года — первая династия Урука.)

После 2000 года — индоевропейские племена, осевшие в Анатолии, смешиваются с коренным населением — хаттами. В результате этногенеза возникает народ хеттов. Их царь одновременно является верховным жрецом, главнокомандующим и верховным судьей страны. Его жена — таваннанна — играет важную роль в управлении страной, замещая мужа.

Около 1950 года — в Центральной Анатолии (Каниш, современный Кюль-Тепе) возникают ассирийские торговые колонии.

(1792 год — Хаммурапи начал править в Вавилоне.)

(Около 1700/1650 года — начало правления гиксосов в Египте.)

* Здесь и далее — до н. э.

XVII век — Анитта, первый хеттский царь, завоевывает и разрушает Хаттусу, а затем проклинает место, на котором находился город. Столицей Хеттской державы является Неса (Каниш).

Около 1650—1620 / 1590—1560 годов — правление Хаттусили I. Он завоевывает обширные районы Центральной Анатолии и простирает границы своей державы до Северной Сирии. Ее столицей становится Хаттуса.

Около 1595 / 1531 года — Мурсили I завоевывает Хальпу (Алеппо). Его армия доходит до Вавилона и разрушает его. Однако завоеванные территории утрачены из-за междоусобной войны, разразившейся в стране хеттов. Мурсили убит своим шурином Хантили).

(Около 1520 года — катастрофическое извержение вулкана на острове Санторин в Средиземном море.)

(Около 1500 года — египетская армия продвигается в Сирию, доходя до Евфрата.)

(Около 1480 года — греки завоевывают Крит. Начало расцвета Микенской Греции.)

(Около 1450 года — появление микенских греков в Миллаванде-Милете.)

XV век — после междоусобных войн Хеттская держава значительно уменьшается в размерах. Под властью царя остается лишь Центральная Анатолия. Указ царя Телепину становится своего рода «конституцией хеттов». Начинается политика заключения договоров с соседними странами.

1420—1400 годы — хетты вновь доминируют в Северной Сирии. Разрушение Хальпы. Столкновения в западной части Малой Азии.

(Около 1408—1354 / 1380—1320 годов — Египет при Аменхотепе III и Эхнатоне прекращает завоевательные войны.)

(Около 1370 / 1350 года) — Ассирия становится независимой от царя Митанни.)

1380—1340 / 1345—1325 годы — во время правления царя Суппилулиумы I, современника Эхнатона, Новохеттское царство становится одной из ведущих держав древнего Востока, сравнимой по мощи с Египтом и Вавилонией. Хетты подчиняют себе царство Митанни и завоевывают Северную Сирию вплоть до Евфрата. Хеттский царь упрочивает положение своей державы, заключая тщательно продуманные договоры с соседними странами — Угаритом, Хальпой, Алалахом, Митанни.

Около 1345—1315 / 1320—1290 годов — лишь постоянные военные походы помогают стабилизировать положение внутри Хеттской державы. При Мурсили II, младшем сыне Суппилулиумы I, большая часть западных районов Малой Азии оказывается в зависимости от хеттов. Хетты разрушают Миллаванду — плацдарм микенских греков в Малой Азии.

(Около 1300 года — ассирийцы начинают расширять свою территорию и завоевывают часть Митанни.)

После 1300 года — конфликт с Египтом из-за Северной Сирии приводит к столкновению двух «сверхдержав» бронзового века.

Около 1290 / 1275 года — при Кадеше, в верховьях реки Оронт, состоялось, возможно, крупнейшее сражение II тысячелетия до

нашей эры. Армия Муваталли преградила путь войскам Рамсеса II. Те угодили в ловушку и вынуждены были отступить.

Около 1270 / 1258 года — заключен самый известный мирный договор древности — между Хеттским царством и Египтом. Он разграничил владения двух государств в Сирии. Обе стороны обязались оказывать друг другу военную помощь в случае нападения третьей стороны. Они договорились также о взаимной выдаче перемещенцев при условии, что те не будут наказаны.

1240—1215 годы — в царской семье вновь начинаются раздоры. Тархунтасса становится вице-царством.

(1223 год — Ассирия завоевывает Вавилон.)

Конец XIII века — ахейцы разрушают Трою. Последний раз в хеттских текстах упоминается Вилуса.

Конец XIII века — Тархунтасса становится фактически второй столицей хеттов. Из-за голода в Европе начинается переселение народов. Так называемые «народы моря» нападают на восточное побережье Средиземного моря. При Суппилулиуме II в Хеттской державе начинается смута.

После 1200 года — Хеттское царство распадается. На юго-востоке Анатолии и в Северной Сирии возникают самостоятельные хеттские царства. Суппилулиума II, а за ним большинство горожан покидают Хаттусу, отбывая в неизвестном направлении.

XII—VIII века — эпоха позднехеттских царств: Тархунтассы, Каркемиша, Миры.

Конец VIII века — Ассирия завоевывает небольшие хеттские царства.

Содержание

Место и время	3
---------------------	---

Часть первая ПО СЛЕДАМ ХЕТТОВ

1. Все начинается с Библии	6
2. Где эта страна? В Сирии, Турции, Ливане?	8
3. Когда за дело берется жена феллаха	11
4. Какие-то камни из Богазкея	14
5. Будущий маэстро умерших языков	19
6. Первая поездка на Восток	27
7. Университетский профессор и мысли о будущем	31
8. Перед новым путешествием в Турцию	33
9. Неразгадываемых языков нет	35
10. Как объяснить язык, исходя из него самого?	36
11. Начать с... окончания!	40
12. «Решение хеттской проблемы»?	44
13. Откуда пришли сюда индоевропейцы?	48
14. Сюрпризы Богазкейского архива	51
15. «Скромное» сообщение о победе	54
16. К темным уголкам истории	57
17. Новое путешествие на Восток	60
18. Сандалии с железными гвоздями и обломки статуй	63
19. Сквозь препоны бюрократов	67

20. Здесь даже турки считали себя в ссылке	75
21. Таблички на пути	81
22. Взлет славы	86
23. Неразгаданные тайны	88
24. А если подойти с другой стороны?	93
25. Пятерка смелых: от Форрера до... Грозного	99
26. Пять месяцев странствий	106
27. Сияние звезд меркнет перед Солнцем	108
28. Новатор и основоположник — невзирая ни на что	109

Часть вторая ПО СТРАНИЦАМ ХЕТТСКОЙ ИСТОРИИ

1. Хетты встречаются с хаттами	111
2. Когда ассирийцы считали деньги	115
3. Первый царь хеттов проклял их будущую столицу	121
4. Хаттусили, мастер политических завещаний	125
5. Да не зовут племянника сыном!	135
6. Страх перед «чужеземными пастухами»	138
7. Царь собирает коров	143
8. Жених с того края света	149
9. Молитва во время чумы	152
10. Кадеш! Кровь двух армий омыла тебя	161
11. Почему договор хеттов хранится в ООН?	168

Часть третья ХЕТТСКИЙ МИР ВО ВСЕМ КРОВОЖАДНОМ МИРЕ

1. Серебро за око, серебро за зуб	179
2. Империя? Царство? Соединенные Штаты Азии?	188

3. Когда «президент» подчинился «Верховному совету»	192
4. Феминистки древнего Востока	195
5. «В этой местности так много богов...»	196
6. Обряды	203
7. Двадцать тысяч текстов Хаттусы	209
8. Хеттская литература	217
9. Хеттские хроники	221

Часть четвертая

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ХЕТТСКИМ ГОРОДАМ

1. Климат	224
2. Прогулки по Хаттусе	226
3. Святилища хеттов	233
4. Раскопки Сариссы	236
5. Хеттская Сирия	238

Часть пятая

ХЕТТЫ У СЕБЯ ДОМА

1. Как выглядели хетты?	242
2. Жилища хеттов	244
3. Хозяйство хеттов	247
4. Тайна железа	249
5. Развлечения хеттов	251
6. Искусство хеттов	253

Часть шестая

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ХЕТТОВ

1. Хетты в канун переселения народов	257
2. Хетты и ахейцы, троянцы и греки	258

3. Закат Хеттской державы	263
4. Куда уехал царь?	265
5. Следы столицы теряются на минном поле	268
6. В конце истории появляются ассирийские солдаты	270
7. Хетты в ожидании открытий XXI века	273
8. Хетты стали немцами?	276
Хронология хеттов	278

**ВОЛКОВ Александр Викторович,
НЕПОМНЯЩИЙ Николай Николаевич**

ХЕТТЫ. НЕИЗВЕСТНАЯ ИМПЕРИЯ МАЛОЙ АЗИИ

Генеральный директор *Л. Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В. П. Еленский*
Главный редактор *С. Н. Дмитриев*
Редактор *М.В. Давыдова*
Корректор *Б.И. Тумян*
Верстка *И.В. Хренов*

Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — *Д.В. Грушин, Г.Н. Фадеев*

Гигиенический сертификат
№ 77.99.02.953.П.002268.12.02 от 09.12.2002 г

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.
ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ЗАО «Издательский дом «Вече»

e-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>
<http://www.100top.ru>

Подписано в печать 10.04.2004. Формат 70×108 $\frac{1}{32}$.
Гарнитура «Helvetica». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 9. Тираж 5000 экз. Заказ .

Волков А.В., Непомнящий Н.Н.

В67 Хетты. Неизвестная империя Малой Азии. — М.: Вече,
2004. — 288 с. («Таинственные места Земли»)

ISBN 5-9533-0128-6

Государство хеттов — народа, когда-то пришедшего в Малую Азию, возникло в VIII—XVI веках до н. э. Оно очень быстро набирало силу. Пришельцы победили Вавилон, разгромили государство Митанни, даже угрожали Египту, могущественнейшей державе Древнего мира. Хетты упомянуты в Библии, но странным образом летописи Древнего мира обходят историю этого народа молчанием. Только в начале XX века археологи нашли в Турции следы этой таинственной державы. Из расшифрованных клинописных текстов известно, что хетты построили на Анатолийском плоскогорье 1600 городов. За прошедшие сто лет найдено меньше десятка их развалин. Хотя полной истории этого исчезнувшего царства пока нет, свершилось самое важное: найдены опорные точки исчезнувшего государства, прочитаны письма хеттов, уже составлено представление об их искусстве и культуре.

Книга А. Волкова и Н. Непомнящего рассказывает о том, как загадочные земли хеттов мало-помалу выдавали свои сокровища ученым, как таинственный народ древности являл себя современному миру.